

Имя Таира Али хорошо знакомо нашим читателям. Почти вся его проза – частями или полностью – была опубликована в нашем журнале. Новый роман писателя, который мы вам представляем, очень необычен. Он написан в форме магического реализма. На первый взгляд может показаться, что предназначен он для детей и подростков, потому что главному герою Искендеру всего 12 лет, и совершать подвиги ради спасения матери ему помогают сказочные персонажи из азербайджанского фольклора. Но по мере того, как напряженно развертываются события, – порой комичные, порой страшные, – начинаешь понимать, что написан он и для взрослых, и о взрослых. Автор затрагивает в романе вечные темы борьбы добра и зла, любви и ненависти, храбрости и трусости, дружбы и предательства. Сможет ли Искендер, как Гарри Поттер, пройти все испытания и доказать, что победить темные силы можно?..

ТАИР АЛИ

МИШОППА

Роман

Глава первая

Что подслушал Паук

Послушайте моего совета: прежде чем говорить о чем-то важном, гляньте, нет ли рядом пауков. Не поленитесь осмотреть каждый угол, трещины на стенах, плинтусы, обязательно проверьте дверные косяки и оконные рамы, вдруг где заметите паутину. Ведь известно, для чего они ее плетут. Вот и не надо при них говорить лишнего, чтобы потом голова не болела. Тут ведь дело не в самой паутине, а в том, что в нее попадетса. Может, обычная муха, а может, чья-то тайна. Плетут они свои сети неслышно, незаметно, без усталости, при этом еще по сторонам глаза таращат. Каждый глаз, как миниатюрная камера слежения – целых восемь штук! По четыре пары на брата! Все записывается в реальном времени на жесткий диск, который, кстати, у арахнидов не в голове, как можно было бы подумать, а глубоко в брюшке, рядом с *прядильным аппаратом*, откуда и тянут они волокна для паутины. И если на восемь глаз у них ни одного уха, не обманывайтесь, слышат они лучше всех! Ворсинки на лапах, эти сверхчувствительные антенны, уловят малейший шорох. Короче, мое дело предупредить.

В то пасмурное февральское утро, перед поездкой в больницу, Искендер еще ничего не знал об этом, но, заметив свисающего на нити паука, что-то такое неприятное почувствовал. Какой-то холодок пробежал по спине. Паук был крупный, черный, как крем для обуви, и висел очень неподвижно перпендикулярно кухонной раковине так, чтобы не заметили. Выходящая из брюшка серебряная нить тянулась вверх до вентиляционной решетки под потолком. При этом из-за тени от кухонного шкафа паука почти не было видно. Если только хорошенько не присмотреться. В другое время Искендер просто хлопнул бы его с размаха тапочкой, но этим утром было не до этого. И теперь, беспокойно ерзая на сиденье в прохладном больничном коридоре, он вдруг сообразил, что, пожалуй, никогда раньше не видел в квартире такого матерого арахнида. И вообще, нигде не видел вживую, только разве что в интернете или по телевизору. Паук был не только огромный, но и выглядел так, как будто действительно *подслушивал*, о чем говорят родители, нервно собираясь в дорогу.

Больница была очень новой. Такой новой, что еще даже не пахла больницей. Скорее уж, каким-нибудь офисом. Стены были выкрашены в приятные цвета, лифты чистые и бесшумные, фирменные, а регистратура у входа так вообще напоминала гостиничный ресепшен. К слову сказать, Искендер здесь уже бывал два раза. Но в это утро вместо спокойного и скучного второго этажа, где ему приходилось подолгу сидеть, пока мама выйдет из кабинета врача, их направили куда-то наверх, на совершенно другой этаж, где минут через десять ожидания почти бесшумно открылась широкая железная дверь с матовым оконцем, и медсестра в голубом костюме и такой же шапочке, проверив мамино направление, молча увела ее за собой. Вытянув шею, Искендер попытался разглядеть, что находится в том залитом светом коридоре, куда, не оглядываясь, уходила мама, но не успел. Слегка качнувшись, автоматическая дверь плавно закрылась за нею, и они с отцом остались ждать.

...Странно все-таки: никаких мух еще не было и в помине – февраль за окном! – а паук уж вылез. Что же это получается, он не за мухами приходил...?

Кроме них, в приемной было еще довольно много народу. Кто-то просто сидел, уставившись в экран висевшего на стене телевизора с выключенным звуком, а кто-то, устав ждать, прохаживался, разглядывая цветные постеры, но почти никто не разговаривал. А если и заговаривали, то вполголоса, коротко, будто рядом кто-то спал. Конечно, больница – место не веселое, хоть самая новенькая, хоть старая, но именно на этом этаже и перед этой железной дверью лица у всех были особенно озабоченными и, как бы это сказать, – серыми, словно на них лежала невидимая тень. Вряд ли такое настроение у собравшихся было только из-за утреннего ненастья: всю дорогу, пока они прорывались сквозь утренние пробки, косо лил колючий дождь. А между мостом и входом на станцию метро «20 Января», пугая невпопад перебегающих дорогу пешеходов, висела густая туча, от которой в две стороны, будто паучьи лапы, тянулись черные рыхлые отростки.

Рядом с Искендером на сиденье сиротливо осталась лежать мамина куртка.

– Не проголодался? – спросил отец, не отрывая глаз от экрана мобильного телефона. Искендер помотал головой, но он, кажется, даже и не заметил, продолжая бесцельно перебирать картинки пальцем. Только потом вдруг протянул руку и как-то неловко потрепал Искендера по пружинистым кудрям. – Стричь тебя надо. Пойду покурю.

«Уже четвертая», – отметил про себя Искендер, провожая его взглядом к лифту. Прямо у выхода висели электронные часы. Но мерить время количеством выкуренных сигарет было интереснее. Еще недавно отец собирался бросить. Летом, например, когда он почти каждый вечер играл с друзьями в футбол, не курил целых три месяца. Потом опять начал. А что делать, попробуй не дымить сигаретой, когда день и ночь за рулем такси петляешь из одного конца города в другой через все немыслимые пробки, аварии и заторы, чтобы вовремя отдать кредит за их маленькую корейскую машину.

Искендер остался сидеть один с маминной курткой на соседнем сидении. Каждый раз, когда железная дверь с предупреждающим щелчком открывалась, сердце его начинало невольно биться сильнее. Но время шло, а выходили все какие-то посторонние люди с отеками и измученными лицами, словно там, откуда они возвращались, их не лечили, а мучили. Все они были разные, но в основном пожилые. Кто бы мог поверить еще несколько недель назад, что его мама, всегда энергичная и смешливая, окажется вдруг здесь среди этих несчастных людей? Глупость, наверное, однако с самого начала Искендеру казалось, что, не будь того злополучного скандала с гадалкой, все было бы, как раньше.

...Скандал случился, считай, из-за ерунды. Ей бы промолчать, не в первый же раз к гадалке целая толпа клиентов собирается, а она не удержалась. Протискиваясь между собравшимися прямо на лестнице людьми, выговорила сестрам-двойняшкам все, что накопилось. В самом деле, в подъезд ни войти, ни выйти! Целыми днями стоят, ждут приема у Кебуре. Слов нет, Кебуре – гадалка известная, со всего города к ней приезжают. Местная знаменитость. Да что там из города, из деревень и поселков народ добирается. Только жильцам с первого до пятого этажа от этого одно сплошное неудобство. И всему шестиблочному дому №22А тоже. Но все молчат. Никому не хочется с Кебуре связываться. Очень уж репутация у нее опасная.

Двойняшки в ответ затараторили наперебой, будто им разом за шиворот муравьев напустили, но мама спуска не дала, сразу же их на место поставила. Язык у нее острый. И все бы, может, на этом закончилось, потащила она Искендера за руку через набившуюся в подъезд толпу к выходу, только тут из квартиры на шум вышла сама Кебуре...

Последнее, что им гадалка сказала, Искендер запомнил хорошо. Слова ее прозвучали неприятно и страшно:

«Ну, что ж, Джамия, теперь и твое имя в **книгу** записано! Сама напросилась. А для тех, кто там записан, время быстро течет, оглянуться не успеешь. Спешу, соседка, дела свои доделать...»

Сказала и вдруг, скорчив отвратную гримасу, высунула наружу лиловый язык и громко из груди икнула, словно отрывивая застрявший в горле комок шерсти. Молчавшие во время перепалки двойняшки дружно захихикали, прикрывая рты ладошками, а Кебуре язык обратно в рот втянула и, яростно сверкая глазами, гаркнула набившимся в подъезд клиентам: «Расходитесь все...! Сегодня приема нет...!»

Люди недовольно, хотя и с опаской зароптали, однако гадалка, уже не обращая больше на них никакого внимания, зашла в квартиру и захлопнула за собой дверь с такой невероятной силой, что по стене над дверным проемом побежали во все стороны трещины, а гулкое эхо мгновенно взлетело по этажам вверх, разнеслось по лестничным площадкам, по всем углам, звонко ухнуло в трубах и, скатившись по вентиляционным шахтам обратно вниз, угасло где-то под ногами в вечно сыром подвале.

Короче, громынуло как следует!

«Это еще что такое...?» – переполошилась Марьям-ханым, соседка со второго этажа. От неожиданности яйцо, которое она только собиралась вбить в горку муки на кухонном столе, выпало у нее из рук, растеклось желтой слизью по только что вымытому полу. Даже не глянув на него, бросилась она со всех ног в прихожую, прильнула к зеркалу в резной раме, стала с тревогой всматриваться в него так, словно это было не зеркало, а окно в какое-то невидимое пространство...

Кто как, а Искендер грохота не услышал. Потому что выскочили они из подъезда еще до того, как Кебуре дверью хлопнула. «Чокнутая...! Идиотка...!» – все повторяла мама, как заведенная, пока они трусцой пересекали двор. Щеки у нее от возмущения разругались, в глазах сверкали молнии. Успокоилась она немного только на автобусной остановке. Открыла сумку, глянула в зеркальце и поправила волосы, левую бровь мизинцем приподняла и улыбнулась Искендеру:

«Нет, ты видел, как она язык вытащила, а...? Жуть! Я уж думала, плевать начнет... Ядом! Ее лечить надо! Слушай...», – достала она из кармана куртки мобильный и вдруг осеклась, закашлялась, как будто поперхнулась чем-то, лицо пошло яркими пятнами. Перегнувшись пополам, с трудом выплюнула из себя на ладонь отвратительный узелок перепутанных черных волос.

«Что это...?» – только и успела она сказать, обводя растерянным взглядом людей на остановке, когда новый приступ кашля снова скрутил ее. И опять изо рта волосы полезли. Тут подкатил 65-й номер, но куда они на нем, конечно, уже не поехали.

Когда в тот день, наконец, кое-как добрались до дома, прямо перед квартирой, развалившись на половике, ждали их два черных кота – сомнений быть не могло: такие наглые жирные коты на весь четвертый, да, наверное, и на пятый микрорайон были у одной только гадалки!

«Брысь!» – бешено замахнулся на них Искендер. Коты яростно зашипели в ответ и, как две черные тени, метнулись вниз по лестнице.

С того самого дня сразу все пошло не так.

Ждать еще пришлось довольно долго. И хотя сидеть на одном месте было невыносимо, Искендер никак не решался подняться и пройти по приемной, чтобы размять ноги. Все ему казалось, что она вот-вот выйдет к ним, – такой, какой была прежде, до этого дурацкого скандала, – улыбчивой и говорливой. Пусть даже все остальные, кто появлялся из-за железной двери, ну никак не выглядели выздоровевшими. Особенно запомнилась ему женщина с головой, плотно обернутой белым платком. На вид она была старше мамы, хотя наверняка сказать было невозможно. Лицо у нее было совершенно иссушено болезнью, а торчавшие из рукавов мешковатого свитера руки напоминали кисти скелета с распухшими суставами. Проходя мимо, она устало взглянула на кудрявую макушку Искендера и почему-то вдруг подмигнула ему.

Мама, наконец, вышла, когда казалось, ждать уже больше нет сил. Но чуда не произошло.

Обратная дорога заняла дольше времени. Вовсе не из-за пробок. Наоборот, несмотря на то, что время было уже почти обеденное, под мостом, где обычно всегда образовывался затор из машин, пытавшихся разъехать по четырем разным направлениям, было достаточно свободно. Да и дождь прекратился. Туча над входом в метро развалилась на несколько кудрявых завитушек, из-за них показался теплый край солнца, и мокрый асфальт сверкал впереди, будто рыба чешуя. А ехали долго, потому что ее всю дорогу тошнило. Прижимая к губам платок, она сидела на заднем сиденье измученная, тихая, больная, безвольно облокотившись на подушку, предусмотрительно захваченную для этой цели из дома.

Когда от маленькой кондитерской на углу они свернули в мокрый переулок, слева над строящейся за бетонной оградой многоэтажкой уже вовсю сияло солнце, а местные пенсионеры, успевшие высыпать на улицу, неспешно прогуливались, заложив руки за спины из одного конца скучного скверика в другой, как заключенные в тюрьме.

Вот и дом номер 22. Точнее – 22А. Таких старых пятиэтажек, облепленных по периметру всякими палисадниками, антеннами, сохнувшим бельем и выступающими далеко вперед застекленными балконами, в городе полным-полно. Когда-то много лет назад они выросли из-под земли в тенистых дворах и с фасадов напоминают давно обжитые муравейники, соединенные между собой тайными тропами. В доме 22А Искендер с родителями проживали на третьем этаже, в квартире девять: бордовая дверь со светлыми разводами справа. Если вдруг не найдете по навигатору, спросите на месте любого про гадалку Кебире, вам обязательно укажут на первый подъезд, у которого всегда, за исключением праздников и пятниц, толпятся люди. В то утро как раз им-то и сигналил возмущенно отец, пытаясь проехать.

– Дай дорогу...! – кричал он, высовываясь в спущенное окно. – Не видишь, в машине большой человек...!

Люди расходились неохотно, беззлобно огрызались в ответ, и тогда отец начал сигналить еще резче. Честно говоря, расходиться было особенно некуда: слева возвышался каменный бордюр, за которым сиротливо торчали кривые сосны, справа начинались подъезды, улица была такой узкой, что двум машинам было не разъехать. А тут еще колдобины, залитые недавним дождем.

– Эй...! Ну, проходи, говорю! Что смотришь...?

– Не надо... – устало сказала мама, поправляя съехавшую с головы косынку, из-под которой выбивались ее волнистые темно-каштановые волосы.

– Нет, ты смотри, что творится... Как будто, так и должно быть!

Демонстративно вырулив впритык к подъезду, отец заглушил мотор и, не обращая внимания на недовольные взгляды клиентов Кебире, самые проворные из которых взобрались на бордюр, спросил:

– Бумажка, которую доктор дал, у тебя? Вы идите домой, я заскочу в аптеку.

– Рецепт...? Сейчас... – она достала из сумки сложенный пополам лист бумаги.

– Ничего себе...! – воскликнул он, развернув рецепт. – Тут целый список... Ты деньги мне дай, а то боюсь, у меня не хватит.

Она снова полезла в сумку за кошельком. А отец кивнул Искендеру:

– Может, у тебя одолжить? Сколько ты там собрал на телефон...?

Искендер точно помнил, сколько именно было денег в литровой банке из-под маринованных огурцов, но не успел ответить.

– Давай, помоги маме, – приказал отец и стал засовывать деньги из маминого кошелька в карман джинсов. – И слышишь, когда будете подниматься, постучись к Марьям-ханым, скажи, что мы вернулись...

Обежав машину справа, Искендер открыл заднюю дверь и взял мать за руку, помогая ей выбраться. Она потянулась за подушкой и пледом.

– Оставь! Оставь! Я сам принесу... – сказал отец.

– Слушай, – сказала она, наклонившись к его окну, – может, сводишь ребенка постричься? Волосы прямо в глаза лезут, окосеет потом.

– Не окосею, – промямлил Искендер, которому после всех утренних волнений меньше всего хотелось отправляться в парикмахерскую.

– Ты сейчас об этом не думай, – сказал назидательно отец, – разберемся с ним.

Чтобы попасть в подъезд, нужно было спуститься с улицы на четыре ступени вниз, это из-за того, что дом 22А, собственно, как и стоявший перпендикулярно к нему 22Б, были выстроены на пологом склоне. Весь пятачок между дверьми подъезда и ступенями был запружен людьми. Пришлось проталкиваться сквозь них. Как и до этого перед машиной, расходились они медленно, с чувством собственного достоинства и с плохо скрываемым любопытством, всю разглядывая Искендера, но больше, конечно, маму. Это отвратительно, когда все смотрят на тебя. Открыто или исподтишка, какая разница. Прямо кожей чувствуешь на себе чужие взгляды. А оттого, что в этот раз мама спускалась не как обычно, а медленно, неуверенно, как пенсионерка, продолжая прижимать ко рту скомканный платок, делалось еще более неприятно. Повезло, хоть этих мерзких сестер-двойняшек не было видно...

– Садись! Садись! – не терпящим возражения тоном приговаривала Марьям-ханым, ставя перед ним тарелку с куском мясного пирога. Пирог был еще теплый, выглядел и пах изумительно, как все, что она готовила. Сверху была глянцевая хрустящая корочка, еще и с кунжутными зернами, а внутри, между тонкими слоями теста, – рубленое мясо с какими-то ароматными травами. Удержаться было невозможно точно так же, как спорить с Марьям-ханым о чем бы то ни было.

Не скидывая куртку, Искендер подсел к столу и, ухватив пирог обеими руками, надкусил его с одного бока.

– Вот перекусишь и пойдешь, а я пока составлю список, – сказала она, разглядывая его лохматую голову поверх очков. Марьям-ханым всегда ходила в очках в тонкой золотой оправе, но при разговоре обычно глядела на собеседника поверх них. Зачем тогда ей тогда вообще были нужны очки? Поди знай! Глаза у нее были такого необычного цвета, что и не определить сразу: смотришь, вроде карие, а потом вдруг становятся, как мед, золотистые, да еще и с такими очень заметными зелеными искрами. «Прямо как у кошки», – сказала однажды мама.

И вообще, соседка казалась Искендеру странной. Хотя и незлой. В чем именно была ее странность, он объяснить толком не мог, странной, и все тут. Квартира Марьям-ханым была не сбоку, как ихняя, а посередине. В углу над входной дверью у нее всегда висела веточка голубой колючки, а в прихожей, как уже было сказано, зеркало. Само-то оно было небольшое, зато рама у него была массивная, из темного дерева, вся в искусно вырезанных завитушках, изображающих стебли, листья и неведомые цветы какого-то диковинного растения, но главное, что среди всех этих переплетений и соцветий прятались фигурки людей, животных, повозок и даже каких-то строений. Некоторые были совсем крошечные, но вырезаны с таким мастерством и умением, что при желании можно было разглядеть мельчайшие детали вроде нахмуренных бровей или щетинистой метелки на кончиках ушей запряженного в арбу осла.

Марьям-ханым редко приглашала к себе. Даже не так: она *никогда* не приглашала к себе! Несмотря на то, что знакомы они были уже много лет, ни родители Искендера, ни он сам, да и никто другой из соседей ни разу не были внутри ее квартиры! Нигде, дальше прихожей. Стоило зайти к ней за какой-нибудь надобностью, как Марьям-ханым немедленно предупреждала:

«Ой! Пригласила бы вас чаю выпить, но у меня там сейчас такой бардак! Все вверх тормашками. Генеральная уборка, готовлюсь к приезду внуков. Уж, извините, что не приглашаю...!» – при этом сама прихожая была всегда в идеальной чистоте. Ни пылинки. Хоть с пола ешь. Ни одной лишней вещи. На вешалке аккуратно висели пальто или плащи по сезону, разноцветные туфли, прямо как в магазине, были выстроены в длинный ряд на специальных полочках, вычищены, намазаны кремом, в углу над напольной вазой на крючке висел красный зонт, а из-за всегда прикрытой двери на кухню вкусно пахло едой. Из ее квартиры, между прочим, всегда пахло вкусно, в подъезде слышно. Выпечкой, ванилью, кардамоном. Бог его знает, чем еще. Можно сколько угодно бегать мимо ее квартиры, и всякий раз запах будет новый, но неизменно вкусный. И спрашивается тогда, если жила Марьям-ханым совсем одна, а внуки, которых никто в глаза не видел, из России все никак не приезжали, кому и зачем она столько готовила? Работать она не работала – на пенсии, по гостям не ходила, к себе не звала, за день только два или три из дома выскакивала в магазин или на рынок за продуктами, затоваривалась самым лучшим и опять к себе печь и готовить. Вот тебе, пожалуйста, и первая странность.

Другая была связана как раз с этой самой рамой вокруг овального зеркала. Правда, заметил ее Искендер не сразу, только в начале прошлой зимы. Зашли они как-то к соседке по дороге в «Браво», узнать, не нужно ли чего, и пока мама с Марьям-ханым разговаривали, разглядел Искендер в ближнем к нему углу выглядывающего из-под широкого листа забавного человечка с мелкими усиками. Глаза у него были навывкате, с хитрым прищуром, на голове лыжная шапочка, стоял он в траве раскорячившись, подняв над головой руки, которыми придерживал край листа. Раньше он Искендеру на глаза как будто не попадался. Конечно, на сто процентов поручиться было нельзя, фигурка была маленькой, легко не заметить, но этот край зеркала Искендер вроде бы изучил почти досконально. Вон какая-то девчонка верхом на лохматой собаке, вон красивое дерево, рядом мужичок на ходулях, позади в глубине между двумя стеблями проглядывает кривой дом...

Да нет, точно не было его тут раньше. А теперь, откуда ни возьмись, улыбается во весь рот из полированных завитушек.

Странно, конечно, только весь фокус в том, что уже в следующий раз – 6 февраля, дату Искендер запомнил легко, все-таки день рождения мамы, Водолей она по гороскопу, – человечек уже не выглядывал из-под листа, а наоборот, сидел на нем как ни в чем не бывало с ковшиком в руках, из которого поливал свои ноги в тапочках!

Тут уж Искендер ошибиться не мог. И угол рамы был тот же, и человечка он узнал сразу по хитрому прищурю, да и другого такого нигде не было рядом. Спросить бы у самой хозяйки квартиры, да как тут спросишь, когда она так смотрит на тебя поверх очков, насаженных на самый кончик носа, внимательно и строго, как будто знает про тебя что-то такое, чего ты и сам, пожалуй, еще не знаешь!

...Кусок пирога был слишком большой. Пока Искендер ел, сидевшая напротив окна их маленькой кухни Марьям-ханым продолжала составлять список продуктов, по-стариковски шевеля пухлыми губами.

Несмотря на приятную полноту, женщина она была очень энергичная, подвижная, и когда что-нибудь делала, хотя бы и просто составляла список на листочке бумаги, вырванном из блокнота, двигалась постоянно. Даже морщинки на ее белом, как сдоба, лице не замирали ни на секунду!

Вот и сейчас, едва закончив писать, она спрыгнула с табурета, будто с невидимой пружины, хлопнула себя по карману нарядного фартука, нащупала кошелек, достала его и стала быстро отсчитывать деньги:

– Значит, зайдешь в овощной к братьям, знаешь, где? В тот, который во дворе рядом с пивной, не ходи, они все аферисты. И в маркет на остановке тоже. Этим тоже доверия нету. Овощи всегда только у Асифа и Васифа бери. Понял...?

– Жнаю, – вместо «знаю» ответил Искендер, потому что рот был набит пирогом, и на всякий случай кивнул.

– Вот деньги. Спрячь в карман, не потеряй!

Искендер пожал плечами:

– Папа сказал, его дождаться. – И опять вместо «сказал» у него получилось что-то вроде «жжажал».

– Бери, бери, не спорь! – отрезала Марьям-ханым. Искендер и не собирался с ней спорить. Если честно, не понятно, почему, но соседку он немного побаивался. И, кстати, не он один, все, кто жил в подъезде, да и во всем доме, относились к ней как-то по-особому. Даже мерзкие черные коты гадалки при виде нее недобро таращили свои желтые глаза и старались убраться куда-нибудь подальше.

Искендер обтер руки салфеткой и сунул деньги в карман брюк поглубже. Не зная, доедать ли пирог или сразу отправиться в магазин, он вопросительно посмотрел на соседку. Марьям-ханым была женщиной умной и в объяснениях не нуждалась, поняла сразу:

– Доедай, доедай, потом пойдешь! Там два маната сдачи останется. Это для тебя, слышишь? Купишь себе чего-нибудь.

– Не нужно, – помотал было головой Искендер, но, как уже было много раз сказано, спорить с Марьям-ханым было делом безнадежным.

– После Асифа забежишь в маркет на остановке, возьмешь подсолнечного масла, я написала, какое брать... И чтобы быстро! Я не могу тут у вас целый день торчать, мне дома тоже готовить надо. Внуки вот-вот должны прилететь. Асифу дашь список, скажешь, что для меня...

В этот момент лязгнул замок входной двери, и через некоторое время переставший жевать Искендер услышал, как отец, стараясь не шуметь, стаскивает в коридоре с ног туфли.

– Она спит? – тихо спросил он, появившись на пороге кухни. И хотя спросил он вполголоса, Марьям-ханым все равно энергично замахала на него руками:

– Тише, тише, спит! Плохо ей! Выпила полстакана молока и прилегла.

Отец прошел к столу, сел на табурет, на котором до этого сидела Марьям-ханым. Выглядел он уставшим и почему-то не смотрел на Искендера, прятал глаза. Даже не уставшим, как бывало, когда он возвращался после долгой смены за рулем их белого такси, а каким-то растерянным.

– Совсем без сил, бедняжка, пусть поспит! Чем больше спит, тем больше будет сил с болезнью бороться, – продолжала соседка, отрезая от пирога на подносе треугольный кусок. Переложив его аккуратно на тарелку, она поставила ее перед отцом. – Кушай, сейчас и чай заварю.

– Откуда это? – только и спросил он.

– Как откуда? – удивилась Марьям-ханым, глядя на него так же, как всегда смотрела на Искендера: вскинув брови, внимательно и чуть наклонив голову вперед, чтобы можно было глядеть поверх золотой оправы. – Только недавно из духовки. Если уже остыл, согрею...

– Я...

– Да говори же ты тише! – опять возмутилась она и, повернувшись к плите, стала засыпать заварку в чайник. – Ты все лекарства купил?

– Ага! – сказал отец, примериваясь к пирогу.

– Дорогие?

– Каждые две недели покупать надо.

– Да! – покачала головой Марьям-ханым. – Напасть какая!

Обтерев руки о фартук, она встала у окна. Кухни в этих пятиэтажках-муравейниках были действительно очень уж маленькие. Не кухни, а кухоньки, три человека за стол не усядутся, придется пихать друг друга локтями. «Для китайцев строили...», – ворчала мама.

– Ей теперь уход нужен. Я, конечно, буду помогать по-соседски, но это все равно не дело. Тут кто-то постоянный должен быть. Тем более, праздник скоро, мне печь надо. Я внуков жду, – доверительно сообщила она. – Сказали, прямо на Новруз прилетят, наконец-то...! Неужели найти никого нельзя? Теток своих привези. Ты же говорил, они сами набиваются...

– Да ну их! От них пользы... Спасибо, что вы помогаете! Короче, разберемся как-нибудь. Искендер все равно после школы дома.

– Ай, ай, ай! – опять покачала головой соседка. – Я вот тут ему список дала продуктов, чтобы на вечер вам приготовить, он сбегает...

– И деньги дала, – осторожно сказал Искендер.

– Зачем, Марьям-ханым! Сколько там...? – отец нервно полез в карман.

– Оставь! – строго сказала соседка. – Что за спешка? Потом сочтемся. Ты лучше ешь, с утра на ногах. Чай сейчас настоится...Я с гвоздикой заварила...

Когда Искендер уже почти доел, Марьям-ханым вдруг ловко перегнулась через стол, так что лицо ее со всеми ее прыгающими морщинками оказалось совсем близко, и заговорила таинственным шепотом:

– Послушай, что скажу тебе: врачи, лекарства – это все надо, конечно. Только, уж поверь мне, так просто эта зараза от нее не отстанет. Знаю, что говорю. Тут выхода нет, нужно к ней на поклон идти. Мириться. Может, простит. Хотя таких злопыхатных ведьм еще поискать надо. На миллион одна найдется. А, может, и на десять миллионов. Ай, ай, ай, предупреждала же я, не связывайся с ней... Видишь, как оно вышло...!

– Э-э-э...! Ну, что вы опять... – возмутился отец. – Кто она такая, чтобы...

Соседка не дала ему договорить, замахала на него руками:

– Тише ты, тише, ради бога! Не понимаешь...? Ничего вам уроком не становится! Некоторые ведьмы сквозь стены слышат! А наша эта красавица – тем более! Еще не хватало, чтобы на тебя порчу навела! Откроет свои поганые книги, и все! Ты о мальчишке подумай...

Услышав такое, Искендер замер. Еще бы такое услышать про соседку, которая живет с тобой в одном подъезде! Что-то в этом роде он, наверное, и сам подозревал, особенно после всего случившегося, но чтобы, прямо уж, «ведьма»? Вот только отец, кажется, не очень поверил. Во всяком случае, просто усмехнулся:

– Марьям-ханым...

А она, не слушая его, продолжала гнуть свое:

– Вот ты не веришь, а я знаю точно – все ее проклятье! Не надо было Джамиле с ней ругаться... Не простит она никогда. Из всех ведьм – эта самая мерзкая. Посмотри, до чего бедную девочку довела. Ведь совершенно здоровая была. Я тебе...

Договорить она не успела, на плите резко и протяжно, как сирена, засвистел чайник, так что Искендер даже вздрогнул от неожиданности, а Марьям-ханым испуганно оглянулась.

– Хватит вам, Марьям-ханым, – сказал отец с улыбкой. – Обычная аферистка. Дурит людям голову, вот и все дела. Устроила тут себе бизнес, целый день люди таскаются, ни машину поставить, ни в дом войти. Я на нее заявление напишу... пусть с ней участковый разбирается... – Пока отец говорил, покрасневшая от волнения Марьям-ханым все махала на него руками, давая понять, чтобы говорил тише. Но отец не унимался: – ...чем она там занимается – мне без разницы! Колдует, гадает или баранов стрижет – ее дело. Вот только пусть себе офис где-нибудь снимет и там, сколько хочет, морочит людям голову! А здесь...

И тут вдруг соседка, нервно похлопав отца по плечу, показала пальцем на вытяжку над газовой плитой. Так и есть! Все тот же самый черный, как вакса, паук, настороженно выставив перед собой передние лапки, медленно покачивался на серебряной нити, свисавшей с края вентиляционной решетки. Всего минуту назад его там точно не было. Да и Марьям-ханым, глядевшая вокруг себя сразу в четыре глаза, если считать очки, точно бы его не пропустила.

– Вот зараза...! – воскликнул отец и быстро стащил с ноги тапок. – Сейчас я его...

Вскочил он было с места, чтобы прихлопнуть мерзкого арахнида, но соседка ухватила его за рукав, остановила строгим шепотом:

– Не трогай ни в коем случае!

– Почему это? – удивился отец.

– Он ведь не сам сюда пришел, прислали его.

При этих словах Искендеру стало еще страшнее. И даже отец как будто бы немного побледнел. Марьям-ханым придвинулась боком к газовой плите и, глядя на паука не как обычно поверх, а сквозь очки, из-за чего ей пришлось задрать голову, сказала очень твердо:

– Пошел! Иди отсюда, нечего тебе здесь делать!

Паук замер, сжался в комок, словно неживой, стал похож на застывшую в воздухе каплю смолы.

И только когда Марьям-ханым осторожно дунула на него, снова ожил и, топорливо передвигая лохматыми лапами, полез обратно.

А дальше:

...задержавшись на секунду на краю стены, спрыгнул в колодец вентиляционной шахты и полетел сквозь зыбкую темноту на своей гуттаперчевой нити навстречу теплой гнилостной воню, поднимающейся из глубин сырого подвала. С этажа на этаж, мимо отдушин в спальнях и кухнях, из которых на ходу выхватывал обрывки чужих разговоров, и так – до самого низу. Вылез наружу в чьей-то квартире.

Долго ждать ему не пришлось.

Сидевшая к нему спиной перед зеркальным трюмо женщина, медленно водившая гребнем по своим жирно блестящим прядям цвета вороньего крыла, спадавшим волнами до самого пола, сразу оглянулась. Лицо у нее было цвета молока, но не как у Марьям-ханым с ее быстрыми и веселыми морщинками, а неподвижное, гладкое, словно это было не лицо, а силиконовая маска. Взглянув на паука ласково, поманила она его к себе длинным пальцем, и тот, качнув серебряную паутину вперед, ловко спрыгнул на протянутую к нему ладонь.

Глава вторая

Странное Дерево

Представьте, что где-то существует ваша точная копия. Не в параллельной Вселенной, не на другой планете, не в ваших фантазиях, а прямо рядом, допустим, – в соседней комнате. Кто-то, похожий на вас, как зеркальное отражение. Один в один. Чтобы и волосы, и походка, и голос, и чтобы все вокруг постоянно вас путали. Даже самые близкие. Они тебе: «Поди-ка сюда, Искендер!», а ты им: «А я не Искендер!» А они: «Тьфу! Вас не отличишь! Все равно иди сюда, какая разница!» Если хорошенько подумать, то хуже этого ничего и быть не может. Ведь сразу же возникает вопрос: где заканчиваешься ты, и где начинается твой двойник? Например, если тебе в голову пришла вдруг интересная мысль, получается, что в эту же самую минуту об этом думает и тот, другой, в соседней комнате. Спрашивается тогда, чья эта вообще мысль? Твоя или его? Кто из вас двоих копия, а кто оригинал?

Приблизительно об этом размышлял Искендер, перегнувшись через перила. На площадке первого этажа, кусочек которой можно было разглядеть между лестничными пролетами, все еще толпились клиенты гадалки. Судя по гулу голосов, было их немало. Но отчетливее всего, разлетаясь дробным эхом по подъезду, доносилась до него скороговорка сестер-близнецов. Не узнать ее было невозможно. Видимо, из-за своей одинаковости говорили они, все время перебивая друг друга, будто палили вокруг из автомата, готовые вот-вот сорваться на крик. Попробуй, догадайся, кто и что сказал.

Вот первая:

– Подождите...

Следом сразу подхватывает вторая:

– ...куда лезете...

– ...вам на сколько... – продолжает первая.

– ...назначено...? – заканчивает вторая. А может, все еще первая. Или нет, все-

таки вторая. Если сложить вместе, выходит цельная фраза, как если бы сказал все это один человек: «Подождите, куда лезете, вам на сколько назначено?» При этом каждая сестра в отдельности произнесла лишь половину слов. Получается, что двойник не делает тебя в два раза больше, как можно было бы подумать, а наоборот – как бы уменьшает ровно наполовину. Во всяком случае, если судить по сестрам Кебире.

Мелькающие внизу две рыжие макушки вдруг, как по команде, задрали головы и уставились прямо на него. Искендер тотчас отпрянул, но было уже поздно. Конечно, сестры заметили его. «Ну и ладно!» – пожал он плечами и начал спускаться по лестнице, придав лицу самое независимое выражение, на какое был способен. Получалось, честно говоря, не очень. Это ведь целое искусство уметь делать вид, что тебе по барабану, когда внутри все так и кипит. Этажом ниже от двери Марьям-ханым тепло пахло кондитерской. Будто только что из печи вынули целый противень пахлавы. И как это у нее получается: если она сама сейчас у них наверху на кухне, то кто там тогда печет у нее в квартире? За дверью ни единого шороха, а запах идет прямо из замочной скважины...

Рыжие двойняшки встретили его ехидными улыбками.

Обе тощие, с огненно-красными волосами, зализанными в тугой пучок на затылке, отчего их вытянутые головки становились похожими на луковицы, на которые налепили кукольные глазки и сделали аккуратные прорезы вместо рта. Еще у каждой под носом красовалась мохнатая родинка, как будто из ноздри вылез австралийский воронковый паук и застыл прямо над верхней губой. У одной справа, а у другой – слева. Только вот волосы у них были рыжие, а торчавшая из родинок щетина почему-то черной.

Представьте себе, что вам ехидно улыбаются две луковицы в одинаковых синих водолазках. А тут еще целая толпа незнакомых людей на ступенях. Не вынимая рук из карманов, Искендер попытался быстро протиснуться мимо, но двойняшки решительно перегородили ему путь. Одна из них – родинка слева – наклонилась к нему и спросила самым приторным тоном:

– Почему не здороваешься?

И тотчас вступила та, у которой родинка была справа:

– Такой симпатичный мальчик...

– ...только лохматый...

– ...с соседями нужно...

– ...здороваться...

– ...ай-ай-ай...!

– ...как не стыдно...

Искендер почувствовал, что от волнения губы у него стали сухими и шершавыми. Исподлобья обвел он глазами собравшихся на лестнице людей, которые одобритительно кивали каждому слову двойняшек. А кто-то, стоявший в первом ряду с подвязанной платком челюстью, глубокомысленно ввернул:

– Хорошие соседи, между прочим, ближе родственников...

Что тут было делать?

– Добрый день, – процедил он сквозь зубы и снова попытался протиснуться между сестрами, но они стояли стеной, не проскочишь.

– А как тебе зовут...

– ...ну-ка напомни? – хихикнула родинка справа.

Искендер уткнулся взглядом в цементный пол, ожидая, когда, наконец, сестрам надоест этот цирк. Но они, кажется, только входили во вкус. Одна из них, выставив нижнюю губу, скорчила плаксивую гримасу:

– Не хочет даже имя назвать...

- Ай-ай-ай...! – покачала головой вторая.

И опять кто-то из клиентов, на этот раз, кажется, женщина в короткой дубленке, встряла в разговор:

– Язык проглотил, что ли...?

– Ой! А я помню, – вдруг хлопнула в ладоши родинка справа, – имя начинается на букву...

– И-и-и...! – выпалила родинка слева.

– Ибрагим...?

Сестры посмотрели друг на друга и сказали хором:

– Фу...! Ну, какой же он Ибрагим?

– ...совсем не похож...

– ...у всех Ибрагимов лица...

– ...умные...!

Народ дружно захихикал. Искендер беспомощно переминался с ноги на ногу. Ну, не с кулаками же на них всех бросаться! А двойняшки все не унимались:

– ...не назовешь своего...

– ...имени? Разве это...

– ...по-соседски?

– Совсем не по...

– ...соседски! Сразу видно...

– ...что за воспитание...! Дома тебя...

– ...не учили, что так...

– ...вести себя...

– ...нельзя? Ты же не...

– в лесу растешь! Ты только...

– ...посмотри на него... – и тут Искендеру повезло: пока рыжие сестры всячески кривлялись, уловив возможность, он напролом рванул в образовавшийся на мгновение просвет между ними, на ходу увернулся от их лакированных коготков и, расталкивая людей, бросился по ступеням к выходу.

– Вот...

– ...засранец!

– Искендер...!

– Точно – Искендер! А ну-ка извинись...

– ...сейчас же! Да что с него...

– ...взять, какая мать...

– ...такой и сын... Иди сюда, дам...

– ...денег на стрижку...

Перескочив через бордюр, Искендер побежал без оглядки наперерез через двор, петляя между невысокими соснами. Так было и короче, чем обходить дорогой, и главное – проще уйти от погони, если бы сестрам вдруг вздумалось броситься за ним следом.

Разумеется, никто за ним не гнался, хотя в первую минуту ему все казалось, что двойняшки висят у него на хвосте, как две гончие псыны. Он даже живо представил себе родинку справа и родинку слева, скачущие за ним на четвереньках в своих синих водолазках, скаля мелкие и частые, как у пираний, зубы. Картина получалась жутковатая, но и смешная одновременно.

Бежал он так резко, что быстро запыхался. Пришлось на минуточку остановиться у гаражей. После утреннего колючего дождя воздух уже успел согреться, и февральское солнце даже немного припекало. Гуляющий над крышами пахучий ветерок окончательно разогнал грозовые тучи, оставив для красоты лишь одно маленькое и кудрявое по краям облачко висеть над соседней пятиэтажкой. Переведя дух, Искендер снова двинулся к овощной лавке, но на этот раз неспешно, обычным своим шагом. Прошел он мимо мусорных баков и сперва не обратил на странное дерево никакого внимания. Дерево, конечно, было необычное для четвертого микрорайона, да, наверное, и для любого другого места в городе, однако не настолько, чтобы сразу отвлечь от разных неприятных мыслей. Размышлял он, например, о том, как быть на обратном пути, если двойняшки опять начнут приставать со своими подковырками. Караулить во дворе, пока гадалка закончит прием? Так это может до самого вечера тянуться. Или дожидаться кого-нибудь из соседей и проскочить в подъезд с ними? При соседях-то они ведут себя скромнее. Хорошо еще, что сестры не торчат днями напролет у дверей, а выходят только тогда, когда очередь собирается очень уж большая. Как сегодня.

Дотопал Искендер до угла дома 22Б, когда висевшее как раз над ним одинокое облачко встрепенулось и, погоняемое внезапно налетевшим порывом ветра, сорвалось с места. Скользя куда-то вправо, наполнило оно на солнце, и тотчас дорогу впереди, и помойку, и небольшой пустырь между помойкой и строящейся высоткой накрыла холодная тень. Ветер надул расстегнутую куртку Искендера, как парус, зашвистел, злобно пригибая к земле еще голые кусты, покатил по асфальту разный мусор. Стал Искендер запахивать раздувающиеся полы куртки, как тут из внутреннего кармана, будто мотылек, выпорхнул список, составленный Марьям-ханым, и взвился вверх. Бросился он за ним следом, подпрыгивая на ходу, но сложенный пополам листок был проворнее и быстрее.

Не известно, чем бы это все закончилось, если бы не дерево. То самое. Листочек залетел прямо в его плотную крону, потерял высоту, запутался в ней и, в конце концов, спланировал бумажным самолетиком прямо на торчащие из земли узловатые корни. В это же самое время ветер вдруг выдохся без остатка, словно истратил последние силы во время яростного порыва, опять наступила будничная тишина с даль-

ним рокотом машин, чириканьем воробьев и звуками стройки, и снова стало припекать февральское солнце. А от кудрявого облачка в небе остался лишь прозрачный белый след, как от пролетевшего истребителя. Расправил Искендер список, сунул его на прежнее место в карман куртки, но теперь еще застегнул карман змейкой на всякий случай. Может, опять не обратил бы он внимания на одинокое дерево у мусорных баков, если бы не услышал чье-то деликатное покашливание. Искендер оглянулся. Вокруг в этот час не было ни души, не считая, конечно, воробьев на бетонной ограде слева, за которой медленно двигалась стрела подъемного крана. Можно было бы подумать, что ему это показалось, но покашливание повторилось снова. Чуть настойчивее. Задрал он голову, мало ли кто там прячется в густых переплетениях веток, и так, с задранной головой, еще и затаив на всякий случай дыхание, стал медленно обходить дерево вокруг. Ствол был основательный, со всякими художественными наростами, массивными узелками и трещинами. Как африканские питоны, извилистыми полукольцами из земли торчали мощные корни, поросшие нежным мхом. Разлапистые ветви над головой раскинулись так густо и основательно, что переплелись в подобие громадного шатра, сквозь который золотистыми нитями сверху под разными углами едва пробивались лучи солнца. Таких деревьев он раньше не видел. Во всяком случае, в микрорайоне точно. Но поражали не только размеры и красота дерева, а то, что, пока всякие чинары, тополя, акации и безымянные кусты за бордюрами все еще стояли голые и грязные, только-только собираясь выпустить почки через пару недель, на этом ветви уже были сплошь укрыты добротными изумрудными листьями. И ведь не только на нем – все тенистое пространство под ним тоже устилала свежая трава, в то время, как нигде вокруг не было ни травинки!

Непонятно, как это вышло, что, мотаясь мимо пустыря иногда по несколько раз в день, он не замечал его раньше?

С правой стороны дерева обнаружил Искендер дупло. Начиналось оно над обрубок толстого сука едва заметной трещиной в стволе и тянулось вверх, постепенно расширяясь в подобие арки, прикрытой со всех сторон ветвями, из-за чего разглядеть его можно было, только подобравшись совсем близко. Потемневшая кора вокруг дупла была гладкой, будто отполированной. А само оно напоминало давно зарубцевавшийся шрам с причудливыми бородавчатыми наростами, из которых свисали длинные и мягкие на вид зеленые пряди. Если до сука еще как-то можно было дотянуться, то дупло находилось слишком высоко для его роста. Попятился Искендер назад и убедился, что уже в двух шагах оно становится почти незаметным. Любую новую вещь, как известно, первым делом хочется проверить на ощупь. А как пощупаешь дупло? Есть только один способ: подобрал он с обочины увесистый голыш и прицельно, с первого раза, забросил его вовнутрь. Легко пробив зеленую ширму из побегов и листьев, камень, гулко ударившись о внутреннюю стенку дерева, провалился в темную дыру, но летел вниз на удивление долго, а в конце еще громко булькнул, словно упал на дно колодца. «Ничего себе!» – присвистнул Искендер. Снова подошел он поближе, приценился: если вскарабкаться на торчащий слева из земли корень и при этом еще встать на носки, то, пожалуй, можно будет взобраться на обрубок сука, и уж тогда получится заглянуть в дупло. Конечно, лезть было бы удобнее без куртки, но куда ее сейчас денешь?

Балансируя, как акробат, на изгибе мшистого корня, прильнул он плечом к стволу. Обрубок ветки таким образом оказался прямо перед ним на расстоянии вытянутой руки. Кора с него сошла совсем, и потому хвататься за него можно было без всякого опасения ободрать ладони. Сказано – сделано. Повиснув на суку, Искендер стал сразу же подтягиваться, помогая себе локтями и отчаянно дрыгая ногами в воздухе так, что чуть не слетели с ног разношенные кроссовки. Наконец, исхитрившись обвить сук правой ногой, он кое-как оседлал его, перевел дух, а уже затем, используя одну из веток над головой как поручень в автобусе, взобрался на него в полный рост.

И сразу же из темного провала тяжело дохнуло на него грибной сыростью, горечью неизвестных пряных трав, мокрой землей и какой-то странной, словно бы карамельной сладостью. Прикрывающие его зеленые пряди таинственно покачивались, как тюлевая занавеска на открытом окне. Не выпуская из рук ветку-поручень, Искендер придвинулся ближе к стволу, вытянул вперед лохматую голову, чтобы заглянуть уже вовнутрь, и тут из дупла, раскидывая в стороны мягкие побеги, выскочило что-то канареечно-желтое, хвостатое и со всего маха хлопнуло его по лбу. Он даже не успел понять, что это было! Канареечно-желтое исчезло в темном провале так же стремительно, как и появилось из него, еще до того, как отпрянувший назад Искендер слетел с ветки. Высота была небольшая, но досталось ему все равно основательно. Хорошо еще, что трава у корней смягчила удар.

Морщась от боли, Искендер сразу же вскочил на ноги, готовый броситься бежать, если из дерева еще что-нибудь выскочит. Однако оно стояло неподвижно, величественно, томно подрагивая ребристой листвой в порывах набегающего ветерка. И даже соседство с мусорными баками и серыми пятиэтажками ничуть не портило его вид. Наоборот, его раскидистая крона, вся пронизанная светом, чудесным образом преображала унылый городской пустырь. Выждав с минуту, он немного расслабился. Не выпуская дупла из поля зрения, искал вокруг что-нибудь подходящее, хорошо бы длинную палку, чтобы поворошить внутри. Но ничего, кроме обломка стеклянной бутылки, не нашлось. Прицелившись, Искендер метнул его в дупло. Промазал. Стекло уже в полете поменяло траекторию и, пробивая листву, упало на дорогу, разлетевшись сверкающими крошками.

– Совсем с ума сошел, придурок...? Чуть в ребенка не попал...! – истошно завизжала молодая женщина в светлом пуховике, катившая перед собой коляску от дома 22Б. Честно говоря, Искендер ее даже не заметил. – Я сейчас полицию вызову...! – заслонив собой коляску, продолжала она возмущенно кричать. – Негодяй...

Делать было нечего. Сразу же вспомнив и про список продуктов, и про Марьям-ханым, Искендер сорвался с места и бросился к овощному, предусмотрительно обегая женщину на безопасном расстоянии.

Братья Асиф и Васиф были великанами. В том смысле, что каждый был чуть ли не с фонарный столб. Покойная бабушка Искендера Секине, иногда гостившая у них по несколько месяцев, в отличие от Марьям-ханым, всегда обходила овощную лавку братьев стороной. «Страх какой, – говорила она, – эти «хемшери», как два дэва, не дай бог их без еды оставить, людей жрать начнут!» Бабушку Секине можно было понять: сухонькая и вредная, младшему из братьев она была едва по пояс. А лапой Васиф мог, пожалуй, легко накрыть всю ее голову так же играючи, как накрывал и поднимал с лотка приличного размера арбуз. Из-за роста ходил он всегда пригибаясь, чтобы не зацепить макушкой потолок, и медленно держа перед собой на весу руки, как динозавр. И зимой, и летом неизменно в стоптанных шлепанцах на босу ногу, из которых далеко вперед торчали его огромные пальцы с желтыми крючковатыми ногтями. Говорил он мало и так же медленно, как и ходил, но стоило ему заметить в лавке знакомое лицо – тотчас расплывался в улыбке, демонстрируя рот, полный железных зубов. «У него же нога, что детская могила, – объяснил как-то отец Искендеру, спросившему, почему Васиф всегда в шлепанцах, – на него обувь не шьют. Если только по специальному заказу». И с тех пор, хочешь или не хочешь, заходя в лавку братьев, Искендер украдкой непременно разглядывал торчащие из шлепанцев ноги гиганта. Хотя главным среди братьев был старший Асиф, всю работу в лавке делал именно Васиф: выкладывал фрукты, овощи и зелень на прилавки ровными горками, таскал на плечах по два поставленных друг на друга тяжелых ящика, помогал выбирать товар, по вечерам перед закрытием выметал цементный пол, а летом, когда от жары по всему микрорайону трещали кривые сосны, поливал из го-

лубого шланга дорожку перед магазином. Второй гигант, бывший гораздо толще брата, целый день только и восседал на табурете у входа в лавку. Перекидывая в левой руке крупными, как сардельки, пальцами четки из темно-красных камней, правой рассчитывал покупателей и выбивал чеки на кассовом аппарате. В отличие от Васифа, он был всегда гладко выбрит, отчего его круглые щеки, лысина и затылок в широких складках блестели будто яблочная кожура. Единственной растительностью у него на лице были совершенно невероятные брови – такие густые, кустистые, да еще и со вздернутыми, почти перпендикулярно вверх кончиками, что казались ненастоящими. Словно ему вместо бровей наклеили генеральские усы.

...Если вы зашли в лавку в первый раз, то может показаться, что Асиф крепко спит. Но стоит вам подойти к его кассовому аппарату, как брови-усы тотчас оживут, разойдутся в разные стороны, и он, разлепив наполовину только одно веко, поглядит на вас внимательным вопрошающим взглядом.

Покупателей в это время было немного: две женщины. Одна как раз расплачивалась с Асифом, другая, пожилая, с кошелкой, выбирала картофель из большого ящика, стоящего на прилавке под углом. Искендер встал у входа, дожидаясь, когда первая женщина, наконец, расплатится и уйдет. В глубине магазина Васиф разгружал коробки с фруктами. Завидев Искендера, он издали помахал ему огромной пятерней и даже подмигнул. Искендер помахал ему в ответ.

– Что тебе? – сонно спросил Асиф, выгребая из кассового аппарата сдачу. Искендер молча протянул ему список.

– Ага... – сказал Асиф неопределенно и, скользнув полуоткрытым глазом по листку бумаги, взял с блюдечка крошечный стакан-армуды с дымящимся чаем. В его толстых пальцах стакан выглядел ну совсем как наперсток, одним глотком влив в себя все его содержимое, он пошамкал лиловыми губами.

– Это для Марьям-ханым, – стараясь не робеть, объяснил Искендер. И добавил. – Она попросила...

– Ага... – опять сказал Асиф, а затем зычно гаркнул, как в громкоговоритель. – Два кило! Лук...! Для Марьям-ханым...

Васиф в глубине лавки покорно кивнул и, шаркая шлепанцами, направился к ящику с репчатым луком.

– Морковь...! – снова гаркнул Асиф. Табурет под ним жалобно скрипнул. – Кило. Дальше... капуста для борща... Бери среднюю.

Стеллажи за спиной Асифа и часть прилавка были заставлены баллонами с соленьями и компотами. Солнце, проникавшее в магазин из широкого окна, просвечивая сквозь баллоны, рассыпалось по цементному полу цветными бликами.

– Бурак...!

Васиф потянулся рукой к ящику с бураком. С того места, где он стоял, любому другому человеку пришлось бы сделать шага два, не меньше, а он просто протянул руку и стал со знанием дела ощупывать овощи.

– Марокканский, – тихо сказал в этот момент Асиф, протягивая Искендеру на левой ладони большой апельсин, при этом четки каким-то невероятным образом продолжали дробно скользить у него между пальцами. – Передавай привет Марьям-ханым. Она женщина умная...

Асиф вдруг вздохнул, да так глубоко и с таким напором, что его горячее дыхание обдуло лицо Искендера. Горячим оно было, видимо, из-за выпитого чая.

– Эх, – сказал гигант, качая лысой головой и сдвинув брови-усы на переносице в одну сплошную черную линию, – не было бы болезней, жили бы тысячу лет...! Как отец, сынок? Машина на ходу...?

Искендер не успел ответить. В лавку с шумом ввалилась женщина с сумками и тремя детьми.

Пакет с овощами оказался довольно тяжелым, и идти пришлось с остановками. Первую он сделал буквально через несколько шагов, выйдя из магазина. Вторую – возле гаражей. А третью – не доходя до дерева. Опустив пакет под ноги, Искендер встряхнул затекшую руку, подозрительно разглядывая залитую солнцем плотную листву, и когда собрался уже двинуться дальше, до него вдруг донеслось чье-то отчетливое и сердитое бормотание. Он быстро оглянулся. На дороге он был совершенно один.

– Тьфу! – смачно плюнул кто-то. – Чтоб у вас животы полопались...!

Подхватив пакет на руки, Искендер, осторожно ступая по травяному коврику, зашел под тенистую крону и почти сразу же застыл с открытым ртом. На толстом суку, торчащем из дерева левее дупла, на корточках сидел маленький мужчина в синей лыжной шапочке с надписью: «Найки». Одет он был в мешковатую фланелевую рубашку в крупную клетку, заправленную в старые спортивные штаны, на которые снизу были натянуты горохового цвета носки. Лицо у него было маленькое, но лобастое, с крупными навывкате глазами. Под мясистым носом щетинились аккуратно подстриженные усики. Мужчина был такой маленький, что казался чем-то вроде большой птицы, залетевшей на дерево. Держа перед собой на весу ладонь, он что-то собирал в нее с листьев и ветвей, куда мог дотянуться, при этом совершенно по-птичьи, не вставая с корточек, ловко передвигался по суку в своих гороховых носках. Мужчина был очень занят и, казалось, не замечал Искендера, пока, наконец, оторвавшись от своего занятия, не буркнул ворчливо, но без злобы:

– Чего уставился? В рот муха попадет. Шел бы ты своей дорогой!

Спохватившись, Искендер закрыл рот, перекинул пакет с овощами из одной руки в другую и, не отвечая на грубость, пошел дальше. Человек на дереве проводил его строгим взглядом, бормоча сквозь зубы:

– Ты посмотри, только-только ведь потеплело, а сколько уже налезло...! И жирные все какие!

Искендер, конечно, не удержался, воровато оглянулся через плечо: мужчина на дереве, набрав воздуха в щеки, изо всех сил дул на ладонь. С нее что-то сыпалось, что-то вроде изогнутых палочек, не то большие запятые, не то вопросительные знаки. Обтерев руки о штаны, мужчина опять смачно плюнул, но не вниз, а куда-то вверх.

– Эй, ты, подожди! Не уходи... – окликнул он вдруг Искендера.

– Чего тебе? – осторожно ответил тот.

– Слушай, будь братом, раз ты уже здесь... как тебя зовут, ты сказал...? Видишь, там мухобойка в траве...? Желтая такая...? – мужчина умело сполз с корточек на зад и, основательно усевшись, принялся нетерпеливо болтать ногами в воздухе.

– Чего?

– Да что ты заладил: «чего», «чего»! Мухобойка, говорю, вон там, прямо около корней, видишь? Брось мне ее!

Искендер продолжал стоять вполборота, уставившись через плечо на странного человека.

– Ну, сломаешься ты, что ли? Ну, помоги, брось мухобойку по-братски, чтобы мне обратно за ней не спускаться. Целое дело! А я тебя добрым словом помяну. Потом как-нибудь...

Все еще не решаясь, Искендер стал топтаться на месте, но потом все-таки развернулся и осторожно двинулся обратно к дереву, держа перед собой обеими руками тяжелый пакет.

– Вон же она...! Желтая... Да положи ты свой мешок куда-нибудь, ради бога! Кому он тут нужен! Подумаешь, кило моркови и гнилая капуста...! – пока Искендер, сгорбившись, пытался разглядеть среди корней и буйных, лезущих во все стороны побегов желтую мухобойку, человек на дереве так распалился, что чуть не слетел вниз. – Да левее же! Коряга торчит, как башка анаконды, вот прямо под ней...

Мухобойка оказалась не желтой, а ярко-канареечного цвета, как та штука, что, выскочив из дупла, хлопнула его по лбу.

Искендер с подозрением поглядел на человека в лыжной шапочке, который в этот момент как раз обтирал ею раскрасневшееся лицо.

– Ну, ты, братец, просто внук слепого муллы, дальше носа не видишь... Легче было самому спуститься...

– Бросать? – спросил Искендер с сомнением.

– Бросай, конечно... Только как же ты бросишь, если у тебя руки заняты? Золото, что ли, у тебя там в мешке, вцепился в него! Кто вообще весной борщ варит? Весной надо чай с кардамоном пить, чтоб дурные мысли в сон не лезли...

Искендер опустил пакет под ноги, тряхнул затекшими руками, примерился и подбросил мухобойку вверх. Как не были коротки руки у незнакомца, поймал он ее с первого раза.

– Вот спасибо, братец! Обязательно помяну тебя добрым словом при случае, – обрадовался он. – Доброго пути тебе.

Уже не глядя на Искендера, взобрался он снова на сук с ногами и принялся направо и налево резво хлопать мухобойкой по ветвям. Вниз опять посыпались запятые и восклицательные знаки.

– Так тебе! Так вам...! Чтобы у вас животы полопались... Слушай, как ты сказал, тебя зовут?

– Искендер.

– Нет, ну ты видишь, что творится... сколько их тут сразу...!

– Дядя, – решился, наконец, Искендер, – а что это вы там делаете?

– Дядя...? – возмущенно воскликнул мужчина, еще энергичнее хлопая вокруг себя мухобойкой. – Зараза, смотри, эта еще и рогатая! Вон она упала! Дави ее! Да не стой ты без дела... Эти рогатые самые опасные...! Дави эту тварь!

Искендер наклонился близко к земле, пытаясь разглядеть в траве то, что слетело с дерева.

– Вон оно, гнездовище! Нашел...! – торжествуя завопил вдруг незнакомец и, цепляясь за ветки, быстро полез куда-то вверх, продолжая на ходу орудовать мухобойкой. Через мгновение он уже скрылся из виду в зыбком полусумраке кроны, и определить его местоположение можно было лишь по дрожанию листвы и хрусту сучьев.

– Эй, там, внизу, посторонись...!

Что-то, напоминающее большой плотный клубок шерсти, слетело с верхушки дерева, плюхнулось в траву и, подпрыгивая на кочках, как мяч, подкатилось прямо к кроссовкам Искендера. Он невольно отпрянул в сторону, а то, что выглядело, как клубок шерсти, стало прямо на глазах распадаться, из него, расплетаясь друг от друга, во все стороны поползли мохнатые гусеницы самого отвратительного вида. Жирные, головастые, чуть не с палец толщиной, а некоторые так еще и с рогами.

– Чего смотришь! Дави, дави, не дай уйти! Сейчас я...

Недолго думая, Искендер бросился втаптывать гусениц в землю. Дело это оказалось на удивление непростым. Гусениц было немерено, двигались они быстро, сноровисто ползая между травинками, стремились нырнуть под мшистые корни и лопались с еле слышным чавканьем, лишь попав под прямой удар его подошв.

Вскоре к нему присоединился и незнакомец в лыжной шапочке.

Случайному прохожему могло бы показаться, что лохматый мальчик и странного вида мужчина в гороховых носках – то ли карлик, то ли очень уж маленького роста – сосредоточенно пляшут под раскидистым деревом, хотя никакой музыки не слышно. Подпрыгивают на месте, притоптывают то одной, то другой ногой, машут руками, восклицают почти в унисон. Прохожий, конечно бы, удивился, но в том-то и дело, что вокруг не было ни души. Ни на дороге, ведущей к автобусной остановке,

ни даже во дворе соседской пятиэтажки. Куда-то подевались все дежурные пенсионеры, дворовые ребята, домохозяйки с детьми. Не было видно даже рабочих, которые обычно выходили со стройки на обеденный перерыв.

– Видал, – тяжело дыша, сказал мужчина с дерева, промокая вспотевший лоб своей лыжной шапочкой, – какая гадость... Им только волю дай – за два дня все дерево сожрут. Спасибо, помог, братец! Держи... – протянул он шапочку Искендеру: – Оботрись. Потным ходить нельзя, поносы замучают.

Искендер брезгливо покачал головой.

– Как хочешь, – не обидевшись, сказал мужчина и натянул шапочку на бронзовую от загара лысую макушку.

Теперь, когда они стояли рядом друг напротив друга, оказалось, что ростом он прямо вровень с Искендером. Или даже чуть ниже. На палец или два, потому что глядел он на мальчика с хитрым прищуром как бы снизу вверх.

– Так как ты говорил, тебя зовут?

– Искендер.

– Ага, – кивнул мужчина. Задрал голову, с сомнением посмотрел он вверх в крону дерева. – Там вообще-то они еще остались, но это мелочь. Птицы подберут. Главное – гнездо их разорили!

– Дядя...

– Да что ты все: «дядя», «дядя»? Хватит уже! Ты не смотри, что мне много лет, так я еще молодой совсем, – подтянув штаны повыше, он самодовольно хлопнул себя по выступающему брюшку. – Понял? Ты вообще знаешь, кто я?

На работника из муниципалитета он не был похож: те ходили в цветных комбинезонах и всегда группами.

– Не знаешь, а говоришь! – поднял он указательный палец вверх. – Я хозяин этого дерева. Теперь понял...?

– Как это?

– Очень просто, хозяин, и все. Это мое дерево. Документально. По купчей. Называется Карагач. Чего тебе не понятно?

– Оно же ничье, – осторожно возразил Искендер. – Растет себе... Вон сколько других деревьев...

– Как это ничье? – разволновался незнакомец. – Где ты такое, спрашивается, видел? Чтоб Карагач ничей был? Ничьи только крысы на помойке. Да и то, как сказать. А я законный хозяин, иначе говоря – мишоппа этого Карагача. У меня документов на него больше, чем ты вешишь...

Не удержавшись, Искендер прыснул от смеха:

– Ты мишоппа...?

Нахмурившись, человек сердито поглядел на Искендера, который все никак не мог остановиться, так что даже перегнулся пополам от смеха.

– Смейся, смейся! Ни фига не разбираешься, а лезешь. Именно что потомственный мишоппа, не какой-нибудь бродяга безродный. Чего смешного, не пойму? – от возмущения маленький человек топнул ногой в носке с налипшими к нему раздавленными гусеницами. – Сколько хочешь смейся! Сразу видно, что тебя неправильно воспитали!

Пытаясь отдышаться, Искендер скорчил гримасу.

– Почему это меня плохо воспитали... очень даже хорошо... – сказал он, продолжая держаться за живот.

Мишоппа безнадежно махнул рукой:

– Э-э-э! Только время у меня зря отнимаешь. А у меня полно дел... За сто лет не управлюсь!

– Дядя... – примирительно начал было Искендер и сразу же осекся. – ...с моим воспитанием все в порядке.

– Где же в порядке? Это ты так думаешь. А тебе не говорили, что, прежде чем у кого-то узнавать его имя, воспитанные люди сначала называют свое! Не говорили...? Так принято.

– Так я уже два раза называл...! – удивился Искендер. Мишоппа сразу не ответил, а стал поправлять лыжную шапочку, то передвигая ее на лоб, то обратно на макушку, а потом закинул руку назад и стал шумно чесать спину.

– Слушай, жарко сегодня. Весь вспотел. А еще только февраль, между прочим. – Перестав чесаться, он вдруг улыбнулся. – Называл, говоришь...? Ну, назови в третий, что с тебя убудет? Назови, и будем знакомы... С третьего раза вернее получится.

– Меня зовут Искендер.

– Это другое дело, – сказал человек серьезно и протянул ему руку. Рука у него была такая же маленькая, как и он сам. Солнечный зайчик сверкнул по старомодным часам с широким кожаным ремешком у него на запястье. Они пожали друг другу руки.

– Нормальное имя, годится, – прищурился мишоппа. – Не пойму я только, чего это там под волосами прячешь? Не рога, случайно...?

– Что за ерунда? – возмутился Искендер.

– Да ты, брат, не обижайся. В наше время приходится быть осторожным. Зачем такие волосы держат? Или по глупости, или когда рога спрятать хотят. Уж я-то знаю. Мой дед...

Однако, что там за история с рогами, рассказать он не успел. Народ повалил. И как-то вдруг со всех сторон сразу.

Из-за гаражей, срезая путь к остановке, вереницей вышли пенсионеры, отличавшиеся друг от друга только формой головных уборов. Двинулись они было по узкой дороге, заложив руки за спину, но тут навстречу им, расплескивая внушительную лужу, выехал мусоровоз. Пришлось пенсионерам нырнуть к бетонной ограде стройки, в воротах которой в это же самое время появилась «газель» с рекламой пластиковых окон на борту. Мусоровоз доехал до помойки, встал. Из кабины выскочили двое рабочих в оранжевых спецовках, принялись громыхать мусорными баками, с любопытством поглядывая то на мальчика, то на низкорослого мишоппу, то на пенсионеров, неуклюже рванувших перед самым носом выезжающей «газели» к последнему подъезду дома №22Б, из которого как раз выходила вся разодетая по какому-то случаю жена участкового Гюльхоша Мамедовича в сопровождении трех сыновей-балбесов. А уж когда из переулка вышли три женщины с кошелками, мишоппа решительно оборвал свою историю на полуслове и, выудив из-под закрученного в спираль корня черные шлепанцы, быстро вскарабкался на дерево, буркнув на прощание что-то невразумительное. Через несколько секунд его уже не было видно. Притаился где-то под широкой кроной, похожей на зонтик. Если не знать, что он там – в жизни не догадаешься. Тут уж и Искендер вспомнил про Марьям-ханым с ее борцом. Так что вопрос с дедом и рогами остался открытым.

Глава третья **Гадкое Утро**

За окном дождь и слякоть. Дождь не крупный, скорее уж, моросит, а не льет, но все равно ужасно скучный. Те, кто посообразительнее, спокойно идут себе под зонтами, прочие же втягивают головы в плечи и, морщась, несутся по лужам вприпрыжку. А зря. Были бы расторопнее, обзавелись бы заранее зонтами. Очень полезная вещь. И симпатичная, между прочим. Хоть тебе бакинское пекло, хоть ливень в конце февраля, хоть даже снег (слава богу, не так часто у нас случается, дерни себя за ухо, чтобы не накликасть!). Несешь его так над головой, как миниатюрную крышу, – прохожие сами от тебя шарахаются, кому хочется глазом на спицу напороться?

Жалко только, не укрыться под этой крышей от дурного глаза. Эта гадость тебя и под зонтом достанет, как пуля, прямо в голову попадет. Правда, говорят, если прикрутить к зонту ветку могильника, подвесить с краю подкову, яйцо от черной курицы и посыпанный солью клочок верблюжьей шерсти, то, якобы, против сглаза антитела вырабатываются. Врать не буду, сам не проверял. Но даже если это работает, с таким зонтом в метро все равно не пустят. Могут и полицию вызвать. Эх, темный у нас еще народ! Инстаграмом пользоваться научились, а против сглаза беззащитные ходят! И лохматый Искендер – не исключение...

Утром следующего дня, запихивая учебники в рюкзак, невольно поглядывал он в забрызганное дождем окно. Зонта у него, разумеется, не было, зато имелся капюшон на куртке. Вполне приличный. Лучше уж, чем ничего. Между тем улица перед домом пузырилась серыми лужами, которые изредка противно чавкали, когда через них переезжали машины. Среди припаркованных автомобилей блестело мокрой крышей отцовское такси.

Нет ничего хуже, чем спешить куда-нибудь в такое утро. А в школу особенно, пропади она пропадом!

– Собрался уже...? – от неожиданности Искендер вздрогнул. Все никак не мог он привыкнуть к ее новой походке! Раньше, то есть до болезни, ее дробные шаги можно было услышать еще в подъезде, за входной дверью. Ходила она быстро что по улице, энергично цокая каблучками, что дома. И вообще, все делала на ходу: готовила, стирала, наряжалась на работу, еще при этом успевала и по телефону говорить, и на Искендера прикрикнуть, если что. Теперь же шаги ее сделались такими осторожными, легкими, что под ними не скрипит даже вечно скрипучая половица за порогом кухни. Да и говорит она теперь только вполголоса. Будто в квартире притаился кто-то чужой, не дай бог, услышит. Стоило Искендеру задумываться обо всем этом, как в животе возникал неприятный холодок, словно объелся снегом.

– Ага.

Опустившись на край не застланной кровати, она принялась, не глядя, расправлять одеяло. Вроде бы раннее утро, а она уже выглядит уставшей.

– Папа еще спит? – спросил Искендер. Ответ он, конечно, знал, но все равно спросил первое, что пришло в голову.

– Говори тише. Вчера допоздна работал.

Искендер откинул со лба кудрявую прядь, назойливо лезущую в глаза, и подхватил тяжелый рюкзак с учебниками.

– Так тебя и не постригли...

Искендер шмыгнул носом.

– Никуда не годится. Возьмешь деньги, пострижешься после школы. Слышишь...? Помнишь парикмахерскую рядом с моей работой?

– Знаю.

– Потом сразу домой. Понял?

– Понял.

– Ключ оставлю Марьям-ханым. Если вдруг ее не будет дома – значит вышла в магазин, подождешь немного. Слышишь...? Еда в холодильнике. Согреешь. Не сиди голодный. Мы в больницу... – Она вздохнула и помолчала. – Не знаю, когда вернемся.

Искендер кивнул, и прядь опять полезла ему в глаз. Нужно было бежать в школу.

– Иди сюда.

– Зачем? Я же опоздаю... – пожал он плечами.

Честно говоря, ему и самому очень хотелось присесть с ней рядом. Просто было страшно, что холодок внутри вдруг каким-то образом поднимется вверх и брызнет из глаз колючими слезами.

Она потянула его за рукав.

Искендер скинул с плеча рюкзак и, опустившись рядом, устался из-под челки на черные, угловатые узоры на ковре, в которых, при желании, можно было разглядеть верблюдов с треугольными горбами. Она попыталась пригладить его кудри, но, как ни старалась, они все равно пружинами выскакивали из-под ее пальцев.

– Пойди намочи, я хоть причешу тебя...

– Мам, опоздаю же!

– Ладно... Ладно... Сейчас уже пойдешь. В школе все нормально?

– Нормально.

– А математику сделал? – она все время зачем-то спрашивала у него про математику, иногда по несколько раз в день.

– Сегодня нет математики, – соврал он и для убедительности опять шмыгнул носом.

– Вечером проверю, – сказала она, но, кажется, и сама была не уверена в этом.

Наконец, Искендеру надоело разглядывать ковровых верблюдов, каждого из которых он давно уже успел изучить во всех деталях, это тебе не резная рама в прихожей Марьям-ханым. Тем более, что скучный этот ковер лежал в его комнате, наверное, с самого его рождения. И тут он снова заметил паука.

Можно не сомневаться, паук был тот самый. Универсальный прядильный станок на восьми быстрых лапах со встроенными инфракрасными камерами слежения.

Слаженно перебирая мохнатыми конечностями, он двигался по кромке белой люстры, похожей на блюдо, словно луноход по освещенному краю лунного кратера, пока не оказался почти над ними. Тут он замер на мгновение, пружинился, после чего нырнул вниз, выпуская за собой следом, как абордажный канат, серебряную нить. Преодолев половину пути до кровати, он повис в воздухе, медленно покачиваясь над головой Джамили.

Искендер просто опешил от такой наглости.

– Слышишь...? – по-прежнему не замечая паука, спросила она в этот момент и начала долго и смущенно покашливать. Она всегда так делала, когда была в чем-то виновата или должна была сообщить что-нибудь неприятное.

Искендер не ответил, продолжая следить краем глаз за пауком-шпионом. Что там Марьям-ханым говорила накануне...? Ни в коем случае не трогать его? Просто прогнать...? А если так и чешутся руки раздать эту гадину?

– Слышишь? – опять спросила она. – Помнишь, папа обещал тебе телефон...

– На день рождения, – не задумываясь, ответил Искендер.

– Да... В этот раз, кажется, не получится. Подождешь немного...? Ну, пока я не выйду на работу? Пусть лечение закончится... Через три-четыре месяца, наверное...

Наконец, словно очнувшись, он оторвался от арахнида и перевел на нее взгляд. Выглядела она виноватой.

– Все равно скоро лето, мам...

Тут она вдруг порывисто обняла его.

– Зачем мне вообще телефон летом? – уткнувшись ей в плечо носом, попытался успокоить ее Искендер.

Летом или зимой – телефоны, между прочим, работают в любой сезон, но в тот момент сказанное Искендером почему-то прозвучало вполне резонно.

Между тем паук в воздухе над ними, видимо, завершил свою шпионскую миссию, свернул сверхчувствительные антенны, выключил видеосъемку и не спеша ретировался назад на край лунного кратера.

...До первого звонка оставалось еще достаточно времени. Да и школа была в принципе недалеко: всего-то пройти мимо сквера до сигаретной будки возле остановки автобуса, там перебежать улицу на светофоре, проскочить мимо дома торжеств, и вот тебе сразу – за старой советской девятиэтажкой она и стоит аккуратной

буквой «п». Ничего особенного: два этажа, вокруг фигурная ограда, с задней стороны школьный стадион. Быстром шагом минут семь. Ладно, пусть будет десять. А у него еще двадцать четыре минуты в запасе. Но, несмотря на это, Искендер выскочил в подъезд, словно за ним гнались, и сразу же бросился вниз по этажам, перескакивая через ступени. Все дело было в дурацком сне, который приснился ему под самое утро. Сон был короткий, но очень явственный: оказался он там же, где накануне с мишоппой давил гусениц, но дерева с дуплом на месте не было. Вместо него из воронки в земле торчала скрюченная, будто оплавленная огнем, мухобойка. И тут с грохотом откидывается крышка мусорного бака, и видит Искендер сидящего на полиэтиленовых пакетах с мусором измазанного сажей мишоппу. «Что случилось?» – спрашивает у него Искендер. А мишоппа поплевывает на шапочку и трет ею бронзовую лысину: «Слепой, что ли? Сам не видишь? Сожрали-таки мой Карагач проклятые гусеницы! Ни листочка не оставили...Теперь не будет бедному мишоппе радости в жизни. Никому не будет». И вдруг почему-то Искендеру во сне стало так невыносимо горько, как будто случилось что-то ужасное. Непоправимое что-то. Он даже удивился своей этой горечи: всего-то день назад он этот Карагач у помойки и не замечал даже. Думать о нем не думал. А тут прямо хоть полезай в мусорный бак рядом с этим ворчливым карликом и плачь в голос.

Так и произошло, кстати: проснулся он в серых предрассветных сумерках от собственного плача. Глаза мокрые, подушка мокрая. Странные дела!

Вот потому и несся он теперь вниз по этажам сломя голову, хотелось ему перед школой сделать крюк, проведать, все ли в порядке там с деревом. Может, и мишоппа будет где-то рядом. Знать бы, где он живет. В их доме таких вроде нет. И в 22Б тоже. Если, конечно, не переехал он совсем недавно. Ну, не живет же он в самом деле в дупле? Кто в это поверит? Как туда вообще пролезть можно? Ствол у Карагача широкий, не обхватишь, но ведь не так, чтобы в нем удобно поместиться, если ты не птица какая-нибудь.

Утро было раннее, клиенты к гадалке еще не собрались. А может, выходной у нее был. Хоть ты гадалка, хоть самая последняя ведьма, – без выходных работать никто не согласится. Во всяком случае, подъезд был пустой. Проскочив на скорости мимо квартиры гадалки с выпученным, как рыбий глаз, дверным глазком, Искендер выпрыгнул под накрапывающий дождь, и в это же самое мгновение сеточная дверь маленького палисадника, примыкающего к дому справа, приоткрылась наполовину, и ему под ноги бросились два матерых кота. Чтобы не наступить на них, он рванул в сторону, из-за тяжелого рюкзака на плече потерял равновесие, споткнулся и полетел прямо лицом на мокрый асфальт. Не известно еще, чем бы это все кончилось, но в последний момент чья-то рука ухватила его на лету за шиворот куртки и, тряхнув, поставила на ноги. Буравя Искендера насмешливыми желтыми глазами, коты мяукнули хором и дернули в разные стороны.

– Что ж ты, мой дорогой, так неосторожно?

Искендер ошалело оглянулся. В правой руке Кебире держала над головой черный зонт, под стать своему черному плащу, черным лакированным туфлям, жирным котам и косам цвета вороньего крыла, свисавшим ниже пояса. Только лицо у нее, как всегда, было неестественно белое, будто выкрашено известью.левой рукой она продолжала держать его за шиворот.

– Так ведь и голову расшибить можно, – сказала гадалка ласково глубокоим, певучим голосом, но у Искендера почему-то по спине побежали холодные мурашки. Он попытался было освободиться от ее руки, но не тут-то было, держала она его крепко, словно стальными тисками.

– Не торопись, а то ведь опять упадешь.

– В школу надо... – беспомощно выдавил из себя Искендер, на что гадалка только улыбнулась, хотя улыбка у нее вышла какая-то кривая.

– Хотела спросить, как там твоя мама себя чувствует? Я слышала, она болеет. Искендер отчаянно задергался, и снова Кебире, не меняясь в лице, без всякого видимого усилия приподняла его за шиворот, так что подошвы его кроссовок почти оторвались от земли.

– Ты не смотри, что между нами случилось небольшое недоразумение, такие вещи иногда случаются между соседями. Мне очень жалко ее. Что врачи говорят...? Не дождавшись ответа, гадалка продолжила все тем же ласковым тоном:

– Ну, ничего, ты не переживай, мой дорогой, поправится обязательно. Она еще такая молодая... – притворно вздохнула она. Из палисадника послышалось приглушенное хихиканье сестер-двойняшек. Искендера бросило в жар от злости. А гадалка недовольно вскинула вверх густую бровь и толкнула локтем дверь в палисадник. Хихиканье сразу же прекратилось.

Палисадник был небольшой, огороженный сеткой, прогибающейся под грузом грязного плюща, который оплел ее со всех сторон. Густой и плотный, плющ выглядел, как невымытые волосы с застрявшими в них тут и там обрывками бумаги, пакетами, старой паутиной, сухими листьями.

– А у меня, между прочим, к тебе небольшое дело.

– Какое еще дело? – буркнул Искендер. Он подумал, что если быстро спустить до конца змейку на куртке, то ему удастся выскочить. Правда, куртка тогда останется в руке у гадалки.

– Тут мне говорят, что ты вчера познакомился кое с кем?

Искендер замер под тяжелым взглядом Кебире. Как уже было сказано, глаза у нее были крупные, выпуклые, как сливы, отороченные густыми ресницами.

– Значит, правду сказали? – усмехнулась Кебире. Лихорадочно соображая, что ответить, Искендер закинул руки на воротник и безуспешно попытался разжать ее пальцы. Гадалка слегка тряхнула его. – Да ты весь промок, мой дорогой, что ж ты молчишь? Иди-ка ко мне...

Искендер не успел ни увернуться, ни сказать что-нибудь. Проворно, как кошка, занесла она над ним свой черный зонт, и тотчас и без того серое утро сделалось в два раза темнее, словно наступил поздний вечер. Глубокие сумерки затопили все вокруг: и улицу, и двор, и припаркованные машины, и его собственные кроссовки, и только ее лицо продолжало ярко белеть, словно маска с обведенными алой помадой губами, да грязный плющ позади окрасился в ядовитый желтый цвет. Медленно, не спуская с него глаз, она наклонилась к нему близко так, что он почувствовал на себе ее горькое дыхание, остро пахнущее миндалем и горчицей. Запах был таким тяжелым и неприятным, что у него сразу же запершило в горле. Хотел он было отвернуться, но тут вдруг с ужасом обнаружил, что не может даже пошевелиться. И руки, и ноги, и все тело будто окаменели. Так, наверное, чувствует себя муха, упелённая паутиной, в тот момент, когда паук, разглядывая ее четырьмя парами глаз, готовится высосать из нее жизнь.

«...так-то лучше, теперь не промокнешь... – услышал Искендер ее голос прямо у себя в голове. Гадалка говорила с ним, не раскрывая рта.

«...можешь не рассказывать...»

Тем временем сумерки вокруг сгустились еще сильнее, почти до темноты, зато лицо Кебире и плющ у нее за спиной сделались еще ярче. Не зря, скажу вам, Марьямханым назвала ее ведьмой.

«...я и так все знаю...»

«Зачем она спрашивает?»

«Дело у меня с ним незаконченное, потому и спрашиваю», – сверкнула гадалка глазами.

«Она читает мои мысли!» – догадался Искендер и, чтобы сбить ее с толку, принялся лихорадочно повторять про себя:

«Опаздываю в школу... опаздываю в школу... первый урок математика... Фахира Асадуллаевна...».

«Скажешь мне, где это он прячется...?»

«Опаздываю в школу...опаздываю...да откуда же я знаю...?».

«Неужели не сказал...? – нахмурилась Кебире. – Не может быть...Он же такой болтун, этот мишоппа...»

«Математика... первый урок...», – упрямо твердил Искендер, изо всех сил стараясь не думать о живописном Карагаче всего в нескольких метрах от дворовой помойки. Вместо дерева он пытался представить себе то фойе школы, то раскрасневшееся от злости лицо Фахиры Асадуллаевны, когда он заявится в класс после звонка. «Первый урок... опаздываю... ничего не говорил... ничего не знаю...!»

«Ай-ай-ай, мой дорогой... нехорошо врать взрослым... Соседи должны помогать друг другу!»

«Фахира...»

«Да хватит уже талдычить одно и то же...! Пропади она пропадом эта Фахира... Чирей ей на нос! И чтоб ныл день и ночь! – рассердилась гадалка, и голос ее, зазвенев металлом, заполнил собой всю его голову. – Кого обмануть хочешь...?»

«...школа...», – в голове Искендера звенело и трещало, будто в нее набилась целая туча цикад.

«Где прячется этот сукин сын?! Он мне должен...!»

«Не знаю ничего...! ...Фахира... честное слово...», – пытался перекричать он треск в голове. Вы когда-нибудь пробовали, не раскрывая рта, кричать про себя? У меня не получается.

Кебире наклонилась еще ближе, кончик ее мясистого носа повис прямо у него перед глазами. Кожа у нее была в крупных порах, как у жабы, а над напوماженной губой торчали усики. Усики были снежно-белые и, сливаясь с такой же ненормально белой кожей, были заметны лишь вблизи. От треска невидимых цикад кружилась голова.

«Клянусь, не знаю...! ...ничего мне не говорил... только про гусениц... даже имени его не знаю... Отпустите меня, пожалуйста!»

«Про гусениц? – усмехнулась Кебире. – А на котов не жаловался лысый карлик?»

Когда Искендеру уже стало казаться, что он вот-вот потеряет сознание, треск в голове неожиданно прекратился, а гадалка вытянулась в полный рост, продолжая, однако, буравить его своими выпуклыми глазами.

«Ладно, – сказала она, – кажется, не врешь. Мне его найти надо. Слышишь? Должен он мне. Очень сильно должен. Поможешь, получишь подарок. Телефон. Ты ведь телефон хотел на день рождения?».

«Не зря приходил с утра паук!» – промелькнуло в голове у Искендера.

«Конечно, не зря!» – насмешливо кивнула ему Кебире.

И тут ему повезло. Мимо подъезда, лихо расплескивая огромную лужу, проехала вчерашняя «газель» с рекламой пластиковых окон. В густых сумерках ее едва было видно. Но Искендер сразу же узнал ее. Пенная жижа окатила гадалку со спины. В бешенстве бросившись к ступенькам, она закричала истошно вслед машине:

– Чтоб тебя на куски разорвало, сучье отродье...! Чтоб тебя...

И как только над ним перестал висеть проклятый зонт, темнота вокруг мгновенно исчезла. Улицы, автомобили, дом напротив, грязный плющ на ограде стали такими же, как прежде, мокрыми от дождя, обиденными, а невероятная тяжесть, сковывающая все его тело, куда-то улетучилась.

Не теряя времени, Искендер рванул мимо шипящей проклятьями гадалки, помчался, не разбирая дороги, через бордюры и грязь.

– Ах, ты, гаденыш...! Беги, беги, все равно никуда не денешься...

Подгоняемый тяжелым рюкзаком на спине, он на одном дыхании проскочил двор, выбежал к мусорке и тут встал, как вкопанный, не веря собственным глазам. Все было на месте. Слева громыхала стройка, весело блестели от воды мусорные контейнеры, на соседней пятиэтажке от дождя проступали чернильные разводы, справа сиротливо мокли неизвестные кусты, тополя и чинары, на месте были и гаражи, и дорога, и поворот к скверу, вот только Карагача не было. Искендер оглянулся в недоумении, прошел вперед, взобрался на бордюр, прыгнул с него. Сомнений быть не могло – Карагач исчез. А единственным доказательством того, что еще вчера он шелестел здесь свежей листвой, была внушительная лужа цвета кофе с молоком, от которой в сторону дома 22Б тянулась неровная борозда. Чавкая кроссовками по размокшей земле, Искендер подошел к самому краю лужи, куда прибило отороченную пеной бутылку из-под кока-колы, и присел на корточки, уставившись на собственное отражение в воде, словно эта залитая дождем воронка могла каким-то образом объяснить, куда подевалось дерево. Под ногами извивались цветные гусеницы.

На вид они были поменьше вчерашних, и лишь одна из попавшихся ему на глаза имела вполне оформившиеся треугольные рожки. Посидел бы он, наверное, еще, пытаясь собраться с мыслями, но нужно было бежать в школу. Напоследок Искендер примерился и, как футболист, зачерпывая носком башмака землю, изо всех сил пнул по рогатой гусенице. Ком глины шлейфом разлетелся над лужей, а в образовавшейся ямке вдруг сверкнул чей-то глаз. От неожиданности Искендер попятился назад, оступился и плюхнулся задом прямо в жидкую грязь.

Глаз глядел на него, не моргая: круглый, похожий на кошачий, ярко-зеленый, с плавающим в нем черным зрачком. Кое-как отряхнув джинсы, Искендер опасливо приблизился к ямке на пару шагов и только тут сообразил, что это был никакой не глаз, а обыкновенная стеклянная бусинка. Подцепил он ее двумя пальцами, за бусинкой из мокрой жижи выскочила вторая, за ней третья, и, в конце концов, вытянул он из грязи целиком крошечные четки. А то, что это были именно четки, а не какие-нибудь бусы, было понятно по кисточке на конце, где сходились камешки. На свету зеленые бусинки расцвели золотистыми прожилками в глубине вокруг черного зрачка.

...В школу, как и следовало ожидать, он сильно опоздал. Коридоры были пусты, за закрытыми дверями классов слышались голоса учителей. Прежде чем проскользнуть на лестницу, ведущую на второй этаж, пришлось ему выслушать назидательное ворчание уборщицы, мывшей пол в фойе. По коридору, в самой середине которого находился кабинет математики, Искендер пробежал на цыпочках, чтобы поменьше скрипел под ногами разошедшийся паркет. Запыхавшись, встал он, наконец, перед белой дверью, приник к ней ухом: под раздраженный голос Фахиры Асадуллаевны кто-то неуверенно скрипел мелом по доске.

...И сразу же на него обрушился флуоресцентный свет, который после коридорного полусумрака прямо-таки резал глаза. Класс принялся гоготать и улюлюкать, но больше всего, кажется, была довольна стоявшая у доски Велиева: теперь все внимание было на нем, а не на нерешенной задаче. Из-под лезущей в глаза челки Искендер обвел передние ряды затравленным взглядом и уставился себе под ноги. Он уже знал, что будет дальше. Нужно просто перетерпеть, пока математичка будет измываться над ним, а когда ей, наконец, надоест, молча отправиться на свое место за четвертой партой в первой колонке от двери.

– С добрым утром, уважаемый! – начала Фахира Асадуллаевна, ехидно вытянув бантиком пухлые губки. Класс радостно закатился еще громче. – Спасибо, что вспомнили про нас. Осчастливили своим появлением.

Опустив голову ниже, Искендер стал переминаясь с ноги на ногу. Грязь на кроссовках уже стала подсыхать.

– Сколько у нас тут до конца осталось...? – тем же тоном, не повышая голоса, сверилась она с экраном ужасно дорогого мобильного телефона в розовом кейсе со стразами. Лицо у учительницы было кукольное и глупое, а нос курносый. Вообще-то прежде он был нормальной формы и больше напоминал собой аккуратный баклажан, а тут вдруг после летних каникул заметно похудел и вздернулся кверху. – Пятнадцать минут! Ну, что ж, – вздохнула она, – мог бы вообще уже не появляться... Чего ты вообще приперся, а? Урок мне срывать? Тебе же математика не нужна. На пальцах считать научили, и хватит. Больше тебе и не надо. Ты же все равно через год или два пойдешь на «Зеленом базаре» картошкой торговать...

С задних парт радостно подхватили:

– Продавец картошки...!

– Или в маршрутке работать... Отвечай, когда с тобой разговаривают! – Искендер с опаской поднял глаза на Фахиру. По выражению ее лица было понятно, что сейчас начнется самое главное. – Мало того, что опоздал, еще как свинья ходишь! Ты только посмотри на себя...! Весь в грязи! Просто бомж какой-то...! Бродяга! Ты что, на мусорке ночевал? – вскочив со стула, она сорвалась на визгливый крик. Смех в классе постепенно умолк. Когда математичка выходила из себя, всем лучше было сидеть тихо и не высовываться. – Что это за волосы, я тебя спрашиваю? Что за лохмы...? Урод, а не человек, ты специально ко мне на уроки так ходишь...? Издеваешься...?

Фахира затопала каблучками, в унисон задребезжали огромные серьги у нее в ушах и затрещкали на запястьях золотые браслеты. Несмотря на косметику, кукольное личико ее покраснело от крика. Особенно вздернутый кончик носа – тот вообще сделался пунцовым.

– Над матерью своей так издевайся! Я тебя из этой школы выгоню...! Негодяй! Велиева сочувственно тарасилась на Искендера из-за плеча математички.

– С тобой говорю! Отвечай...!

Отвечать было нечего. Между тем с носом Фахиры явно стало твориться что-то неладное. На самом кончике его набух заметный бугорок.

– Я прямо сейчас отправлю тебя к директору. Пусть он с тобой разбирается сам. Какого черта я буду с тобой еще нервничать... мне больше всех надо, что ли? Кто ты такой, в конце концов, чтобы я из-за таких, как ты, нервничала!

Искендер облизал спекшиеся губы. Неужели никто, кроме него, не замечает?..

– У твоей матери нет полчаса времени, чтобы сводить тебя в парикмахерскую...? Она у нас такая занятая? Как деньги сдавать на класс – неделями вас ждать надо! Она, что, не видит, что ты на обезьяну уже стал похож! Похож...? – вопросительно оглянулась она на класс. Те, как по команде, дружно захохотали, и опять кто-то крикнул сзади:

– Горилла! У-у, у-у...!

– А ну, замолчали все! – взорвалась вдруг математичка и, схватив указку, принялась яростно лупить ею по ближайшей парте. – Что это вы из себя вышли? Вы, можно подумать, чем-то лучше? Уроды!

Мгновенно наступила тишина. Бугорок, выскочивший у нее на носу всего минуту назад, уже успел налиться в багровый чирей, увенчанный гнойной головкой. «Вот же, проклятая ведьма, ведь не зря к ней со всего города ходят!» – ахнул про себя Искендер, вспоминая слова гадалки. Хотя, положив руку на сердце, Фахира свой чирей честно заслужила. Хорошо бы вдобавок еще один – прямо ей на пухлую губу, чтобы поменьше орала.

– Убирайся на свое место! – выждав драматическую паузу, процедила она сквозь зубы, все еще ничего не подозревая. Прыщ на носу стал похож на оживший вулкан, готовый вот-вот извергнуться гнойной лавой. – Завтра с такими волосами можешь даже не приходить! Не пуцу в класс. Мне здесь туземцы не нужны. А за то, что сорвал мне урок, я тебе еще устрою! Велиева, что там у тебя с задачей...?

Глава четвертая

Мишоппа

Если что-то вдруг терялось, покойная бабушка Секине завязывала узлом чайное полотенце и, приговаривая: «Завязала хвост шайтану, что ушло – пусть вернется...», ходила из комнаты в комнату с этим полотенцем в руках. «Это что же, бабушка, хвост шайтана?» – потешался Искендер. «А ты не шути, ростом еще не вышел, чтобы надо мной издеваться, – строго отвечала она, – это точно его рук дело. Теперь пусть попрыгает! Хвост так прикрутила, что у него глаза побелели, у проклятого! Сам увидишь – вернет все, что утащил. Никуда не денется!». И главное ведь – находилось! Правда, чаще всего в ее же чемодане.

Бабушка Секине была сухонькой старушкой ростом чуть меньше соседского пуделя, когда тот становился на задние лапы, и жила с теткой Искендера и ее бестолковыми детьми где-то в Сумгайыте. К ним же обычно она приезжала гостить под праздники сразу месяца на два. Привозила коробку ужасных шоколадных конфет и носки Искендеру на вырост. Как уже было сказано, сама бабушка была небольшая, но очень уж беспокойная. Все ей казалось, что дом не прибран, что вещи разбросаны и лежат не на своих местах, и поэтому целыми днями она без устали перекладывала все из одного шкафа в другой, с полки на полку, из ящиков в чемоданы, зачем-то плотно пеленала хрусталь в наволочки, перепрятывала постельное белье, халаты, остатки красивого чайного сервиза на 12 персон, от которого к последнему ее визиту уцелели лишь сахарница и два блюдца. За это мама ее недолюбливала, а Искендеру, наоборот, бабушка нравилась, хоть и приходилось делить с ней комнату. Его вещей она никогда не трогала. В память о ней осталось у него 11 пар одинаковых темно-зеленых носков. Жалко, не двенадцать, чтобы на целый год хватило.

Про хвост шайтана Искендер вспомнил уже второй раз за это утро, оставив позади лужу, на месте которой когда-то стоял Карагач. Эх, была бы жива бабушка, кто знает, может, и дерево нашлось бы! У нее-то с шайтаном были какие-то свои, особенные отношения, только она и знала, где у него хвост.

До парикмахерской было недалеко: пройти мимо овощной лавки братьев-гигантов, свернуть от светофора направо и дальше вдоль маленького треугольного сквера с новой шашлычной на входе до вереницы магазинчиков на первых этажах пятиэтажек по улице Мир Джалала. Парикмахерская будет между канцелярскими товарами и магазином женской одежды, в котором раньше работала мама.

Дождь давно уже прекратился. Старые деревья в сквере стояли окутанные голубым дымком, курившимся из трубы шашлычной. Отогревшись на солнце, победно чирикали воробы.

– Эй, эй, лохматый...! Притормози...

Искендер растерянно оглянулся. Шлепая тапками по тротуару, к нему на всех парах неслись мишоппа. Одет он был в то же самое, что и вчера, только вместо мухобойки в руке у него болталась пустая авоська.

– Не догнать тебя, проклятый...! Куда так мчишься...? Вспотел весь... – затараторил он, не давая Искендеру опомниться. – От самого светофора за тобой бегу. Все ноги стер. Зову – не слышишь! Кричу – не отвечаешь! Компотом уши промываешь, что ли? Где пожар? От кого бежишь...?

– Стричься, – смутился Искендер.

– Это другое дело! Ты себя в зеркале видел? С такой головой я бы на улице не показался, сгорел бы от стыда. Подумают еще, что дервиш бродячий. Тьфу, безобразие! Все никак не пойму, рога ты, что ли, под ними прячешь? Давай-ка, братец, через парк пойдем, так ближе будет, и там одни пенсионеры безопасные гуляют. – Мишоппа ухватил его за подол куртки и потащил за собой на аллею парка.

– Да куда ты...! – упираясь, воскликнул Искендер, – парикмахерская там! Ты лучше послушай, что утром случилось. Ты знаешь, что тебя ищут?

Мишоппа остановился, сдвинул шапочку набекрень и внимательно посмотрел на Искендера из-под сдвинутых бровей:

– Кто это меня ищет?

– Кар-р! – крикнула вдруг ворона с кривой верхушки сосны.

– Тьфу на тебя! Дура проклятая! – злобно обругал ее мишоппа.

– Мишоппа...

– Чего это ты все «мишоппа да мишоппа», имени у меня, что ли, нет? – обиделся маленький человек. – Это вон ворона без имени орет, а у меня этого добра сколько хочешь. Я же тебя двурогим не называю, вот и ты зови меня, как положено, – Абабиль.

– Абабиль...? – удивился Искендер. – Это что за имя такое? Таких имен не бывает.

Мишоппа топнул ногой в шлепанце:

– Как это не бывает? Много ты знаешь! Не нравится, так и иди, куда шел. Нечего мне голову морочить.

– Подожди, не обижайся, просто имя... – Искендер задумался на секунду, – ...редкое. Ты лучше скажи, что с деревом случилось?

– А что с ним случилось? – подозрительно спросил Абабиль.

– Так нету его!

– Как это нету? – всполошился он. – Что ты болтаешь? На месте оно.

– Нету, тебе говорю! Срубили, выдернули, я же оттуда иду.

– Да как же это ...?

– Кар-р-р-р! – опять встряла ворона.

– Тьфу на тебя! Сорок раз тьфу в твой черный глаз! – взъярился Абабиль. – Может, ты ошибся? Может, перепутал чего?

– Я, что, слепой, по-твоему? Два раза проверял.

– Ах, ты...! Бедное мое дерево! – в отчаянии заголосил мишоппа. Скинув шлепанцы, он пихнул их в авоську и, как был в носках горохового цвета, помчался по аллее в глубину сквера. Недолго раздумывая, Искендер бросился за ним следом. – Чтоб тебя...! Чтоб тебя...! Пепел на твою голову, Абабиль... Ведь на секундочку только оставил! Неужели правду говоришь? – обернулся к нему на ходу мишоппа.

– Там только лужа, и все!

– Ай-ай-ай! Чтоб ты сдох, Абабиль!

– И следы...

Мишоппа на ходу залепил сам себе звонкую оплеуху:

– Пепел... пепел на мою несчастную голову...!

– И гусеницы...

В несколько прыжков он добрался до конца аллеи, которая упиралась в проем между пятиэтажкой и оградой детского садика, но, вместо того, чтобы свернуть направо, к остановке, решительно нырнул в темный тоннель.

– Зачем туда? – только и успел крикнуть ему вслед запыхавшийся Искендер. – Направо же...

Но Абабиль не слушал и все продолжал голосить и проклинать позарившихся на его дерево злыдней.

Асфальтовая тропинка была узкая, еще не подсохла после дождя, и приходилось бежать, огибая вываливающиеся на нее с обеих сторон по-зимнему голые кусты жимолости. Несмотря на короткие ноги, за мишоппой было не угнаться. Когда закончилась ограда детского сада, Абабиль соскочил с дорожки и понесся наперерез, петляя между деревьями. За приземистыми соснами Искендер стал терять его из виду, все еще пытаясь сообразить, как именно собирается мишоппа добраться от-

сюда до помойки у гаражей. Как ни крути, а выходил приличный круг. Но тут Абабиль вдруг сбавил скорость, а потом и вовсе остановился.

– Я же говорил – направо надо было... – нагнав его, выдохнул Искендер. – Теперь вкруговую придется...

Мишоппа смачно плюнул на правый носок:

– Чтоб тебе пусто было, дурень...! Доигрался, все, пропали носки! Финита! Только на тряпки и сгодятся. Смотри, какая из-за тебя дыра получилась. – Он задрал ногу и продемонстрировал Искендеру торчащую из носка грязную желтую пятку.

– Как же это...? – открыв от изумления рот, пролепетал Искендер, заметив, наконец, на тенистом пяточке в нескольких шагах от них разлапистый Карагач.

Зеленые космы покачивались над входом в дупло, могучие корни торчали из земли, словно канаты.

– Я бы эти носки еще семь лет носил! Один вред от тебя, – буркнул Абабиль, искоса глядя на Искендера.

Здрав голову, Искендер медленно подошел к дереву. Верх был окутан солнечной дымкой, сквозь которую, как сквозь туман, мягко просвечивали раскидистые ветви.

– Так ты, что же, его выкопал, получается?

– Э-э-э! У меня, что, в кармане бульдозер? – отмахнулся мишоппа и, доковыляв до дерева, удобно уселся между мшистыми корнями.

– Как же оно здесь оказалось?

Мишоппа, кряхтя, стащил с ног носки и развесил их на торчащем побеге.

– Кто за ущерб платить будет?

– Абабиль...

Не обращая на него внимания, мишоппа любовно погладил ребристую кору дерева, приговаривая:

– На месте... никуда не делся...

– Послушай, как...

– Да что ты заладил «как, как», других слов, что ли, не знаешь? Сядь, передохни!

Искендер осторожно опустился рядом с мишоппой на мягкую подстилку из мха и каких-то сочных стеблей, ноги его утонули в траве, пронизанной косыми нитями солнца. Карагач зашелестел листьями, густо пахнуло на него сладкой весенней сыростью, и от всего этого сделалось вдруг Искендеру так спокойно и легко, так безопасно, словно прочь отлетела черная паучья туча, все это время следовавшая за ним по пятам, как привязанная.

Вытряхнув из авоськи шлепанцы, мишоппа сунул ее в оттопыренный карман штанов.

– Не пригодилась, день зря пропал, – объяснил он Искендеру.

– В магазин, что ли, шел?

– Да нет! Я ее всегда беру на всякий случай. Мало ли что где найдешь. Кому-то не надо, а мне подойдет. Знаешь, сколько хороших вещей выбрасывают? Ох, давно я так не бегал, братец! А все ты со своей дуростью. Ноги-то у меня, сам видишь, какие, – короткие. Для бега не приспособленные. Чего зубы скалишь, можно подумать, у тебя длиннее!

– Но у меня-то они когда-нибудь вырастут.

– Это правда! – вздохнул Абабиль. – Спорить не стану. Все знают, спринтеры из нас никакие. Да и марафонцы тоже. Вот и бедный мой папа так говорил. Поэтому считай, всю жизнь на палках ходил...

– Как это?

– Ну, палки такие, – ходули, как в цирке, видел когда-нибудь? А снизу калоши приспособил, чтобы удобнее было по грязи чавкать. Знаешь, что такое калоши?

– Знаю.

– Хорошо, что знаешь, а то уж я думал – совсем дурак. Сейчас мало носят, и зря. Там, где я родился, без калош никуда. Даже на свадьбу в них. И ноги все время сухие, и красиво. С ночи от навоза, от пакости всякой отмоешь, а еще, если не жалко, маслом оботрешь, утром блестят как новенькие. Хоть на работу, хоть кутабы кушать!

– А ходули длинные были?

Мишоппа многозначительно поелозил ногами в траве:

– В том-то и фокус, зачем же ему короткие? В окна второго этажа заглядывал. Спишь себе так, солнце только всходит, река еще темная, холодная, шепчет, как туалетный бачок, одеяло на голову натянешь, пригреешься, только нос торчит, а он уже тут тебе в окно колотит, неугомонный! Вставай, мол, дел полно. Очень уж был он деловитый! Яйца из гнезд таскал! Будь здоров! Никаких лестниц не надо. Его каждая сова на десять километров вокруг в лицо знала! На тот берег через Фыртых-чай ходил, ног не замочив! А там в середине два моих роста, если без обуви. Идет себе, сверху вниз на всех поплеывает... Не мишоппа, а подъемный кран! Асифа из овощного знаешь? Вот если я ему на макушку встану – только-только и будет... К каждой ходуле он еще по плетеной корзине приспособил. Меня в правую сажал, а в левую всякое барахло закидывал, мало ли что по дороге попадет. Что найдем – сразу туда. Вечером после ужина во дворе сядем под навесом и разбираем. Полезное в одну кучу, бесполезное – в другую. На продажу или на обмен.

– Он и сейчас так ходит?

– Уже нет. В болоте утонул.

– Как это? Ты же говоришь, ходули были длинные?

– Длинные-то, длинные, но с болотом, братец, шутки плохи. – По очереди зажимая пальцем ноздри, мишоппа шумно высморкался в сторону на торчащее из земли корневище, из-под которого возмущенно выпорхнул крупный белый мотылек.

– Кыш! – отогнал его рукой Абабиль.

– Как же это он утонул, если на ходулях? Расскажи...

Мишоппа задумчиво поскреб подбородок...

Рассказ Мишоппы (№1)

Рассказывает мишоппа долго, со всякими подробностями, именами и географическими названиями. Половина из них ни на какой карте не обозначена. Про имена я вообще молчу. Короче, верить тому, что он говорит или нет, дело хозяйское, но рассказ его я на свой вкус немного сократил. Пусть сколько хочет обижается.

...Пошел бедный мой родитель уток ловить, да так и пропал. Ведь мы как привыкли: на ноябрьские праздники обязательно за утками ходим. В сентябре, к примеру, яблоки сушим, в октябре масло топим, портулак закручиваем, а в ноябре только утками и занимаемся. Возни с ними много, но отец у меня настоящий профи был. С сачком на них ходил. Без всякого ружья. Доберется до прикормленного места, замрет на своих ходулях, притворится осиной, подождет часа полтора, пока утки к нему привыкнут, а потом вдруг заорет, руками замашет – они с перепугу с воды влет, и тут он их сачком раз, раз, раз, подсекает и в мешок...! И меня этому делу учить потихоньку начал. Но в тот день один отправился. Вроде с утками у нас все хорошо было, два мешка за день до этого притащили, и в тот день нас всех в гости позвали – к маминому брату Фармаишу, у него третья жена железнодорожный техникум с отличием закончила. А папаша уперся. Нет, и все. И пока мы все у Фармаиша утиный суп и утиный шашлык ели, отец черт знает куда забрел. У нас за Фыртых-чаем лес, а за лесом

сразу болота начинаются, так и называются – Похлу-дере. Все знают, что птицы там всякой целый вагон, но места гиблые, вонючие, и днем и ночью по кочкам туман гнилой висит. На одной из них, самой противной, покойный наш председатель колхоза в одном сапоге сидит. Его за растрату взяли, но он дядька ушлый, с этапа сбежал. Правда, недалеко: до болота только кое-как добрался, да там и утоп. С тех пор на кочке и сидит, если кто появится, орет дурным голосом: «Где мой сапог, сукины дети! Всех в Сибири сгною!» А у самого уже на лбу грибы и бородавки повыскакивали, и плесень с него всякая сочится. Короче, наши туда никогда не ходят. Дураков нет. Корова какая-нибудь по глупости забрести может, а так нет. И не охотится никто, тем более, что утки тамошние не перелетные, все время на болоте живут, и потому на клювах зубы у них растут, как у собаки, и тиной еще воняют, ужас, не хуже мертвого председателя. Даже перо их никуда не годится, подушки набьешь, а ночью от страха писаться будешь. Чего это родителя моего туда понесло? Загадка. И ведь спросить тебе не у кого.

А мы в гостях до вечера засиделись, после ужина чай пили с топленным маслом, фигурное катание смотрели, потом Фармаиш нас на своем тракторе до дома довез, хотя айвовой водки так нажрался, что первую жену с третьей перепутал и все требовал, чтобы она показала, как локомотив гудит. Доехали кое-как и дома уже запервичали.

Всю ночь покойного искали. Весь берег реки исходили до самого моста, а потом, пока Фармаиш с участковым в райцентр ездили, лес прочесали, заодно и капустное поле. Позже только в столовой кто-то сказал, будто видели, как отец мой на ходулях к болоту топал. Что тут делать? Фонарей принесли, ламп керосиновых набрали, спичек, трактор впереди, я у матери на плечах, мать – верхом на Гошкаре, остальные следом. Только к полуночи добрались мы до болот. У Фармаиша по дороге солярка кончилась, а Гошкар молодец, по броду, по кочкам нас к самому центру вывел. Он уже старый был тогда, но нюх не потерял. И вообще, хороший был пес,мышленный, только жрал очень уж много. Мертвый председатель как увидел столько народу с фонариками, еще и оседланную собаку размером с осла, с перепугу на колени рухнул, руки вверх поднял, стал трясти головой так, что грибы во все стороны полетели: «Сдаюсь...! Шайтан попутал...! Да здравствует наш суд, самый гуманный в мире!» Чуть подальше от его кочки из болота ходули с калошами торчат, а вокруг утки кругами плавают и зубастыми клювами щелкают. На правой ходуле пионерский галстук флажком на ветру полощется.

Привезли мы, значит, бедного папашу домой, от грязи отмыли, пиявок солью потравили, в чистую простыню обернули и снесли, как положено, на чердак – сушиться. Так-то он весь целый оказался, только уши поганые утки объели. А пока мама с тетками в эмалированный таз слезы лили, вышел я во двор под Карагач нужду справить. Помню, уже понемногу светать начало. Сам сонный, глаза от усталости слипаются, штаны приспустил, прицелился и тут гляжу: дерево наше за ночь поседело совсем! Утром ведь еще пышное было, а теперь сгорбилось по-стариковски, стоит, трясется, как больное, корнями по земле елозит, ветками скрипит. Я хоть и маленький был, но сразу сообразил, правильный мишоппа такие вещи носом чувствует. Кое-как штаны поднял и бросился со всех ног в сарай за цепью. Но она, зараза, такая тяжелая оказалась. Пока ее разматывал, пока тасил, Карагач со двора деру дал. Листья с себя напоследок все сбросил, как старую одежду, и ускакал за ворота. Одна, понимаешь, яма с червями осталась

Так за одну ночь я дважды осиротел.

...Дом у нас крепкий был, в два этажа с верандой. Еще одна половинка этажа под землей, – погреб там был, а другая – под новой шиферной крышей. Там я спал. Окно мое на крышу сарая выходило, на которой яблоки в сентябре сушили, за сараем дорога, дальше, куда ни смотри, горбатые холмы. Летом красота такая, что пля-

сать хочется. Да и в другое время тоже приятно. И двор у нас шикарный был. Мимо Фыртых-чай журчал. До железного моста вода неглубокая, поэтому и журчит громко, через камни перекачивается. Зато раз в четыре года по весне вдруг как разбухнет, как нальется темной силой, глядишь на нее, страшно становится: ревет, пена ключьями во все стороны летит, на берега выплескивается, как дрожжевое тесто из-под крышки. Думаешь, все, приехали, сейчас разольется и утащит за собой и сарай, и будку бедного Гошкара, и его самого, и дом на фиг смое! Крыша хоть и шиферная, но стены-то из самана, долго держать не будут. А если погреб подтопит? Там одних закруток на целую армию. В такие дни отец обычно с Карагача не слезал. На самую верхушку вскарабкается, пальцы биноклем сложит и в два глаза за разгулявшейся водой следит. Мало ли что принесет? Иногда дерево с корнем вывернутое – на дрова, а иногда чью-нибудь корову или кусок забора, покрышку, может, белье. Однажды пьяного ветеринара Гасимова принесло. Но он нам без надобности был, и мы его дальше плыть отпустили.

Одним словом, жили мы хорошо, весело, пока отец зачем-то на болото не по-тащился. И пока Карагач от нас не сбежал.

Без них все сразу пошло не так. Уж теперь не знаю, без кого больше – без отца или дерева. Тут главное факты. По двору полосатых крыс развелось. Я раньше и не знал, что такие бывают. Сами полосатые, как тигры, хвосты, видно, что длинные, но в спираль закручены, и гавкают будто собаки, когда их поленом или обухом каким-нибудь шибанешь. За два дня всех цыплят в курятнике передушили. Гошкар за ними гонялся по двору, но все зря. Большой, тяжелый, куда ему за ними угнаться. Сдался под конец, будку свою бросил, на голой земле стал спать, как безродный. Они у него там гнездо свили. Мы их и дустом травили, и из дробовика палили, только семь штук изничтожили. К первому четвергу после похорон они уже в дом пробрались. А в погреб в это время уже другая беда: закрутки наши, запасы, так сказать, ни с того ни с сего лопаться начали, баллон за баллоном, варенье все засахарилось, в яблоках черви завелись, черная жаба в бочке с сыром икру наметала. Мама бедная совсем голову потеряла. То с винтовкой во двор бежит, то в погреб лезет, то с чердака ушастых сов гоняет. И я за ней следом. Ох, брат, как я этих сов не перевариваю! Я из-за них спать перестал. Попробуй заснуть, когда они всю ночь желтыми глазами в окна светят и ухают хором.

...По утрам лужи подмерзать начали, мороз уже уши щипал, в горах снег выпал, а у нас все прямо хуже и хуже становилось. Запасов лишились, крысы потихонечку нас из дома выживали, Гошкар запорами мучился, хоть все бросай и беги. Только ведь и бежать-то некуда. Не к Фармаишу же? У него там от жен и их детей не протолкнуться. Одна только родит, другая уже на очереди, и все по двое или по трое. Правда, все левые какие-то. Ни один на мишоппу не похож. Кроме старшего Окташа, да и тот, бедный, в бане угорел, когда мозоли распаривал.

И вот когда совсем мы отчаялись, сосед рассказал, что Карагач наш за железным мостом засветился. Его же ни с одним другим деревом не перепутаешь. Говорит, стоит и трясется. За две недели в лесу одичал, колючек нахватал, людей сторонится, и главное – воеет, как волк.

Мы на следующий день оделись потеплее, опять Гошкара со двора вывели, оседлали – не просто же так ему хлеб свой кушать – и двинулись к мосту. Долго ехали. Псина все-таки не лошадь, даже ишак быстрее ходит. Шерсть с него ключьями лезла, будто из драного матраса, язык набок, слюни роняет, еще и пукает тоскливо все время. За полтора часа только и добрались. Видим, так и есть, стоит наш красавец на краю обрыва. Голый, ветви перепутаны, изломаны, мы к нему, а он не подпускает, корневищами хлещет, верхушкой трясет, и точно – волком воеет. Мы его и стыдили, и свежим навозом подманивали, один фиг – одичал. Плюнули, поперлись обратно.

«Фармаиша попрошу, – сказала мать, – пусть веревками повяжут и домой трактором притащат. Сам видишь, без него никак».

Но с трактором, конечно, ничего не вышло. Не такое это дерево, чтобы его без его позволения куда-нибудь притащить можно было. Пока за Фармаишем мотались, пока он трактор раскочегаривал, туда-сюда, Карагач удрал. Фармаиш кепку на землю бросил. «Все, – говорит, – вспугнули! Надо было сразу меня звать! Теперь он за реку ушел, зараза! Если сам не покажется, сто лет не найдешь. Спутается там с кем-нибудь, и конец. Только муж твой покойный и знал, как с ним сладить. На чердаке он?»

Мама говорит: «Где же еще-то? Лежит, сохнет».

А Фармаиш: «Спросить бы у него, как с этим бешеным деревом управляться? Может, знак какой подаст...?»

Мать пальцем по виску постучала, типа, чокнулся, что ли.

«Эх, – сообразил дядька, – в самом деле, чего я такое говорю, коряга безмолвная она и в Африке коряга! Извини, сестра, не соображаю ничего, голова одним хинкалом набита. Третий день его ем. Мы зря только соляру жгли, сюда тащились».

Мама в первый раз за все время заплакала: «Да заплачу я тебе за солярку! Дырку мне уже в голове сделал!»

Так и вернулись домой ни с чем. Уставшие, голодные, и руки не вымоешь – проклятые крысы чугунный рукомойник до крышки сгрызли, и мыло все пожрали. Понес я вечером Гошкару каши ведро, а он как-то свернулся калачиком, даже вроде в размерах уменьшился, мордой к захваченной будке притулился и не двигается. Окачивается, околел от переживаний. Одним покойником больше стало. В той яме, где Карагач раньше стоял, и схоронили. Еле дотащили. Тяжелее дохлого ишака. Пришлось его еще от носа до хвоста дустом обсыпать – полмешка пошло, – чтоб полосатые твари до него не добрались. Кусок уха на память ножницами отхватили.

Совсем, короче, мы после этого осиротели. Хоть на луну волком вой. Она за окном недобро рогами вниз висит, с подоконника совы ухают, а еще всю ночь слышно, как крысы балки дома догрызают, вот-вот крыша на голову рухнет. Как назло, и зима в тот раз холодная выдалась. Река как сахарной коркой покрылась, под ней и журчала, а тут и снег повалил. Пять дней подряд сыпал, как из дырявого носка. С ночи зарядил, так без отдыха и летел, пока все кругом не засыпал. Приходилось откапываться, чтоб из дома выйти. В окно прямо в сугроб выкатишься, до лопаты доберешься и давай махать. До обеда махаешь. После обеда махаешь.

На шестой день снег остановился. Выбрался я во двор и офигел: прямо за сараем на пригорке стоит Карагач. Потрепанный весь, конечно, но так – целый. От радости я чуть не чокнулся. Полез к нему, не разбирая дороги на всех четырех, два раза с пригорка вниз скатился, за шиворот снег набился, и в рот, и в уши, и в нос. Шапку потерял, кишки на морозе заоченели. Подполз к дереву на карачках, сел напротив, колени подобрал, трясусь от холода. А Карагач сучьями трещит, огрызается, навис надо мной, показывает, мол, не приближайся, корневищами разорву. Я глаза от страха закрыл, но сижу, не двигаюсь. Лицо от мороза так горит, что плакать хочется. Особенно уши. Уж не знаю, сколько я так сидел. Долго. Холод меня прихватил, в сон потянуло, сил нет. Так, наверное, и замерз бы к чертям, если бы у Карагача совесть не проснулась. Очнулся я уже у него внутри. Как в дупло попал, не знаю. Главное – пожалел сироту.

Тут мать меня хватилась. Бросилась бегать по двору, звать меня, а я ей с верушки Карагача машу.

В общем, вернулся он. Выбрал новое место, поближе к будке, на старое, где Гошкара схоронили, не пошел. Встал, корни глубоко пустил, мы его навозом прикормили, сразу листочки завязались. Но я его, на всякий случай, на цепь посадил. Мало ли что!..

Глава пятая

В гостях у Абабиля

Само собой, не в каждую дыру надо совать свой нос, и уж тем более не в каждое дупло стоит лезть без оглядки, особенно если не знаешь, как оттуда потом выбираться. Тут и к гадалке не ходи! Кто знает, что там внутри! С другой стороны, если все время чаи попивать и совсем никуда не соваться, – нос, конечно, останется целее, кто спорит, – однако и пользы никакой не жди. Проживешь ты со своим драгоценным носом жизнь длинную, но очень скучную. А тут...

– ...руки прижми и падай себе, не бойся... – тарачился из дупла мишоппа. – Полетишь себе, как Гагарин на «Жигулях». Звезды направо, галактики налево, метеоры всякие. Только успевай уворачиваться. И главное, братец, не сбивайся с заданной траектории! Все время держись курса, а то опозоримся. Короче, если боишься, иди домой. Нечего мне тут голову морочить! В первый раз такое вижу, его в гости зовут, уважение оказывают, а он кривляется. Все, мишоппа к полету готов. Мишоппа отправляется. Включаются тяги, начинаю обратный отсчет: ...одиннадцать...десять...девять...

– А если собьешь? С траектории... – с волнением воскликнул Искендер, придерживая вспотевшей ладонью свисающие над входом в темный провал зеленые стебли.

– ...восемь... еще никто не сбивался... семь... если что, будешь первым... шесть... рот держи закрытым, чтобы мух не наглотался, и лети себе... пять... как командую... четыре... удачного мне полета... три... два... поехали...!

– Абабиль...!

В ответ послышался легкий хлопок, словно из бутылки вылетела пробка, и голова Абабиля исчезла в дупле, из которого напоследок вырвалась струйка древесной пыли с запахом сырости и машинного масла. И сколько ни тянул шею Искендер, но так и не сумел ничего разглядеть сквозь сумрачную дымку внутри. Только было слышно, как со свистом летит вниз мишоппа и, кажется, еще при этом напевает. Летел он долго. По крайней мере, Искендер успел досчитать до 4, прежде чем тот, наконец, гулко шмякнулся где-то в глубине дерева. И это при том, что от дупла до земли было всего-то метра два. Ну, пусть два с половиной, не больше! За четыре секунды, между прочим, паук в вентиляционной шахте успевает долететь с пятого этажа на первый...

– Стыковка прошла успешно! – ухнул мишоппа из дупла. – Кидай рюкзак!

...Уже свесившись вовнутрь, Искендер все никак не решался разжать пальцы. Дерево таинственно поскрипывало над головой, щекотно лезли за шиворот стебли. Снизу тянуло прохладными древесными ароматами.

– Сто лет тебя ждать...?

Набрав в грудь воздуха, словно собирался нырнуть в воду, Искендер разжал пальцы, а затем через четыре секунды полета сквозь полусумрак, изрезанный полосками света, падавшими под разными углами сквозь какие-то щели, благополучно плюхнулся на стопку старых матрасов. Вход в дупло был едва виден. Он тускло светился где-то высоко над ним крошечным овальным окошком. Еще оглушенный полетом, Искендер потрянул кудрявой головой, пытаясь собраться с мыслями, свесил ноги с края матраса и немедленно угодил кроссовками в заросли какого-то фосфоресцирующего мха, над которым суетливо роились необыкновенно крупные и цветные мухи.

– Руки-ноги целы? – буркнул мишоппа, стоявший в нависающем аркой проходе, образованном переплетением толстых сучьев. – Башмаки только не забудь снять. Грязи нанесешь. А у меня тут чисто, как в аптеке. Оставишь около ведра, чтобы внутри не воняли.

Искендер с сомнением покосился на светящийся мох и палые листья под ногами, сквозь которые пробивались кудрявые побеги с мелкими фиолетовыми цветочками, но спорить не стал, а быстро скинул разношенные кроссовки и поставил их рядом с жестяным ведром, на котором крупной краской было выведено «Шкл. №211». Из ведра торчали голенища кирзовых сапог.

– Как говорится, добро пожаловать! Проходи, не стесняйся, – кивнул мишоппа и сам первым нырнул под арку.

Постепенно из золотистой дымки им навстречу проступили широкие своды, сотканые из причудливо перекрещенных древесных жил. А как иначе было назвать эти, похожие на вены, массивные темные ветви, гладкие, но при этом еще увитые темными листьями? На широких выступах прямо на стенках дерева гнездились пыльные кусты, а между ними повсюду были вбиты крючки или просто гвозди, на которых развешена всевозможная утварь: красная афтафа, пара калош, чугунные сковородки, кастрюли, садовые ножницы, таз, компьютерная клавиатура, лыжи, велосипедное колесо, даже безголовый манекен из магазина – без штанов, но зато в пиджаке с серебристым отливом. Рядом с манекеном справа красовался плакат певицы Хумар Гадымовой и два пластмассовых стула, затянутых желто-синей плесенью.

– Как...? – спросил, наконец, ошалело Искендер. – Как это все тут помещается? Дерево...

– Ш-ш-ш! – шикнул на него Абабиль. – Не двигайся...

Искендер испуганно замер. Мишоппа на цыпочках подобрался к каким-то перепутанным зарослям, осторожно раздвинул ветки и, перегнувшись через них, торжественно воскликнул:

– Ага! Вот я тебя и нашел! – в кустах кто-то завозился. Через мгновение из них косолапо выбралась странная сизая птица, видом напоминающая утку, но с красным бородавчатым наростом на клюве и вокруг глаз, как у индюшки. Птица с глухим шипением прошла мимо Искендера и забралась в соседние кусты у противоположной стены.

– Спрятать хотела! – довольный собой мишоппа продемонстрировал Искендеру крупное яйцо. – Куда ты денешься, дура носастая...! Эти индоуты думают, что они здесь самые умные. А самый умный здесь я!

Мишоппа ткнул себя пальцем в грудь и, опустив яйцо в карман штанов, важно двинулся дальше.

– Ты чай с чабрецом любишь?

– Да.

– Я тоже, – вздохнул Абабиль. – В горле пересохло, надо бы на диабет провериться.

Обогнули они двуспальный сундук с железными скобами и аккуратно свернутым в рулет матрасом. На стене над ним висел гобелен, изображавший трех медведей в лесу, а поверх приколочены две перекрещенные палки, обутые в вязаные носки и здоровенные калоши.

– Узнаешь...? – ухмыльнулся мишоппа. – Папины ходули. Все, что в наследство досталось... Нет, вру, еще кальсоны и инструменты разные. Но кальсоны я только в гости надеваю или на Новый год. Проходи, садись, брат, к столу. Буду чайник ставить.

Стол оказался широким отполированным наростом на стене дерева, похожим на шляпку громадного гриба. Сверху он был застелен куцей скатертью. Пока Искендер с опаской устраивался на деревянной скамье, Абабиль сдернул с бельевой веревки брюки, трусы, пару носков и, откинув занавеску в темном углу, небрежно бросил одежду туда.

– Я же не знал, что ты в гости напросишься. Так у меня чисто, хоть с пола ешь, но не прибрано. Не успеваю просто, – пояснил он. – А шапку можешь не снимать, не обижусь. Сквозняки здесь ужасные.

- Да я без шапки.
- Зря, сам не хожу и тебе не советую.

Где-то наверху вдруг принялись ворчливо квохтать. Искендер вскинул голову: среди разлапистых листьев, с которых скатывалась роса, углядел несколько нахохлившихся несущек, почти сливающихся пестрой окраской с окружающей растительностью.

– Сволочи, а не курицы! – Абабиль со злостью плюнул в несущек, но промахнулся. – Кормишь их, кормишь, и хоть бы грамм уважения. Привыкли на всем готовом. Только едят и гадят. Индоуты те хотя бы по стенам не лазят.

Присев на корточки, он с кряхтением вытянул из-под стола большой коричневый чемодан.

– Точно, как у моей бабушки, – весело сказал Искендер. – Она с таким к нам приезжала. Гостить.

– Конечно, а мишоппе подарки чемоданами не везут... Мишоппа сам должен крутиться. Потому что сирота. Из родителей одни сухие коряги на чердаке, – пробубнил Абабиль, отстегивая ремешки.

– Да какие там подарки, только носки мне дарила, и все одного цвета. А так с пустым чемоданом приезжала. Сто раз видел: там две ночные рубашки, тапочки, очки ее, лекарства и голубая колючка от сглаза. Все!

– Чего ж тогда она с чемоданом таскалась?

– В том-то и дело, – хитро улыбнулся Искендер, – когда уезжала, чемодан уже не поднять было! Тащила все, что под руку попадалось. После нее ни стаканов, ни ложек дома не оставалось. Один раз учебники мои утащила, представляешь?

Выложив на стол хрустальную сахарницу и розетки, мишоппа серьезно посмотрел на Искендера:

– Я тебе скажу, братец, значит хозяйственная женщина. Раз плохо лежит, значит не очень надо. А ей наоборот. Я так считаю. Есть женщины, которые все в дом тащат, правильные. А есть такие, что от них одно разорение. Мне вот таких не надо. Сколько лет-то ей?

– С ума сошел, она умерла уже!

– Видишь? Когда до меня очередь доходит, они либо все померли уже или замужем за каким-нибудь взяточником! – он подошел к углу, куда до этого швырнул сохнувшее белье с веревки, и откинул оранжевую занавеску. За ней оказался полутемный чулан с баком, установленным наверху, от которого к мойке тянулась пластиковая труба, и газовая плита, соединенная шлангом с синим баллоном. Чиркнув зажигалкой, мишоппа зажег конфорку, поставил чайник.

– Сам видишь, как живу. Это у нас ты на всем готовом, кроссовки на тебе вон, хоть и не новые, но еще крепкие. Мне же никто за просто так ничего не даст. Нет, я не жалуюсь, брат: все-таки отдельное дерево, без соседей, два с половиной этажа. Свой двор, хоть корову держи, живность кое-какая имеется, сухой амбар есть, удобства всякие. К тому же, где хочешь, паркуй. У других-то и этого нету. Правда, работы много. Карагач старый: там подлатай, тут поднови, удобрением подлечи, гусениц потрави...

Мишоппа пододвинул табуретку к столу и уселся, с видимым удовольствием вытянув ноги.

– Эх, братец, заставил ты меня сегодня побегать зазря. Сто лет так не бегал. Колени до сих пор ноют. Последний раз... дай вспомнить... ну, да – в Говсане! – он вдруг замолчал на секунду, поскреб задумчиво подбородок... – А если кто скажет, будто мы белье мокрое тащим, – не верь! Врут! Все это от зависти. Зачем нам чужое белье? Сам подумай, у меня, что, своего нету? Вон, целый сундук, на любой вкус! Хоть сейчас жениться могу, была бы невеста не сволочь! Да и белье-то было... я тебя умоляю, – кому покажешь, засмеют! Но жадность в людях, – поднял он палец с по-

ломанным ногтем вверх, – понимаешь, такая, что четыре километра до самого Зыха за мной бежали...! Еле ноги унес! Бежит и орет на всю улицу, как будто я у него последнюю папаху украл! Совсем стыд потеряли, скажу тебе. Я с тех пор в той зоне принципиально не паркуюсь. Ну, их, тамошних, если из-за пары штанов, четырех описанных простынь и всякой ненужной мелочи такой тарарам устраивают. Возьми, к примеру, меня, чего это я сегодня из дерева вышел? Потому что вчера четки по глупости обронил. Видно, когда с гусеницами разбирался. А четки ценные очень, тигринный глаз. Это тебе не штаны. Мовсюм без них ни спать, ни есть не может. Целый день ворчит, но не убивается! Потому что у него в голове не хинкал с чесноком, а кое-какие мозги есть. Точно знает: что бы не потерялось, обязательно к тебе вернется, рано или поздно. По кругу пойдет, но вернется. Кроме совести, конечно.

Улыбнувшись, Искендер запустил руку в карман джинсов и выложил на стол крошечные четки:

– Эти, что ли?

– Вот тебе раз! – вскочил с места Абабиль, опрокинув табурет. – Ты смотри! И дня ведь не прошло! Вернулось! Я все обыскал, и к гаражам ходил, и по дороге... Где нашел?

– Около лужи, где раньше Карагач стоял...

– Мовсюм обрадуется! – Мишоппа стянул с головы шапочку и швырнул ее под ноги. – Он, бедолага, второй день не спит...

– А кто это Мовсюм?

– Дядя, отца младший брат... Старый, со мной живет. Надо бы тебе с ним поздороваться обязательно, уважение проявить, только с такими волосами нельзя. Лохматых, понимаешь, на дух не переносит. Сразу сердцебиение начинается, глаза на лоб лезут, свирепеет, даже покусать может. Трихофобия, короче. Это болезнь такая. У Мовсюма и справка есть от доктора, дай ей бог здоровья – Рена-ханым зимой его смотрела, говорит, тяжелая форма. Прописала теплые клизмы с подорожником. А вообще у Мовсюма этих болезней целая тетрадь. Перечислять начну, пальцев не хватит. И все редкие, как назло...

– Он, что, сейчас здесь?

– Где же ему быть? Я вот думаю, а что если шапку на тебя натянуть, как думаешь? – наклонив голову, Абабиль стал скептически разглядывать Искендера, который смущенно пытался пригладить торчащие во все стороны кудри. – Смочить хорошенько и надеть...? Не-а, не сработает. У Мовсюма хоть и доминантный кератин со справкой, но нюх-то собачий. Сразу спалимся. Слушай, – воскликнул он вдруг радостно, щелкнув пальцами. – Ты ведь стричься шел? Так...?

– Ну? – осторожно ответил Искендер.

– Чего «ну»? Шел или нет?

– Шел.

– А я о чем? Так давай я тебя и постригу! Как это я сразу не сообразил! Все потому, что заболтал ты меня совсем! Сейчас, сейчас все поправим...

Не слушая возражений Искендера, мишоппа метнулся к сундуку, решительно сбросил на пол матрас с подушками и, энергично отмахиваясь от взлетевшей стаи цветных мотыльков, откинул массивную крышку.

– Кыш! Кыш! – копаясь в бездонном брюхе сундука, мишоппа то и дело выживал из него всякое барахло и, не глядя, бросал за спину. В быстро растущую кучу с грохотом полетели телевизионная антенна, сапог, высохшие пчелиные соты, автомобильная фара, кинопроектор, набор кубиков, сломанный костыль, чья-то вставная челюсть. Ворчливо квохтавшие несучки притихли, а из густых кустов, вытянув шеи, за Абабилем с любопытством следили два жирных индоута.

– Да где... здесь же было... Зараза! – притоптывал от нетерпения ногой мишоппа.

– Я лучше в парикмахерскую...

– Да подожди ты с парикмахерской! Кто лучше, чем я, пострижет...? – возмутился Абабиль и вытащил закопченный казан. Вытряхнув из него масленку, замызганную книжку без обложки и охотничий капкан, он швырнул все к остальным вещам. Перегнувшись через край сундука, он наполовину свесился в него, так что ноги его повисли в воздухе, и тут, наконец, заорал: – Вот же...! Думал, украли совсем! Фуф! Смотри... – стал он было махать Искендеру каким-то свертком, но не удержался и шумно провалился в сундук. От толчка крышка захлопнулась, но мишоппа, ничуть не смущаясь, продолжал радостно орать изнутри: – Теперь не переживай, брат! Приведем твою голову в порядок. Мишоппа знает, что говорит. Будешь у нас красавец. А то я тебе скажу, у меня хоть трихофобии нет, как у дяди, но смотреть на твою голову без боли не могу...!

В свертке оказалась коробка из-под обуви, а в коробке большие портняжные ножницы, початая бутылка огуречного лосьона, алюминиевые расчески и машинка для стрижки «Агидель». Мишоппа опять сбежал к сундуку и вернулся, держа перед собой двумя руками, как тореадор, просто гигантского размера линияльные трусы.

– Садись, давай, поудобнее, братец! – щелкнул ножницами Абабиль. – Мишоппа работать будет.

Искендер беспокойно заерзал на стуле, помотал головой:

– Нет. Я в парикмахерскую...

Мишоппа нахмурился:

– Ты что, не доверяешь мне?

Глядя на него исподлобья, Искендер пожал плечами:

– А ты разве стричь умеешь?

– Вот тебе на...! – топнул ногой разозленный мишоппа и, заложив руки за спину, принялся барражировать взад-вперед между кухонькой и столом, время от времени хлопая себя по щекам. – ...я думаю, чего он не радуется, чего не кричит «спасибо тебе, брат, мишоппа, спасибо, что такое уважение оказал»!

– А чего я должен радоваться? – буркнул Искендер.

– Чего...? На, смотри...! – схватив со стола портняжные ножницы, он протянул их Искендеру. – Смотри! Хорошенько...!

Искендер без интереса повертел в руках массивные ножницы. На одной стороне было процарапано: Телош А., ателье №4.

– Знаешь, чьи это?

– Телоша какого-то.

– Какого-то... – передразнил его мишоппа. – Деда моего! Этими самыми ножницами Телош...

Он вдруг замолчал, оглянулся через плечо и стал подозрительно глядеть в глубь дерева, где над разлапистыми кустами в золотистой дымке порхали призрачные мотыльки.

– Чтоб никому потом, понял? – прошептал мишоппа. – Дело серьезное...

Рассказ Мишоппы (№2)

Уж извините, но вот вам еще один из рассказов Абабиля. Опустить его никак нельзя, а то непонятно будет, что там за прикол с рогами, я уже и так, и этак старался. Придется потерпеть.

...Дед мой Телош на всю Похлу-дере был самый модный парикмахер. Говорили, будто он так с помазком в руке и родился. Врут, наверное, но поди знай. Во всяком

случае, стриг и брил всех подряд так, что пальчики облизешь. За девять секунд самого волосатого дервиша человеком мог сделать: вжик, вжик, и башка уже гладкая, как груша, хоть женись, хоть стихи сочиняй, – мать родная не узнает. Талант был великий, говорю тебе! Вот эти самые ножницы для него слепой молоканин из Астрахани изготовил. Полгода делал. Они ведь закаленные, дамасской стали, поэтому легкие такие. И пока все остальные по тогдашней моде с кинжалами ходили, Телош с ножницами за поясом щеголял и ночью под подушку их прятал. Говорил: «Если жену украдут – тьфу, женюсь по новой и буду жить себе дальше, а ножницы пропадут – конец, закрывай лавку. Ведь молоканин-то этот сдуру в бане угорел!»

...Как-то вечером наворачнул Телош две тарелки чечевичного супа, кутабов с зеленью, овечьего сыра, огурцов, молока с хлебом и в самом хорошем настроении вышел во двор кишки себе перед чаем проветрить. Наполнил до краев афтафу, натянул на ноги калоши, но только два шага сделал, как ему кто-то из-за угла прямо в лоб прикладом засандалил. Бедный дедушка так с калош долой, лицом в навоз и повалился. Очнулся не скоро, в мешке. Потом уже сообразил, мешок к седлу прикручен, а в седле абрек в темной чухе и под белой папахой хлыстом помахивает. Долго ехали, лошадь то по грязи, то по болотам чавкала. И хоть Телош места наизусть знал, да и голова у него, как у всей нашей породы, твердая была, одним ударом не проймешь, и то не сразу догадался, что идут к горам за речкой. Видимо, кругами шли, следы заметали. Короче, сидел он всю дорогу тихо, только дырочку в мешковине проделал, чтоб видно было. С бандитами, брат, не поспоришь. У Телоша из оружия одни ножницы и лезвие в кармане, а у абрека за спиной карабин, за поясом пистолет, и кинжал в лунном свете посверкивает. Пикнуть не успеешь, жизни лишат. Доехали они, наконец, абрек мешок с Телошем на землю сбросил, веревку разрезал. Выбрался дед наружу, озирается по сторонам, видит, что находится в пещере. Костер горит. На нем бандитский котелок закипает, а у костра на камне сидит главный бандит: остальные двое в чухе, в папахах, а этот рыжебородый во френче. И конопатый. Все лицо в рыжих оспинах. И главное, глаза желтые, как у мазандаранского тигра. Сразу понятно, что он главный бандит и есть!

«Добрый вечер, – говорит главный, – это ты модный брадобрей по кличке «Ножницы Телош?» Дед как мог приосанился, а у самого в животе бурчит, чечевичный суп с огурцами наружу просятся.

«Так и есть, – отвечает, – мишоппа Телош по прозвищу «Ножницы». Самый быстрый парикмахер отсюда до самого Аракса».

Рыжий главарь усмехнулся криво, трубку изо рта вынул и спрашивает:

«А сможешь ли ты, мишоппа Телош, абрека, которого вся полиция разыскивает, постричь как следует? Сам видишь, зарос совсем».

«Да хоть самого черта постригу, если надо!»

А рыжий говорит:

«Но только смотри, Телош, что здесь увидишь, в могилу с собой заберешь. Если сболтнешь – накажу жестоко. Все породу вашу до Аракса на корню высушу», – сказал спокойно, но в тигриных глазах искры ярче углей сверкнули.

Что тут подделаешь? Стал Телош его стричь, осторожно, прядь за прядью, не дай бог промахнуться. У бандита целая копна волос нечесаная, волос жесткий, вроде как кабанья щетина, давно, видимо, по горам прячется. Стрижет Телош, а чечевица бушует, вот-вот полезет из него. Двое других абреков бурки на голой земле расстелили, на своем языке немного поговорили и спать легли. И тут вдруг нащупал Телош на голове у бандита что-то странное. Как две шишечки на макушке. Раздвинул рыжие волосы и чуть не ахнул: рога! Так и есть! Не зря рыжий предупреждал, язык за зубами держать!

«Ну, что, мишоппа Телош, понял теперь, кто я есть?» – спрашивает бандит и трубкой попыхивает.

«Понял, – отвечает дед, а сам уже, между нами говоря, еле держится, чтобы штаны не наложить. – Ночной призрак ты, Гульбяны, по-нашему».

«Молодец, узнал! Имен у меня много, не меньше, чем у тебя. А я, признаться, вашего брата мишоппу не очень жалую. Очень уж вороватые вы, и чуть что – в деревья свои прячетесь, как жуки какие-нибудь. Не то, что мы... Но ты, Телош, не бойся, стриги себе аккуратнее, а что под волосами прячу – не твое собачье дело».

Кое-как достриг его Телош. И как живот ни крутило – терпел. Еще и выбрил чисто, только тигриные усы оставил. Бандит на себя в зеркальце полюбовался, понравилось ему, дал Телошу 50 копеек и говорит: «Хорошая работа, мишоппа, и рогов совсем незаметно. А то в волосах уже кое-какая живность завелась. Не простое это дело по горам от правительства бегать. Теперь иди домой быстро, не оглядываясь, пока абреки мои не проснулись. Дикие они, понимаешь, совсем, и глупые, голова сыром набита, чуть что – за кинжалы хватаются. Слышал я их разговор: ножницы им твои приглянулись, так что лучше тебе с ними не прощаться. Иди и помни хорошенько о нашем уговоре. Уши и на деревьях растут, и в пуховых подушках прячутся».

Телош ножницы за пояс заткнул, бритву травой обтер и рванул домой, как было сказано, назад не оглядываясь. Хорошо, луна взошла, дед дорогу глазами нащупал. Бежит, что есть сил, ноги-то у него еще короче, чем у отца моего были. Говорю же: хуже нет ничего, чем на коротких ногах по холмам всяким и кочкам носиться. Но он короткий путь знал, срезал прилично, к полуночи реку у излучины перешел, моста там тогда еще не было, и вышел к дому сумасшедшего Тохмазова, который всю семью свою порезал. За это его, как положено, в Сибирь сослали, а дом с тех пор так и стоял заброшенный. Тут уж держаться у Телоша сил не осталось, живот так прихватило, что дальше ни шагу. Присел он в лопухах, и все, что внутри болело, наружу выпустил, да так что, как сам рассказывал, чуть кишки не вылезли. Полегчало Телошу немного, сидит, в себя приходит, заброшенный дом на него пустыми окнами глядит, сквозь дырявую крышу луна одним глазом светит, совы с балки на балку перелетают, а деду все рыжий бандит мерещится. Но дед Телош битый был. Встал, штаны поднял, голову в дверной проем просунул и как гаркнет на всю тохмазовскую руину:

У беса рыжего с усами
Торчат рога под волосами!
Чем на штаны лепить заплаты,
Уж лучше б оспины он прятал!

Совы в доме примолкли, мыши попрятались, а дед, довольный, домой пошел. Еще и проголодаться успел. Думал, на этом все, конец: от страха избавился, от чечевичного супа тоже. Только кто же мог знать, что этот гульбяны через много лет станет самым главным от Аракса до Сибири! Не зря ведь говорят, что из всей их мерзкой породы рыжие самые опасные. Телош как в первый раз фото товарища Сталина в газете увидел, сразу догадался, кого брил и стриг той ночью!

А тут, как назло, Тохмазов из Сибири вернулся. И напрямиком в свой дом, идти-то ему было больше некуда. Кто его после такого к себе пустит? Как зашел, огляделся по сторонам и сказал громко в сердцах:

«Тьфу, зараза! От дома-то ничего не осталось, как же тут жить можно?»
А руины сразу ему эхом отвечают:

«У беса рыжего с усами
Торчат рога под волосами!
Чем на штаны лепить заплаты,
Уж лучше б оспины он прятал!»

Тохмазов редкий дурак был. Ему бы промолчать, дом потихоньку по камню разобрать и заново как-нибудь выстроить, а он ошалел от страха, бросился к председателю, так, мол, и так, оставленный без присмотра дом говорит антигосударственные вещи. Что ни скажешь громко – отвечает оскорбительным эхом. Сразу ему, конечно, не поверили, он же чокнутый, мало ли какие фантазии у него быть могут. Побили хорошенько, последние три зуба выбили, нос набок свернули, но на всякий случай участкового к дому снарядили. И тут завертелось...! По всему району тревога. Хватать начали всех подряд направо и налево. Председателя за компанию тоже арестовали. И Тохмазова, как провокатора и резидента персидской разведки, обратно в Сибирь отправили. Оттуда он, дурень, уже не вернулся. Сгинул. Никто вообще не вернулся, один председатель сбежал, да и тот, как известно, в воюющем болоте потонул. А дом снесли под корень. Срыли совсем вместе с пригорком, на котором стоял. И правильно сделали, я считаю. Это эхо в нем, видать, такое же чокнутое было, как и сам Тохмазов.

Пока народ сажали, бедный Телош ужасного страха натерпелся – с афтафой неделями не расставался. Кишки от ужаса крутит и крутит. Из туалета до дома доковыляет, только перекусит и обратно бежит, на ходу штаны расстегивает. Совсем обессилел. А все потому, что у дурацкого стишка еще и продолжение было такое:

*«На человека он похож,
Но знает все о нем Телош!»*

Но повезло ему: то ли эхо конец стиха не запомнило, то ли Телош его как-то невнятно произнес, короче говоря, – пронесло.

Так что обрати внимание, братец, я тебя не простыми ножницами стричь собрался, а историческими, которые мне от Телоша по наследству перешли! Да такая стрижка в два раза дороже стоить должна! Вот сколько у тебя...

Глава пятая **В гостях у Абабиля** **(Продолжение)**

– ...денег?

– Ну, десять манатов.

Мишоппа задумался на секунду, потом махнул рукой:

– Ладно, тебе по дружбе за семь сделаю. Полный сервис: модная стрижка плюс фирменный одеколон.

– В парикмахерской и за пять постригут. Они меня там все знают.

– Прикалываешься? За пять никто и с места не сдвинется! А ножницы деда, которыми он Сталина стриг? А одеколон? Думай, что говоришь! – схватив со стола бутылочку, мишоппа встряхнул ее и поднял к свету: зеленая жидкость вяло запенилась.

– Видишь, как играет? Натуральный сто процентов... Ладно, но меньше уже не спущу – шесть манатов. За пять я лучше сам этот одеколон использовать буду.

– Четыре, – твердо сказал Искендер. – Только чтобы аккуратно.

Абабиль задумался было, но потом вдруг повеселел и, одним движением стянув с плеча трусы, развернул их парусом, переполошив дремавших на ветках несущек:

– Ладно, твоя взяла! Просто не могу отказать хорошему человеку. Четыре, так четыре, – хоть это и чистый бандитизм! Ну-ка, накинь на себя...

Искендера аж всего передернуло:

– Зачем это?

– Как зачем, чтобы волосы на одежду не сыпались. Простыни, извиняюсь, лишней нет. Да ты не беспокойся, трусы чистые, стиранные. Я их года три назад в Масазыре стащил, с тех пор они у меня в сундуке и лежат. Мне-то они не по размеру, сам понимаешь. Да не волнуйся ты...!

Накинув гигантские трусы Искендеру на плечи, мишоппа ловко заправил их края ему за воротник и стал ходить вокруг, хищно щелкая ножницами.

– Работы тут, брат, много! Запустил ты волосы...Если честно, у тебя волос манатов на семь с половиной минимум. Был бы чужой – я и за восемь не взялся бы!

Наконец, примерившись, Абабиль решительно принялся обрезать буйные кудри Искендера.

– Может, тогда...

– Не вертись. Мешаешь работать. А то ухо или нос отхвачу. Сказано же было, инструмент дамасской стали, – скомандовал мишоппа, щелкая ножницами то справа, то слева, то где-то в районе макушки. – Закрой глаза, челку будем поправлять. По-дожди, намочить надо...

Мишоппа рванул на кухню и вернулся оттуда с красной афтафой, из которой принялся поливать голову Искендера.

– Так-то лучше, а то на сухую криво выходит.

Искендер беспокойно заерзал на стуле:

– Где криво...?

– Все под контролем, ты главное ровно сиди...! Слушай, сто лет знакомы, в гости ко мне ходишь, а так и не рассказал, что с мамой-то твоей случилось?

Искендер невольно дернулся под выцветшими трусами и, вытянув шею, обернулся через плечо на Абабилю.

– Я про маму ничего и не говорил!

– Да не вертись же ты! – раздраженно воскликнул мишоппа. – Как это не говорил...? Говорил!

– Не говорил, – упрямо повторил Искендер.

– Интересный ты человек, а откуда же я тогда про нее знаю...?

– Сто процентов не говорил!

Мишоппа перестал чикать ножницами:

– Ладно, не говорил. Сильно болеет?

– Тогда откуда знаешь? – от злости Искендера прямо бросило в жар. Вскочив с табурета, он швырнул облепленные волосами трусы под ноги.

– Что ты из себя вышел? Ну, болеет и болеет, многие сейчас болеют...

– Говори, откуда знаешь!

Опасливо поглядывая на Искендера из-под кустистых бровей, мишоппа скорчил обиженную гримасу:

– Потом, брат, не жалуйся, что неровно вышло...с тобой невозможно работать, чтоб я умер!

– Абабиль...! Если сейчас не скажешь...

– Можно подумать, тебе от этого легче станет, – вздохнул мишоппа, переминаясь с ноги на ногу.

– Ну?

– Карагач, – прошептал он.

– Что? – непонимающе развел руками Искендер.

– Карагач, говорю.

– Что за фигня? За дурака меня держишь? Что ты выдумываешь? Только не ври, что твое дерево еще и разговаривает!

Мишоппа обиженно покачал головой:

– Не веришь, не надо! Ясное дело, у Карагача рта нет, чтобы разговаривать. Но что надо, сообщить может, просто слушать надо уметь. Понял?

Отвернувшись от Искендера, мишоппа молча опустил на корточки. Высоко в солнечной дымке под сводами дерева хлопали крыльями цветные мотыльки, мягко шелестели листья, и кто-то возился в высокой траве, устилающей пол, и само старое дерево поскрипывало таинственно, размеренно, многозначительно. Молчали они долго. Наверное, с минуту. Первым заговорил Абабиль. Но не как обычно скороговоркой, а тихо, даже будто не своим голосом:

– Все равно ведь не поймешь. Я, если честно, брат, и сам не очень понимаю. Ты не думай, это я ведь только так говорю, что я хозяин Карагача. Какой я хозяин, спрашивается? Я его только обслуживаю, как могу, а он меня за это от беды хранит. Карагач без меня не пропадет. А куда я без него денусь? Как Вахаб – на стройку охранником? Или официантом в кафе «Кендимиз»? И Мовсюму без Карагача жить негде.

Здрав голову, мишоппа посмотрел вверх, откуда сочился золотистый свет.

– Он все знает, потому что ему с высоты виднее. И зачем ему рот, если он через сны мне все сообщает? Когда хочет, конечно... А когда не хочет или если мне что-то знать не положено, – не сообщает. Тогда снится мне одно и то же: как с Гошкарком на болота едем родителя искать. И все! Иногда месяц за месяцем только это и вижу. Наизусть уже знаю. Скучно до поноса, а что поделаешь? Иногда думаешь, ну хоть бы новости какие-нибудь показал. Или концерт, скажем. Сколько же можно на этой чертовой собаке к болоту переться. Нет! Глаза закроешь, засыпать начнешь: сразу эти кочки, кочки и башка собачья впереди. А как отцовы ходули с пионерским галстукком из болотной ряски покажутся, так сон и заканчивается. Заклинило его, что ли? Раньше думал, может, смысл какой тайный в этом есть, может, я чего-то не понимаю... А потом плюнул и думать перестал. Спасибо, хоть на праздники иногда клипы старые крутит. Правда, все больше на Нияметдина напирает. Особенно это его: «...мир принадлежит тебе, мир принадлежит мне...». Я лично больше на Хумар Гадымову западаю. Красивая тетка... Вот в прошлую пятницу он опять Гошкара показывать начал, а потом вдруг на половине оборвал, и приснилось мне, как твоя мама с ведьмой базарит. И ты там был. Теперь понятно тебе, что да как? А то стал бы я с тобой вообще разговаривать. – Мишоппа вздохнул, покачал головой, добавил тихо:

– Изведет эта гадина твою маму, скажу я тебе. До смерти.

От этих слов внутри Искендера сделалось пусто и холодно, к горлу подкатил горький ком, такой, что ни проглотить его, ни выплюнуть. Ни сказать что-нибудь. А мишоппа, поднявшись с корточек, отряхнулся и, искоса глянув на него, спросил как бы невзначай:

– Стричься дальше будем?

Искендер ничего не ответил. И что было говорить? Хотелось ему поскорее выбраться наружу из этого дупла и бежать домой. Как можно вообще верить этому мишоппе? Он же врет как дышит...!

Только никуда Искендер не побежал. Потому что на самом деле чувствовал: все, что сказал ему Абабиль, – правда. Молча подобрал он чьи-то вылинявшие трусы, молча накинул себе на грудь и также молча уселся на табурет.

На плите, наконец, протяжно засвистел чайник.

– Сейчас, брат, будешь жених! Мало уже осталось... Ты не думай, Карагач обязательно что-нибудь подскажет. Не зря ведь он мне все показал. Значит, план у него какой-то для тебя имеется. Понимаешь? Не верти головой и не дрыгайся!

– Щекотно!

– Если бы способа не было, он и показывать ничего не стал бы. Точно тебе говорю. Смотри, вон...

Мишоппа ткнул заскорузлым пальцем в сторону замшелого нароста на стене, из которого прямо на глазах Искендера стали прорастать два зеленых усика, тонких, почти прозрачных. Сплетаясь и расплетаясь между собой, как косы, они тянутся вверх и, постепенно наливаясь соками, превращаются в стебли, от них начинают отпочко-

вываться новые побеги и точно также тянутся вверх, на них завязываются лепестки, они медленно раскрываются в благодатных лучах золотистого света, распрямляясь, будто мятая бумага.

– Видал...?

– Что это?

– Привет тебе посылает. Чтобы ты ничего не боялся, – довольно вещал Абабиль, пока зеленые стебельки превращались в пышный куст. – Терпения набраться надо, брат. Между нами говоря, повезло тебе очень, что к весне дело...

– Почему?

– Весной жизнь и смерть ходят рядом. Как брат и сестра. Под руку. Иногда их друг от друга не отличишь. Глаза-то у обоих голодные, и оба на тебя внимательно так смотрят...

Мишоппа отошел на шаг назад, окинул голову Искендера критическим взглядом, после чего кивнул, довольный своей работой.

– Ну, вроде и все! Принимай прическу.

– А зеркало...?

– Хорошо, что напомнил! – Абабиль бросил ножницы на стол и, шлепая босыми ногами, бросился к стене, где висел кусок зеркала в рамке. – Любишь! Теперь сразу видно: солидный человек, а не волосатый дервиш с Артема! Честно скажу, замучился я с твоими кудрями... Зато отлично вышло, – суетился вокруг мишоппа, нахваливая свою работу. – Фасон получился удачный! Только рубашку переодеть, и на бульвар.

– Какой бульвар? – с отчаянием воскликнул Искендер. – Ты что натворил? Все криво, косо... Торчит... Что ты наделал вообще?!

– Да где криво? Где косо? Что ты выдумываешь? У любого спроси...! Хочешь, на спор выйдем сейчас к маркету, каждый тебе скажет, что прическа класс! И потом, лучше все равно сделать было нельзя. У тебя же волос было, как у меринуса. И две макушки сразу. Кто сейчас с двумя макушками ходит...? Подожди, только тут вот подправить надо... – схватив ножницы, мишоппа на ходу срезал торчащий над ухом локон.

– Как я с такой головой в школу пойду? – Искендер чуть не плакал. – Так и знал, что ты ни черта стричь не умеешь!

– Я виноват, что у тебя волосы неправильные? Работать было невозможно! Я негров стриг, и то никто из них не жаловался! А у них на голове ужас, что творится!

– Каких еще негров? Испоганил все! Что я дома скажу...?

Утерев раскрасневшееся лицо шапочкой, мишоппа усмехнулся:

– Скажешь, парикмахер очки потерял. Ладно, не выходи из себя, нормальная прическа. Это тебе с непривычки так кажется. Дома искупаешься, причешешься, утром будет, как надо. Еще спасибо скажешь. А негров я не стриг, врать не буду. Просто не попадались под руку. Зато в Шамкире сторожу усы срезал, пока он, собака, в огороде пьяный спал. Такой был гад! Расскажу потом как-нибудь. Надо было ему и ухо отхватить! Усы, знаешь, какие были? Проволока настоящая! Я из них себе щетку соорудил. Пол ею скребу. Как вообще с такими усами жить можно – не пойму. Заболтал ты меня совсем, пора дядю чаем поить, пока он в кому не впал! Глаза закрой, одеколоном побрызгаю... Входит в стоимость, как договаривались.

Откупорив флакон, Абабиль принялся щедро поливать Искендера огуречным одеколоном. И тотчас на запах откуда-то слетелись крупные мошки.

– Как с грядки! Чувствуешь? И даже навозом пахивает.

– А навозом зачем? – буркнул Искендер, жмуря глаза.

– А чем грядка пахнуть должна? Огурцом и удобрением, – объяснил Абабиль, отгоняя мошек от безнадежно обчекрыженной головы Искендера. – Жалко, ты на прошлой неделе не пришел. У меня еще полбанки баклажанового оставалось...

– Кто из баклажанов одеколон делает?

– Баклажановый – лучший из овощных, – авторитетно сказал Абабиль. – Запах от него такой, что слюной подавиться можно! Только дорогой, зараза. Кроме баклажана в него еще чеснок идет, портулак, кинза, специи всякие, масло вкусное... – Мишоппа сглотнул слюну. – Все. Готово. Я свое дело сделал, давай рассчитаемся.

– Да за такую стрижку ты мне должен платить!

– И не стыдно тебе, – нахмурился Абабиль. – Так ты слово держишь? Карагач, между прочим, все фиксирует...

Искендер молча достал из кармана десять манатов, которые мишоппа сразу же выхватил у него из рук и, подняв к свету, стал придирчиво осматривать с обеих сторон.

– Сдачи у меня сегодня нет, – сказал он, разглаживая купюру. – Только крупные остались, красненькие. Потом сочтемся.

– Потом это когда?

Не ответив, Абабиль скрылся за кухонной занавеской.

– Когда потом? – крикнул ему вслед Искендер.

– Ну, потом, потом... Что ты прицепился? – проворчал мишоппа. – Не в последний же раз видимся! На, вот... – бросил он из кухни метлу. – Лучше убери пока волосы, весь пол в них. А я наверх, за дядей, ему чай пить пора, пока глаза от давления не вылезли...

Под дробными шагами мишоппы где-то над головой заскрипели плотно переплетенные кряжистые ветви, посыпалась древесная труха.

Вернулся он примерно минут через десять с плетеной корзиной, которую бережно нес на вытянутых руках. Весело подмигнув Искендеру, мишоппа поставил ее на стол между стаканами. Внутри корзины, завернувшись с головой в клетчатый плед, кто-то спал.

– Подъем, дядя, чай пить пора! – вдруг гаркнул на все дерево Абабиль.

Спавший под пледом закашлялся, нехотя завозился, тихо рыгнул и уж затем высунул наружу совершенно мышиную физиономию. Искендер чуть не ахнул от удивления: единственным ее отличием от обычной мышины морды была бронзовая плешина на макушке и тщательно подстриженные усики с проседью. Широко зевнув, дядя мишоппы откинул плед и сел, близоруко таращась из-под кустистых, как у племянника, бровей. Одет он был в просторную пижаму, из которой торчали его когтистые лапы, на одной из них был вязаный носок.

– Искендер пришел! Четки, дядя! – опять заорал мишоппа, а после шепнул Искендеру:

– Дай ему четки, чтобы он к тебе проникся.

– Здравствуйте.

– Да ты громче говори, не видишь, у него хронический отит. После мышинного гриппа осталось. Осложнение. Не слышит ни черта. От этого он еще и *обмышел* весь совсем на старости лет. А раньше знаешь, какой был, на консервном заводе начальником ОТК работал. Огонь был дядька!

– Мои...! – взвизгнул похожий на мышь дядя Абабиля, как только Искендер протянул ему на ладони четки, и, вскочив с места, вцепился в них обеими лапами. – Кошачий глаз! Я же поручил тебе, болвану, лучше искать! Как же вышло, что он нашел, а ты нет?

– Дядя, сами же говорили, пропавшее по кругу ходит и...

– Дохлый осел тебя дядя! Чтоб ты без дяди остался, идиот проклятый! Навязался на мою голову! – злобно оскалилась мышь, сверкая золотым зубом. – Бестолочь, кого это опять домой притащил? Тащишь с улицы, кого попало, не видишь, что у него с волосами? Стригущий лишай! Как корова нагадила, смотреть же противно...! Где мои очки, я тебя спрашиваю? Извести меня хочешь? И не надейся! Скажи ему, чтобы руками ничего не трогал, нам здесь только еще лишая не хватало...

Глава шестая

Сон

Говорят, плохие сны появляются на черной кобыле. Несется она во всю прыть, громко цокая подковами по ночным перекресткам, глаза выпученные, ошалелые, красные от бешенства, грива черная, как косы у какой-нибудь красавицы, грызет удила желтыми зубами. Короче, страшная кобыла, и лучше ей на пути не попадаться!

А вот как приходят сны веселые, никто, пожалуй, толком и не знает. Даже участковый полицейский Гюльхош Мамедович, который все ночи напролет одиноко просиживает штаны с остывшим стаканчиком чая на застекленном балконе 5-го этажа дома номер 22Б. А уж ему-то знать положено. И по должности, и из-за этих странных ночных посиделок. Когда все вокруг давно уже видят десятый сон, включая таксистов, солдат и сторожей, он один, наверное, в целом городе стоит или, точнее, сидит, на своем посту. Зевает и сонно копается в мобильном телефоне.

Все дело в том, что несчастный Гюльхош Мамедович вдруг ни с того, ни сего взял и разучился спать. То есть совсем. Потерял такую важную и, главное, приятную способность. Ведь когда-нибудь спят все. Растения, птицы, самые ядовитые гады, пауки, гадалки. Некоторые ночью, некоторые – днем, как вампиры и летучие мыши, но обязательно прикорнут хоть на часок. Только не участковый Гюльхош Мамедович. Раньше, конечно, он был, как все. Спал, когда положено и сколько нужно. Иногда даже больше. А когда спал, еще и храпел, и довольно громко, потому что мужчина он был очень видный, можно сказать – красивый, то есть крупный, в полтора моих объёма. Кстати, любил он раньше не только спать, но и поесть вкусно. С удовольствием ел мясо, любых птиц, всякую рыбу, рис, картофель, ел колбасу и сыр, тем более, что жена его, Гюльбадам-ханым, готовила со вкусом. И все у них было хорошо. И у них, и у их трех сыновей, которые ходили в одну школу с Искендером (слава богу, в разные классы). А вот с Нового года все пошло наперекосяк.

Началось с того, что рано утром в последний день уходящего года, собравшись на работу, обнаружил Гюльхош Мамедович отвратительную царапину на двери своего новенького внедорожника, еще приятно пахнущего автомобильным салоном и новой кожей. Царапина была глубокая и ужасно заметная на темной полировке. Его как по башке ударили! Ну, еще бы! Обидно до слез! Кому такое, скажите, понравится? Так он рассердился, что немедленно вспотел, будто на дворе стоял не декабрь, а июльское пекло. Потоптавшись вокруг машины, стал он бешено орать на дворовых мальчишек, которые, несмотря на раннее утро, уже вовсю запускали петарды – к слову сказать, среди ребят был и Искендер – пока все до одного не разбежались. А что пользы? Все настроение праздничное улетучилось. И пусть Гюльбадам-ханым еще с вечера готовится: нарезает, маринует, отмачивает, разделяет, жарит, парит, тесто раскатывает – короче, делает все, чтобы праздничный стол ломился от еды и можно было бы поспрашивать от души до самого рассвета, царапина – вон она, как бельмо на глазу! Кажется, и вмятина небольшая имеется! Какой после этого праздник? Напиться только вдрызг и спать лечь! И чем больше пялился он на царапину, тем сильнее потел, даже с бровей капало. Снял участковый с головы полицейскую фуражку, обтер лысину платком, самыми страшными словами проклиная мерзавца, испортившего ему Новый год. И ведь далеко от всех была машина припаркована, на особом месте, на повороте вдоль бордюра, под раскидистой лиственницей. Там никто машину больше не ставит – все знают, место это Гюльхоша Мамедовича, на асфальте краской и номер его машины намалеван. Как-никак, в этом районе он уже двенадцатый год участковый.

Может, все так бы и закончилось в то утро, погоревал бы он еще, а потом плюнул и поехал по своим участковым делам, но тут как раз из овощного с большой тык-

вой в руках шел сосед по дому, стоявшему, как мы помним, почти перпендикулярно к 22А, в котором жил Искендер с родителями. В отличие от Гюльхоша Мамедовича, сосед был совсем иной конфигурации, то есть тощий, длинный, и носил очки с такими толстыми линзами, что глаза его казались огромными, как у инопланетян. Остановившись, он, само собой, сначала поздравил его с наступающим и стал цокать языком на царапину:

– Ай, ай, ай! Совсем новая! Как жалко...! Вот потому я машину и не приобретаю. Столько денег вывалишь, а какой-нибудь гад возьмет и так ее покалечит! – вообще-то сосед врал: машину он не покупал не поэтому, а потому, что зарплата у него была маленькая, а у жены в желчном пузыре камни. – Ведь так и знал, что поцарапает. Поворот она слишком широко взяла, не вписалась, вот и мазнула буфером, как говорится.

– Кто?! – взревел Гюльхош Мамедович. – Ты что ж, видел?

– А как же! – ответил сосед, которого, между прочим, звали Лятиф. – Полчаса назад, когда в магазин шел. Проезжал тут серенький такой «мерседес». За рулем женщина молодая была. Куда, спрашивается, курица, лезешь? Я сразу понял, что заденет. А мы вот, Гюльхош Мамедович, плов в тыкке собрались делать, очень вкусно получается, вы не пробовали?

– Куда она поехала?!

– Так в 22А. Куда же еще? В первый подъезд, конечно. Разодетая такая вся...

– В 22А...?!

– Ну, да! Может, в гости. Но, скорее всего, к гадалке нашей. Сами же знаете. Наверное, порчу на любовника навести, а то спрашивается, откуда у нее такая машина... – криво усмехнулся Лятиф.

Не дослушав его, Гюльхош Мамедович бросился через весь двор к соседней пятиэтажке.

– Ты заходи к нам, сосед, вечером, плов с тыквой попробуешь! Приглашаю... – только и успел ему вслед крикнуть Лятиф.

Рысцой добежал участковый до соседнего дома, очки на нос посадил и давай метаться между припаркованными автомобилями. Машин в то утро много было, день-то у всех, кроме участкового, выходной. И вдруг слышит, кто-то говорит ему приятным голосом:

– Здравствуй, сосед, что потерял? Что как взмыленный носишься?

Оглянулся Гюльхош Мамедович – стоит гадалка в черной шикарной шубе, удивился: откуда она взялась? Ведь только что не было ее у подъезда! Из-под земли, что ли, вылезла, проклятая ведьма? Гюльхош Мамедович, конечно, был человек смелый, не зря носил полицейскую форму, побаивался одного только начальства, как положено по уставу (начальства, между прочим, и я боюсь), да и то только на службе, а дома почти никого не боялся. Однако с Кебире все-таки связываться не хотел. Мало ли что. Про нее тут такое рассказывают, что волосы дыбом становятся. Говорят, и порчу может навести, и болезнь всякую мерзкую, и будущее она видит, и прошлое, а если захочет, совсем, якобы, изведет. Сам-то он во все эти рассказы не очень верил, на его взгляд, она просто аферистка и все дела, да и волос давно на голове не осталось, чтобы дыбом становиться, но гадалку все равно обходил стороной. Зачем она ему? Вдруг и вправду есть у нее какая-то темная сила, не к празднику будет помянута! Не просто же так к ней столько народу таскается. А если людям нравится, что их обманывают, пусть ходят, ему какое дело? Поэтому сразу же и пожалел Гюльхош Мамедович, что примчался к ее подъезду «серенький мерседес» искать.

– С наступающим, Кебире-ханым! Здоровья вам и счастья! – сказал он как можно вежливее. Ну, сказал, попрощайся и иди себя обратно, но, как говорится, шайтан попутал, дернул-таки за язык: – А мне весь праздник испортили, машину мою помяли. Полчаса назад. Ведь новая совсем машина. Неделю как купил...

– Ай, ай, ай! Много, наверное, стоила? Я видела, машина дорогая, – ласково говорит гадалка.

Шуба на ней была длинная, мех на свету переливался, только непонятно, что за мех? Черный, как у вороны перья, неужели волк? Но искрится и играет на солнце, как норка. А разве норки бывают черными? Вот тут бы ему в самый раз попроситься и уйти, но шайтан во рту, за вставными зубами, еще раз за кончик языка потянул:

– Лятиф, сосед мой, видел, кто это сделал, говорит, женщина молодая на сером «мерседесе» задела, в ваш подъезд зашла.

– Может, и зашла, – вскинула правую бровь Кебире.

Не удержался Гюльхош Мамедович и брякнул, понесло его:

– Да точно зашла! Они же целый день к вам таскаются! Вредительница эта, чтоб ей... Ходят и ходят! Во двор заехать невозможно! Куда это годится? Здесь же не частная лавочка, мне уже и жаловались... Я и говорю, если она из ваших, пусть ремонт оплатит...

Брякнул и обомлел от собственных слов. Лицо гадалки вдруг потемнело, словно на нее легла тень от птичьего крыла, тонкие брови сошлись на переносице, мех на шубе дыбом встал, заискрился сильнее, как будто по нему электричество пустили. Но слов обратно уже не вернешь, хоть ты в фуражке и при погонах, хоть без них.

– Что это, сосед, за новости такие, кто на меня жалуется? Ты только подкажи! Я, между прочим, никого силком к себе не тащу, люди ко мне сами идут за советом, – сказала она четко, как барабанная дробь, только губы в яркой помаде будто и не шевелились совсем, а в голове у участкового каждый звук оглушительным эхом прокатился. Как же она, проклятая, это делает?

Еще сильнее вспотел Гюльхош Мамедович, под мышками закапало, понял уже, что с огнем играет, вот и затараторил совсем другим тоном:

– Да что вы, Кебире-ханым! Я, как говорится, со всем уважением! Мне-то что! Людям помогаете – правильно делаете! Хорошее дело...! Разве я не понимаю? – попытался участковый назад, очень уж недобро сверкали глаза соседки, как темное стекло, а внутри горящие огоньки, глядит – словно прямо в самую душу заглядывает и все там видит. Не надо было слушать этого дурака Лятифа! Вот угораздило связаться! – А тех, кто жалуется, я и не слушаю даже! Что вы! Это все от зависти, народ у нас такой, сами знаете... главное, ничего же не нарушаете... Правильно? – лепетал бедный Гюльхош Мамедович, и с каждым словом становилось ему все страшнее от того, что Кебире молчит и только глазами на него сверкает. – Вы только скажите, я их самих...! Вызову, мало не покажется...! А машина – тьфу – железка, покрасим и не заметим! Еще раз с наступающим вас, Кебире-ханым! Вы уж извините, мне идти надо, сами видите, даже на праздник работать приходится...

Тут лицо гадалки вроде немного повеселело, во всяком случае, брови с переносицы вернулись на место, кончики губ вверх потянулись, улыбнулась или нет – попробуй, догадайся.

– Ну, что ж, иди, сосед, раз нужно, служи. И передай жене, чтобы заходила как-нибудь по-соседски, на будущее ей посмотрю. Будущее, брат Гюльхош, знать любому нужно. Потому что, кто будущего не знает, тот непременно в дерьмо вляпается по самое горло.

– Передам обязательно ваши слова, Кебире-ханым! Вы сами тоже заходите, если что... – в мыслях у него всплыла оранжевая тыква, до краев нафаршированная рисом и бараниной, про которую сосед говорил, и уж не зная, как еще задобрить соседку, соврал он: – Плов в тыкве будет сегодня, загляните...

– Я тыкву не ем. Сами кушайте, – усмехнулась она. – Только не усни раньше времени. Говорят, как Новый год встретишь, так и проведешь. А увидишь Лятифа, передай ему, длинноносому, чтобы поменьше сплетничал! Нос у него не казенный, по-жалее сильно!

На том разговор их и закончился. Помчался Гюльхош Мамедович к своей машине, не разбирая дороги, а гадалка отправилась по своим ведьминим делам.

Однако встречу эту запомнил он надолго.

Праздник отметили хорошо, ели, пили, тосты говорили. Полночь пришла и ушла, дело уже к утру было, на всех зевота напала, и первая Гюльбадам-ханым, хлопотавшись за день, то и дело рот разевала, как сазан в сачке. Потом уж и славного участкового в сон потянуло, со стола не убрали, стали укладываться. Нырнул Гюльхош Мамедович под атласное одеяло, завернулся с головой, пригрелся, начал было засыпать, да тут прямо перед глазами ни с того, ни с сего выскочило усмехающееся лицо гадалки: «...не усни раньше времени», – нашептала она ему прямо в ухо так, будто была с ним рядом в комнате. Бедный участковый прямо подпрыгнул на фирменной перине, чуть с кровати не скатился.

– Чего это ты? – ткнула его локтем Гюльбадам-ханым.

– Ничего, ничего... В боку закололо...

– Переел, вот и колет. Спи уже...! Светает.

Да какое там спи! Сна после этого ни в одном глазу! До самого утра без толку проворочался он в постели. К завтраку вышел разбитый, злой, блюдце разбил, среднему сыну, названному в честь великого поэта Физули, затрещину дал, на старшего, названного в честь великого поэта Низами, наорал, только младший, названный в честь еще одного великого поэта – Насими, вовремя успел в туалете засесть. Только все это мелочи, скажу я вам. А вот то, что с этих злополучных новогодних посиделок разучился Гюльхош Мамедович спать, – вот это серьезное дело. Разучился напрочь. И днем, и ночью одна и та же история. Закроешь глаза, а через секунду – хоп! – Кебире на тебя смотрит, улыбается: «...не усни раньше времени» – напоминает, проклятая!

Труднее всего оказалось в первую неделю. Сразу скажем, непривычно. Ночь на дворе, народ укладывается, а ты как сова какая-нибудь, тьфу, в телевизор бельма тарачишь, думаешь, чем еще занять себя. И в кровати прикорнуть пробовал он, и на диване, и в кресле, на полу, в машине даже, ни в какую! Таблетки у Гюльбадам-ханым выпросил, бесполезно. Водку два дня глушил – только голова разболелась, а сна все равно нет. Хоть волком вой или в сторожа ночные поступай, все пользы больше будет. На четвертый день не выдержал Гюльхош Мамедович, с женой под ручку пошел по врачам. Один, второй, третий. Из одной красивой клиники в другую. Столько денег потратили, вспоминать страшно! Прописывали ему таблетки, капли, массаж, один врач голову китайскими иголками истыкал, поили Гюльхоша Мамедовича народными отварами с экологически чистым подорожником, душистой мятой, ромашкой. И что? Ничего! Не спится, и все тут. Так намучился участковый, что аппетит у него почти пропал. А аппетит для настоящего участкового, как пистолет в кобуре. Как, спрашивается, исправно службу нести, если ешь через силу? Уже и начальство на него косо поглядывать начало. Понял он тогда окончательно, что дело швах.

– Нужно к Кебире идти, – сказал он Гюльбадам-ханым.

– А я тебя сто раз предупреждала, не связывайся с ней! Доигрался. Дурак, да и только!

Сам к гадалке идти он не решился. Мало ли что, вдруг опятьбрякнет чего-нибудь, только хуже сделает. Как с начальством говорить, Гюльхош Мамедович знал хорошо, человек был опытный, а вот с природными ведьмами дел почти не имел. Тут каждое слово опасно. Как по минному полю ходишь. Отправил он к Кебире жену вместо себя. С подарками, конечно. Купили духи на разлив, конфеты хорошие, кожаный кошелек, пирожные в «Аззе» набрали. Короче, что угодно, только чтобы гадалку умиловить.

Потратились немало, но вернулась от гадалки Гюльбадам-ханым вся расстроенная. Пока отдышалась – приятного мало на пятый этаж без лифта подниматься – участковый все выспрашивал:

– Ну чего, чего она сказала?

В ответ Гюльбадам-ханым все молчала и, только пригубив чаю с яблочным штруделем, объяснила, наконец:

– Уж не знаю, что ты там ей наговорил, но рассердил ты ее сильно.

– Да что я такого сказал ей? – искренне удивился Гюльхош Мамедович.

В самом деле? С другими-то он вообще миндальничать не стал бы, рывкнул бы во все горло – имя бы свое позабыли. Да хоть с тем же Лятифом! Не дай бог кто-нибудь из его гостей машину бы ему поцарапал. Он этого Лятифа в штопор бы скрутил, тыкву ему на башку нахлобучил!

– Не знаю, не знаю, – качала головой Гюльбадам. – Ты же как из себя выйдешь, ничего вокруг не замечаешь. Сколько раз тебе говорила!

Гюльхош Мамедович сел на диван и обхватил голову руками:

– Что ж мне теперь до конца жизни не спать? Я же так с ума сойду...

– До конца, не до конца, напрямую не сказала, а намекнула мне ведьма... – Гюльбадам-ханым осеклась, прикусила язык, оглядываясь по сторонам, будто гадалка могла ее услышать. – ...Кебуре-ханым сказала, что если ты ей кое в чем поможешь, то и тебе будет облегчение.

– Все, что угодно! – обрадовался участковый. – Что ж ты молчишь! Вот дура! У меня тут от переживания живот разрывается... С чем ей помочь?

Гюльбадам-ханым немного обиделась на «дуру» и потому ответила не сразу, полминуты помучила Гюльхоша Мамедовича.

– Ну, говори же!

– Просьба у нее очень уж дурацкая. Сначала думала, ослышалась...

– Да говори ты, проклятая...!

Гюльбадам-ханым вздохнула, допила чай.

– Передаю, как сказала: пусть, говорит, муж твой, полицейский, съест мне одно дерево. Карагач какой-то. Найдет и срубит под самый корень.

– Чего? – опешил участковый. – Какой еще Карагач? Зачем ей?

– Не знаю ничего. Передаю, что слышала. Сказала, Карагач. И главное – не любой какой-то, а вот этот... вот фото. – Включила Гюльбадам-ханым свой мобильный и продемонстрировала Гюльхошу Мамедовичу фотографию Карагача. – Его, значит, найти надо и срубить. Сказала, где-то он здесь возле нас растет.

– Глупость какая-то! Да зачем ей это? Может, она того... – покрутил участковый пальцем у виска.

– Ш-ш-ш! – зашипела на него жена, вращая глазами. – Мало тебе твоей бессонницы! Совсем ты головой не думаешь...?

Пожалуй, права была Гюльбадам-ханым, сообразил участковый, и дальше говорил уже только шепотом:

– Где же я это вонючее дерево ей найду?

– Говорит, где-то здесь растет. Будто видели его.

– Не пойму, зачем это ей?

– Зачем, зачем – заладил! Нам-то какое дело? Нужно, и все тут. Чего ты во все лезешь, ничего тебе уроком не становится. Найди и сруби. Вот и все дела. Но делать надо сразу, не откладывая. Да, забыла совсем! Значит, у этого дерева... точно не поняла... то ли внутри него, то ли под ним, короче, все время рядом бомж какой-то крутится, вроде карлика. Его арестовать было бы неплохо. Но главное – дерево. Вот тебе ее слова.

– Тьфу ты! Ничего не понимаю. Загадка какая-то, – расстроено почесал живот Гюльхош Мамедович. – Бомж, дерево... Ерунда полная! А может, оно ценное, а?

Может, даже миллион долларов стоит? Надо бы разузнать сначала. И вообще, не нравится мне все это. Видно, сильно ей этот Карагач понадобился. Я поспрашиваю. Вдруг действительно больших денег стоит...

Лицо Гюльбадам-ханым от злости даже пошло пятнами, постучала она себя кулаком в лоб, давая понять мужу, что он совсем ума лишился.

– Я, что, – спохватился участковый, – я в том смысле, чтобы по-честному было: половина на половину. Зачем ей столько денег? У нее и так вон сколько клиентов. С каждого минимум манатов тридцать-сорок имеет или больше. А у нас три сына растут, как-никак...

– Делай, как знаешь! – оборвала его жена и отвернулась.

– Ладно, ладно, это я к слову. Может, и не стоит оно миллион долларов. Просто в голову пришло почему-то. Ты мне вот что – фотографию на ватсап отправь, а я схожу-ка пока к этому идиоту Лятифу.

– Зачем это? – подозрительно спросила Гюльбадам-ханым.

– Как зачем? Я пальму от сосны не отличу, а он у нас целый кандидат наук по растительности, не зря же человек в ботаническом саду работает. Хоть какая-то польза от него будет, от ботаника! Заодно и узнаем, сколько Карагач нынче стоит...

Не переодеваясь, как был в спортивной форме и в шлепанцах, спустился участковый двумя этажами ниже к Лятифу. Дверь открыла старшая дочь ботаника, такая же тощая и нескладная, как и он сам, пригласила в дом, кликнула отца. Вошел Гюльхош Мамедович в гостиную и удивился, в доме натоплено так, что дышать невозможно, а Лятиф сидит на диване с самым несчастным видом. На ногах вязаные носки, на голове вязаная шапка, на шее мохеровый шарф, рядом масляный радиатор булькает, а лицо перевязано прямо посередине бинтами. Просто мумия, а не человек!

– Здравствуй, сосед, – поздоровался участковый и, не дожидаясь приглашения, присел на стул у стола, – болеешь, что ли?

– Ой, не спрашивай!... – гундосо захохотал Лятиф. – С Нового года маюсь. Как двенадцать на часах стукнуло, бокал шампанского только и выпил, как положено. И сразу чувствую, температура поднимается. Дети говорят: «Папа, что у тебя с носом?» В зеркало глянул, глазам не поверил – чирей выскочил! Да такой здоровый, размером с орех! А то и больше!

От этих слов Гюльхош Мамедович сразу же и вспотел, вспомнил слова гадалки. Вот же, ведьма проклятая, никому спуска не дает! Раз дело такое, хочешь не хочешь, а что потребовала, надо исполнить. Пусть даже этот Карагач десять миллионов стоит!

Долго сидел участковый у ботаника. Два чайника чая выдули. Все, конечно, Гюльхош Мамедович ему не рассказал, но объяснил, что дело супер-важное, Карагач хоть из-под земли, а нужно найти, намекнул, что и ему, ботанику, будет от этого облегчение.

– Да точно ли Карагач? – все выпрашивал Лятиф. – Они же все вымерли, не осталось у нас ни одного. Где-то, говорят, в Калифорнии искусственно вывели по новой, а у нас нет. Может, каштан сойдет? Или вяз обычный, они с Карагачем из одного семейства...

– Тьфу, ты, опять он за свое! – горячился участковый. – Сказано тебе, Карагач ищи, а больше нос свой ни во что не суй, мало тебе одного чирья? Хочешь, чтобы еще и на языке выскочил? Ты, главное, найди, а я уж разберусь, тот это или не тот.

В конце концов, договорились.

И как температура у ботаника спала, стал он вечерами ходить по микрорайону с фонарем и топориком в рюкзаке – охотиться на дерево. Иногда и Гюльхош Мамедович выходил с ним за компанию. Так уже второй месяц охотятся, все без результата. То там оно им мерещится, то тут. У знакомых выпрашивают. Вроде все видели похожее, но пока ничего конкретного.

Измучился за эти месяцы бедный участковый. Уже и телевизор видеть не мог, и от ютуба тошнить начало. Как будто все фильмы на свете пересмотрел, все концерты переслушал, над всеми смешными видео посмеялся. Пробовал он игры играть на приставке сыновей – не пошло. Играешь, играешь, а сам только про гадалку с Карагачем и думаешь. У ботаника-то, например, к февралю чирей прошел. Только фиолетовый нарост на носу остался, из него волоски полезли, правда, такие толстые, прямо конская щетина, а не волосы. Противно смотреть, ужасно некрасиво, конечно, но ведь Ляtif же по новой жениться не собирается, домашние терпят, значит сойдет. А что участковому делать? Сон ведь не прыщик. Никогда Гюльхош Мамедович не думал, что без сна может быть так ужасно скучно и одиноко. Лучше бы уж что-нибудь другое разучился делать. Например – уметь читать. Если подумать, без чтения прожить вполне себе можно. Как протоколы составлять, он наизусть помнит. Если даже что-то срочное прочитать надо, всегда можно сказать, что очки, мол, дома забыл. Вслух, естественно, он этого не говорил, все-таки трое школьников в доме, им только волю дай – вообще учебник в руки не возьмут, но по ночам, бывало, фантазировал. «Эх, – раздумывал он печально, – уж лучше без уха остаться, даже без одного глаза, чем одному без сна пропадать. Или, скажем, пальца какого-нибудь лишиться. И двух не жалко, даже бы не заметил. Их же десять штук. А если еще с ногами считать – вообще больше, чем нужно! На фига двадцать пальцев? Протокол на компьютере настучать и носом можно, а если от руки – два пальца в самый раз». Попробовал он даже как-то написать что-нибудь, держа карандаш только указательным и большим пальцами, эксперимент, так сказать. Очень крупно вышло. Все-таки тремя удобнее. Короче говоря, маялся бедолага ночами невыносимо.

Вот и сейчас сидит он на застекленном балконе и в который уже раз листает в телефоне фейсбук, пока в доме все безмятежно спят. Прямо напротив за окном висит огромная, круглая, как блин, луна. Ярко освещает крыши четвертого микрорайона, да что там микрорайона – всего города, страны. В тот день была она еще и какая-то золотистая, местами чуть зарумянившаяся, будто и вправду жареный в масле блин. В другое время посетовал бы Гюльхош Мамедович, что невозможно насыпать сверху горкой мясного фарша с рубленным яйцом, свернуть в трубочку и отправить все это дело в рот, так, чтобы жир потек по подбородку. Но какой тут аппетит, когда не спишь уже второй месяц!

В ту ночь было безветренно, а потому и очень тихо. Неподвижно стояли тополя под окнами, не скрипели старые сосны, скучно сохло белье на веревках. И тут вдруг где-то ухнула сова. Участковый удивленно оторвался от фейсбука, поднял тяжелую голову. Прежде сов в микрорайоне он не слышал. Вороны, воробьи, голуби – это пожалуйста, сколько хочешь, но сова, откуда ей здесь взяться? Может, послышалось? Хотел он было уже вернуться обратно к мобильному телефону, однако совиное уханье повторилось. И еще так отчетливо, что не перепутаешь. Подвинулся Гюльхош Мамедович вместе с плетеным креслом поближе к окну, стал внимательно вглядываться в темноту, прореженную светом уличных фонарей, и уже через секунду где-то у гаражей встрепенулась верхушка высокого тополя, послышался шум мощных крыльев, а следом черным силуэтом на фоне луны появилась сова. Набирая высоту, летела она прямо к балкону, на котором сидел наш участковый. Гюльхош Мамедович невольно забеспокоился: как ни крути, сова – птица неприятная. Живет, как известно, в развалинах, на кладбищах, и если залетит в дом, то непременно с каким-нибудь отвратительным известием. Про болезнь, например, а то и про смерть. Приподнялся он со своего креслица, принял лицом к окну: летит, проклятая, и ведь прямо к балкону! С каждой секундой становится все больше, уже и луну собой почти заслонила! Что за напасть такая? Все вокруг как будто с ума посходили, даже птицы и те, кажется, рехнулись. А что, если сова напрямик от гадалки, подумалось ему? Вроде последнего предупреждения: типа, не найдешь Карагач, хуже будет? От этой мысли

Гюльхош Мамедович мгновенно весь вспотел, в жар его бросило. А тут уже вторая мысль, хуже первой, в голове пузырем надулась: вдруг это... сама Кебире? Кто ее, ведьму, знает! Обернулась совой и носится над микрорайоном! Тут у него прямо ноги подкосились от страха. С любым начальством всегда договориться можно, а с этой попробуй, договорись! Изведет...!

Сова становилась все ближе, Гюльхош Мамедович назад попятился, напрочь забыл про плетеное кресло, прямо в него и упал. А птица уже у самого окна, луны больше из-за ее расправленных крыльев не видно, только желтые, как мед, глаза птицы хищно глядят на него из наступившей темноты, похожим на крючок клювом хищно щелкает, вот-вот в окно влетит со всего маха, сейчас стекло вдребезги разлетится...! Прикрыл он голову руками, зажмурился, залепетал в ужасе:

– Ай, ай, ай! – и не увидел, как в самый последний момент сова взмыла куда-то вверх, будто ракета, и пропала с глаз. Вместе с ней исчезла и румяная луна. Словно слизали ее языком. Ни звезд, ни луны – одно черное-пречерное ночное небо.

Открыл глаза Гюльхош Мамедович, облизал языком пересохшие губы. Ладно, нет луны – это полбеды. Только что была, а теперь нет. Скажем, за тучу зашла, хотя секунду назад все чисто было, а почему окна в домах не светятся? А куда, спрашивается, уличные фонари подевались? На застекленном балконе светильник погас, в гостиной торшер и телевизор вырубилась. Наступила одна крошечная тьма по всему четвертому микрорайону! Утер рукавом лицо участковый. Может, снится ему это, только сна ведь ни в одном глазу. Неужели все от бессонницы?

– Да что же это такое творится! Что за ночь такая? – поцокал он языком. Опасливо приоткрыв одну створку окна, чуть высунул он голову наружу. Дохнуло ему в разгоряченное лицо сырой ночной прохладой. Нигде света нет. Сколько хватает глаз. Ничего не видно. Только где-то слева что-то монотонно трещит. Звук странный, вроде как механический и в то же время скрипучий. Как бы не было ему страшно, любопытство пересилило, вытянул Гюльхош Мамедович сколько мог шею наружу, на цыпочки встал, уставился в ту сторону, откуда шел нарастающий звук, и что-то такое разглядел. Что-то такое огромное, темное, медленно движущееся по дороге мимо гаражей. Теперь и треск стал отчетливее: трещит так, будто тащат по асфальту старый шифоньер. Подъемный кран, что ли? Двигается резво, покачивается темной тенью. Нет! Не бывает таких подъемных кранов! Что-то другое. Проклятая темнота! Хоть бы один уличный фонарь горел. Распахнул участковый тогда и вторую створку, по грудь в окно высунулся.

Громадная тень движется мимо дома. Обогнула поворот, выползла к соседнему 22А, покачиваясь, двинулась мимо припаркованных машин, скорость сбросила, встала впритык к зданию где-то ближе к первому подъезду. Тут вдруг и осенило, наконец, Гюльхоша Мамедовича – точно не подъемный кран, дерево это! Так и есть! Огромное, разлапистое! Как же он сразу не понял! На колесах, что ли, оно...?!

Тут надо бы оставить на некоторое время обалдевшего от всех происшествий этой ночи Гюльхоша Мамедовича торчать дальше в окне 5-го этажа дома 22Б и глянуть, что там делается в соседнем 22А, у которого припарковалось самоходное дерево. На 3-м этаже, уткнувшись в подушку, спит Искендер. Бессонницы, как известно, у него нет. Спит он крепко, хотя сон неприятный. Видит он большую сову, точно такую, что слизала крыльями луну с неба. И точно также тарачит она глупые желтые глаза и щелкает клювом. Собственно, все они, совы, на одно лицо. Порода у них такая. Несется она прямо на него, выставив вперед когтистые лапы, сейчас вцепится – на том Искендер и проснулся, и только тогда сообразил, что это не сова во сне кричит, а кто-то стучится в его окно. В комнате было непривычно темно, да и за окном тоже, обычно с улицы падал свет фонаря и электронный будильник светился на столе голубым светом, а тут ничего не видно.

Стало Искендеру спросонья боязно. Квартира же на 3-м этаже! Кто там может в окно стучать? В фильмах вампиры, которые левитировать умеют, внутрь просятся, но откуда им в 4-м микрорайоне взяться?

– Искендер...! Искендер...! – услышал он, как кто-то зовет его. Голос сразу узнал. Конечно, древесный мишоппа! Вскочил он с кровати, подбежал к окну и, как бы не было темно, сразу разглядел Абабиля на ветке. Одной рукой держался он за верхушку Карагача, а другой махал ему что есть сил. Потянул Искендер защелку, приоткрыл окно.

– Умер, что ли? Стучу, стучу, не слышишь... – буркнул мишоппа недовольно. – Так только покойники спят, да и то не всякие. Некоторые так ворочаются, что мимо ходить страшно. Что это у тебя с головой?

Тут уж Искендер не удержался, сразу выдал мишоппе все, что о его парикмахерских способностях думал. За стрижку сталинскими ножницами ему хорошенько попало. И за опоздание, между прочим, тоже.

Дело было так: выбравшись из Карагача, бросился он домой. Нырнул в подъезд, перепрыгивая через ступени пулей проскочил мимо гадалкиной квартиры, у которой, как всегда, толпились клиенты, а вот мимо Марьям-ханым проскользнуть не удалось. Она будто ждала его за дверью.

– Ты посмотри, который час, где это ты болтался столько времени? – спросила она строго. Из квартиры ее тянуло чем-то теплым, вкусным, на топленом масле, с медом и корицей.

– Стричься ходил, – еще не отдышавшись, соврал Искендер. Только наполовину соврал.

– Ой, боже мой! А я стою и думаю, что это у тебя с головой! Какой мерзавец тебя так обкорнал? Ты посмотри только...! А где твои глаза были? Надо было ему в лицо плюнуть за такое...

Искендер виновато голову опустил, пожал плечами.

– Безобразие! – грозно уткнула Марьям-ханым руки в бока, глядя на Искендера поверх очков. – А ну-ка, погоди, я сейчас духовку выключу, пойдем с тобой, я ему сама в лицо плюну! Негодяю этому!

– Нет, нет! – запротестовал Искендер. – Это совсем маленькая парикмахерская... Около школы...

– Ну и что?

– Так она уже закрылась, я был последний клиент. Честное слово! – врал он так, что даже уши покраснели. Врать Искендер хоть и умел, но не очень любил. Марьям-ханым покачала головой:

– Что ты придумываешь, братец! Как это закрылась?

– Клянусь, закрылась! При мне запирал будку свою. Молодой такой, наверное, неопытный, – шмыгнул носом Искендер, буквально чувствуя, как уши из красных становятся пунцовыми.

– А чего это ты к нему пошел? Других парикмахерских нет, что ли?

– Рядом со школой. Недалеко там...

– Этому мерзавцу ножницы в руки брать нельзя! Баранов и то лучше стригут! Искендер опять опустил голову. Он и сам знал, что надул его мишоппа.

– То, что врешь, – очень нехорошо. И не спорь...! По ушам видать, что врешь, как дышишь. Не ожидала от тебя, если честно! Ты бы видел, в каком состоянии мама твоя бедняжка из больницы вернулась! Лица на ней нет, одни глаза и остались. – Вздохнула Марьям-ханым. – Вся эта химия проклятая, последние силы отбирает... И что с тобой делать? Нельзя же в таком виде ходить. Ладно, сходим в парикмахерскую около парка, посмотрим, что с твоей головой еще можно сделать. По мне, так ничего. Только на лысину... Сумку свою здесь оставь.

Так второй раз за день пришлось Искендеру отправляться стричься. Приятного мало, а что делать? Я же говорил, с Марьям-ханым спорить толку нет. И вот теперь, глухой ночью, ежится Искендер от холода перед распахнутым окном и ругается с негодным Абабилем.

– ...еще спрашиваешь? Они как увидели, что ты наделал – такое мне устроили! Ты же вообще стричь не умеешь! Чего лезешь, если не умеешь?! Про деда своего наврал...! Смотри сюда... – нагнул он почти наголо выбритую голову. – Да за такое дело...

– Про меня разговора не было? – подозрительно спросил мишоппа, сверкая в темноте глазами.

– Совсем меня за лоха держишь? Что бы я им сказал? Что тут какой-то мишоппа в дереве парикмахерскую устроил? Как мне с такой головой теперь в школу ходить? Ну, Абабиль, я так и чувствовал, что врешь все...

– Ладно, ладно! – проворчал мишоппа, чуть раскачиваясь на ветке, как какая-нибудь ночная обезьяна, только в штанах и куртке. – Если у вас вкуса нет, я не виноват! Такими уж уродились. Вкус, брат, развивать надо. Этому в школе не научат. Я тебе нормальную прическу сделал. Во всяком случае, лучше, чем было. И нечего тут орать на всю улицу.

– Нормальную прическу? Ты посмотри на него, даже не стесняется! Знаешь, что соседка сказала: баранов и то лучше стригут!

– Какая еще соседка? – опять насторожился мишоппа.

– Другая! Ты ее не знаешь! Возвращай мои деньги!

– Не шуми! Чего ты разорался вообще? Не на базаре же... Деньги, деньги – только о деньгах и думаешь. Разбудишь сейчас всех! Будет потом... Я тут, можно сказать, жизнью своей рискую... – всхлипнул вдруг мишоппа. – С новостью прискакал к тебе хорошей, обрадовать хотел, а ты со мной из-за денег ругаешься! Не знал, братец, что ты такой! Я вот тоже лысый, и что? Живу же...

Стянул он с головы лыжную шапочку и, выставив в окно свою бронзовую лысину, смачно похлопал по ней ладонью.

– А ты орешь. Как будто тебе не волосы, а нос отрезали. Не нравится с голой башкой ходить – подарю тебе шапочку, такую же, как у меня, только красную. Учти, почти новая. Хочешь? От чистого, как говорится, сердца, носи себе на здоровье. И тепло, и солидно...

– Не хочу! Возвращай деньги, – упрямо сказал Искендер. – У меня самого шапок навалом.

– Тьфу ты! Вот, пристал! – вконец рассердился мишоппа. – Раз такое дело, верну твои деньги. Я клиентов не обманываю. Забирай и катись. Только два маната за одеколон и чай оставлю. Это по-честному.

Он обиженно отвернулся куда-то в сторону, не обращая внимания на протянутую к нему руку Искендера:

– Ну, давай!

– Чего давай?

– Восемь манатов давай! Десять минус два делает восемь.

– Сейчас... – покачал головой мишоппа и стал суетливо шарить по карманам своих штанов. Чуть вниз не сорвался. – Нету! Можешь проверить. Как назло, кошелек, видать, дома забыл. Значит отдам в следующий раз.

– Знаю я тебя!

– Да что ты знаешь? Что ты... – воскликнул мишоппа, но тотчас замолчал: в соседней спальне кто-то заворочался на кровати. Искендер испуганно оглянулся. Через секунду в квартире снова стало тихо, было только слышно, как таинственно шелестят листья Карагача и монотонно гудит холодильник на кухне. Выждав небольшую паузу, Абабиль опять заговорил, но теперь совсем уж шепотом:

– Ничего ты не знаешь! Верну твои деньги и больше знать тебя не хочу! Мне, спрашивается, больше всех надо? Не знал тебя сто лет, и еще сто лет знать не буду. Ты посмотри на него – даже не спрашиваешь, чего это я среди ночи Карагач разбудил, на ноги поднял, Мовсюму спать не дал, старик сидит там, волнуется, а у него, между прочим, гипертония – сто двадцать четыре на пять! Да я к тебе через полгорода скакал, а ты...!

Чувствуя, что совсем озяб, Искендер стянул со стула свитер и быстро надел его на себя.

– Фирменная вещь, – с завистью сказал Абабиль. – У меня такой тоже был, только с пуговицами, чистая шерсть...

– Какие еще полгорода? Ты, вон, вчера в двух домах от нас около шашлычной стоял. Чего ты мне гонишь...?

– Ха! – широко качнулся на ветке мишоппа. – Ничего себе! Так это же не «жигули», братец, это дерево все-таки. Понимать надо! Пока его разогреешь, пока с места поднимешь, пока доберешься, куда следует, – семь потов с тебя сойдет. Оно же на сто километров, считай, полтонны кислорода жрет! И это еще на трассе! А тут...? Кругом огороды да бордюры. Только и успевай уворачиваться. Ты думаешь, чего это я такой, раньше срока, облысевший... – с надрывом спросил мишоппа.

– Откуда я знаю.

– Да потому, что родился таким! – тихо рассмеялся Абабиль. – Я же мишоппа, а нам волосы ни к чему! Только блох успевай вычесывать!

Искендер устало вздохнул. Понять, когда Абабиль врет напропалую, когда шутит, а когда говорит чистую правду, было тяжело. Искендер высунулся в окно.

– Чего это ты? – осекся Абабиль. – Идет кто?

– Нет. Просто пытаюсь понять, как оно держится. Дерево...

– Корнями, естественно, как же еще-то?

– А...

– погоди! – вдруг встрепенулся мишоппа, приложил ладонь к уху, затем быстро, все также по-обезьяньи цепляясь за ветки, полез вниз и вскоре совсем исчез из виду, скрытый густой листвой Карагача.

– Абабиль! – шепотом позвал Искендер. – Ты куда?

– Тише! – ответил мишоппа откуда-то снизу, кажется, с уровня балкона второго этажа. Искендер стал ждать, переминаясь с ноги на ногу. Стоять босым на холодном паркете было неприятно. И в доме, и на улице было по-прежнему темно и тихо, но вдруг ему показалось, что он слышит кошачье мяуканье. Он стал всматриваться в темноту и даже как будто разглядел метнувшуюся между машинами черную тень. Поручиться было нельзя, потому что верхушка Карагача почти заслоняла собой вид на улицу. В этот момент ветки раздвинулись, и из-под них выглянула озабоченная физиономия Абабиля.

– Плохо дело, брат! Унюхали нас! Поэтому слушай, что скажу. Времени нет... Я чего приходил-то, мне сон был! Понял? Я же тебе обещал, Карагач обязательно скажет, что делать надо! Вот и поговорил он со мной. Вчера, значит, я специально лег пораньше. Мовсюма расчесал, к ночи приготовил и сразу лег... – мишоппа замолчал, настороженно вслушиваясь. Кошачье мяуканье стало звучать отчетливее, теперь похоже было на то, что мяукает не одна, а сразу несколько кошек. – Унюхали, все-таки! Вот же, сучье отродье! А вроде тихо шел. Как на цыпочках...

– Не вижу никого, – волнуясь, сказал Искендер.

– Да здесь они уже, проклятые! Одна чернее другой... – крона Карагача затрепетала, словно в порывах сильного ветра, хотя погода стояла тишайшая. Злое кошачье мяуканье с каждой секундой становилось ближе и слышнее, и как бы ни было темно за окнами, уже нельзя было не заметить скачущие по бордюрам силуэты.

...Кошки выбирались из подвалов, перелезали через оплетенные вьюном ограды, прыгали с балконов, с кривых сосен и водосточных труб, неслись по улицам и перекресткам, сверкая глазами, – целое полчище кошек, черных, как смоль, стекалось со всей округи, со всех микрорайонов, притягиваемые дрожащим Карагачем, словно магнитом.

И когда участковый Гюльхош Мамедович, наконец, выбрался из своего подъезда с топором для рубки мяса, от всего увиденного вспотел так, как, кажется, не потел никогда в жизни.

...Он бы, конечно, вышел пораньше, сразу, как увидел шагающий к 22А Карагач. А то, что это был именно Карагач, Гюльхош Мамедович догадался быстро: не дурак, в конце концов, не зря свой полицейский хлеб уже 12 лет ест! Понятно, что ведьма искала именно это дерево! Сообразить-то он сообразил, но попробуй выбеги быстро из квартиры, когда такая темень вокруг! Как назло, и мобильный совсем сел, так что ни полоски света, жалко, что не курит, хоть зажигалкой бы себе посветил. Теперь ходи и шарь перед собой руками, чтобы на мебель не наткнуться.

Переодеваться Гюльхош Мамедович не стал. Решил, что и в пижамных штанах сойдет, только куртку теплую с вешалки на себя накинёт, и все дела. А вот с топором вышла неувязка. Топор он в прихожей держал, там же на вешалке, в кожаном портфеле. С портфелем на Карагач охотиться и выходил: ясное дело, не станешь же с таким инструментом просто так по улицам разгуливать. А в портфеле в самый раз. Во-первых, никто не догадается, во-вторых, удобно, кроме топора, там еще моток веревки, фонарь, ножовка. В-третьих, солидно, видят соседи – даже вечерами участковый на службе, ходит по микрорайону с портфелем, службу свою исполняет, в самые темные закутки заглядывает, в самые дальние дворы забирается. И все самоходом, пешком, с машиной была бы сплошная заморочка. Только теперь в темноте, сколько ни шарил Гюльхош Мамедович, а портфеля не нашел. Видимо, Гюльбадамханым его опять куда-то переставила! Ей-то эта затея с самого начала не понравилась. «Кому-нибудь, не дай бог, на голову свалится: или убьет совсем, или дурачком на всю жизнь сделает. Детей своих не знаешь? Носятся, как сумасшедшие!» И сколько с ней Гюльхош Мамедович ни боролся, все зря! Упрямая женщина, эта Гюльбадамханым! Что делать? Без топора дерево не срубить. Не грызть же его! Тем более, что зубы вставные. Заметался участковый, чуть рычать не стал от злости, хорошо, вспомнил, что на кухне есть у них топорик поменьше, для мяса, – все лучше, чем с голыми руками на Карагач идти. И вот пока в темноте, двигаясь, как слепой, добрался он до кухни, пока по ящикам рыскал, времени прошло немало...

Первую кошку, точнее, сверкающую на него из темноты пару глаз, заметил Гюльхош Мамедович еще на 2-м этаже. Выскочила она прямо перед ним и с шипением метнулась по ступеням на улицу. От неожиданности он чуть ногу не подвернул. Откуда в их подъезде взялась кошка? Никто, вроде, не держит, он же, как участковый, все знает. Может, с улицы забрела? Рассуждать времени не было. Позвать бы на помощь этого болвана Лятифа, но как? Телефон сел, в дверь колотить? Всех перебудишь!

Вышел он из подъезда, ковыляя побежал к углу дома, чтобы оттуда, значит, по улице мимо гаражей незаметнее к 22А подобраться. В другое время, может, двинулся бы наискосок, через двор, только в темноте или на куст напорешься, или в лужу вляпаешься. И тут дорогу ему перебежала еще одна кошка, следом еще две, и все, как на подбор, черные. Если бы глазами не сверкали, не заметишь. Что-то их много по ночам шмыгает, раньше такого не было. Дальше – больше! Оглянулся Гюльхош Мамедович на громкое мяуканье: ну, ничего себе! Кошачьи глаза повсюду сверкают! Сколько же их...! Между машинами, на козырьках подъездов, на оградах... Стало ему прямо не по себе. Одна кошка – тьфу! Пнешь и забудешь, а когда их вдруг столько.

– Ладно, там разберемся, – решил он и побежал дальше. Все-таки смелый был человек.

А черные кошки неслись к Карагачу, шипели, карабкались по стволу, сдирали когтями мягкий мох, на верхушке дерева, задрал лицо к Искендеру, кричал мишоппа:
– ...ведьмин заговор просто не снять... Слишком уж сильный! Она же не простая ведьма...

– Что делать, говори...? – свесился Искендер наполовину из окна, чтобы слышать лучше. Внизу под раскачивающимися ветвями Карагача мелькали яростные зеленые огоньки, кошки фыркали и выли.

– Брысь...! Брысь, проклятые... – шипел в ответ Абабиль, лягая их ногами. – Я тебе говорил, хорошо, что перед праздником случилось, единственное время в году... Пошел!

Кошки, по которым попадал мишоппа, с визгом слетали вниз.

– У нас четыре вторника, чтобы снять заклятие... Ах, чтобы вас...! Все, ухожу! Больше нельзя... Найдешь меня завтра! Времени почти не осталось...! Брысь, тебе говорю!

Абабиль опять исчез под ветками, только было слышно, как он, ругаясь, отдирает от Карагача орущих кошек и швыряет их вниз.

– Абабиль...! Абабиль...!

Внутри дерева что-то упало с жестяным грохотом. «Наверное, ведро!» – успел подумать Искендер, следом что-то громко щелкнуло, в дупле пискляво заголосил Мовсюм:

– Да куда же ты запропастился, сукин ты сын! Заводи...заводи!

Дерево со скрипом сильно качнулось влево, с нижних ветвей сорвалось сразу несколько кошек, затем вправо, затряслось, словно отряхиваясь, и опять кошки полетели во все стороны. Извиваясь корнями, как щупальцами осьминога, Карагач двинулся вниз по улице, сдергивая на ходу с соседских балконов бельевые веревки с одеждой и сбивая спутниковые антенны.

– Держи его, держи! – истошно вопил Гюльхош Мамедович, пустившийся рысцой за Карагачем. С непривычки бежал он тяжело, свирепо размахивая над головой мясницким ножом. Несмотря на потерю аппетита, его большое красивое брюхо за последние три месяца почти не уменьшилось, только провисло немного и теперь очень мешало. Попробуй побегать, когда у тебя живот, как бочонок пива. А в это время огромное дерево, волоча за собой мокрое белье, провода и веревки, двигалось в темноте уверенно, резво обходя препятствия.

У переулка Карагач сбросил скорость. «Ага! – сообразил участковый, – хочешь нырнуть в просвет между домами!» Совершенно взмыленный от бега Гюльхош Мамедович, преодолевая себя, рванул и почти догнал его. Он даже успел рубануть мясницким топориком по одному из отростков, извивающемуся широкими кольцами. Удар, правда, получился не очень, по касательной, только подрезал кору, но дерево дернулось, будто от боли, а подраненный отросток прямо на глазах скрутился в толстую спираль. Ни дать, ни взять – питон!

– Зарублю...! – замахнулся на бегу еще раз Гюльхош Мамедович. – Не позволю!

Однако второй раз ударить не успел: закрученный корень вдруг распрямился, словно пружина, и с невероятной силой залепил ему прямо в лоб. От удара Гюльхоша Мамедовича подбросило в воздух, полетел бедный участковый, тараща глаза в темное небо, где по-прежнему не было видно ни единой звезды, напрямик через каменный бордюр и сеточную ограду, а потом хлопнулся, ни жив, ни мертв, на спину, будто жук, в чужом городе.

Карагач тем временем скрылся за углом, оставив на память лишь обломанные ветки и воющих кошек. А еще через минуту по всему микрорайону включили свет. И почти тотчас над крышами, как ни в чем не бывало, проступила румяная, маслянистая, как жирный блин, луна, – хоть навали горкой рубленого мяса и ешь.

Глава седьмая Молочный Хлебец

Всякому известно: сколько ни повторяй «шоколад, шоколад», во рту слаще не станет. Уж проверяли по-всякому и много раз! Можете хоть с утра до вечера, как попугай, твердить одно и то же, ничего из этого не выйдет. Только время зря потянете. Разве что кто-нибудь пожалеет вас или ему просто надоест слушать ваш голос, и он преподнесет вам эту злополучную вожделенную коричневую плитку. Но это уже из области фантастики. Так что не верьте, если говорят: стоит только очень захотеть, и все непременно сбудется. Все это вранье. Ничего никогда не сбудется, пока с дивана не подниметесь. И даже если подниметесь вовремя, скорее всего, не сбудется. Для этого, братцы, везение нужно хорошее. А с везением в наших краях сейчас не очень. Все везение в прошлый базарный день разобрали по семь манатов за штуку. Вот и остается орать с дивана «шоколад, шоколад» в надежде, что кто-нибудь вас услышит.

...Само собой, что следующим утром в школу Искендер опоздал. Опять. И опять ведь не по своей вине! Но кому что докажешь? Давай объясняй, что с утра пораньше из-за таинственного ночного происшествия оба дома-близнеца, 22А и 22Б, и даже присоединившийся к ним позже 24А, гудели, как пчелиные ульи, в которые напустили едкого дыма. Даже местные великаны Асиф с Васифом пожаловали, правда, стоят в сторонке, позади машины с рекламой пластиковых окон, прикидываются новыми фонарными столбами и молча тыквенные семечки лузгают. Гадалка тоже дома не усидела, мерзкие сестры ее, конечно, тоже пожаловали, об остальных и говорить нечего, не каждый ведь день такое увидишь, чтобы сам участковый, которого в микрорайоне каждый законопослушный гражданин в лицо знает, обнаружился совсем без сознания в чужом огороде, да еще и в таком виде. Скандал! Лежит милейший Гюльхош Мамедович в одной полосатой пижаме, да еще в женской куртке, отороченной розовым мехом вокруг капюшона, и храпит, как самодельный перфоратор. Никто ведь не знает, что в темноте в прихожей он куртки перепутал. И вот теперь спит, выставив на всеобщее обозрение свой замечательный живот. Ему кричат: «Гюльхош-муаллим, что это с вами? Земля же холодная, люмбагу с радикулитом подхватите!» А он только строго в ответ пузыри ноздрями надувает. И хорошо, хоть так, а то поначалу-то решили, что умер вообще. Но не только участковый беспокоит жителей в это утро. Сохнувшее белье с балконов бесследно пропало, у кого-то еще спутниковую антенну унесли, прямо с проводами вырвали. Короче, что такого ночью случилось, совершенно не понятно.

Вызвали полицию, «скорую», МЧС, а до их приезда решили участкового не трогать: вдруг у него что-нибудь сломано. По-соседски накрыли байковым одеялом, чтобы вконец не замерз: утро снова выдалось ветренное и промозглое. Но Гюльбадам-ханым байковое одеяло не одобрила, не бродяга все-таки, чтобы под чужим, да еще таким непрезентабельным одеялом в огороде ему лежать. Поплакавшись немного над бесчувственным мужем, послала она всех троих сыновей, названных в честь поэтов, домой за атласным стеганым одеялом, чтобы перед соседями не стыдно было. Хотели еще подушку ему под голову приспособить, но вмешался бывший ветеринар Алекперов из второго подъезда: если что с шейными позвонками, сказал, лучше уж без подушки.

Ну и как тут, спрашивается, не опоздать в школу? Толпа собралась немаленькая, всю узкую улицу запрудила. Соседи шушукаются, мужчины курят, бритые подбородки скребут, женщины Гюльбадам-ханым успокаивают, а Искендер старается держаться за спиной отца, подальше от гадалки, которая, нет-нет, да и посмотри-

вает на него краем глаз. И по взгляду ее многозначительному видно, что она одна тут среди всех про ночное происшествие догадывается. Кроме, конечно, Искендера. Ему и догадываться не надо.

Приехала «скорая». Усатый врач, за которым семенила крошечная медицинская сестричка с дефибриллятором в большом чемодане, с трудом протолкались к пациенту. Первым делом посветил он участковому в глаза фонариком, послушал сердце, после чего уже принялся приспосабливать на могучую шею Гюльхоша Мамедовича специальный воротник вроде толстого ошейника. А уж когда выкатили носилки, всем окончательно стало ясно: дело серьезное.

– Что с ним? – запрочитала Гюльбадам-ханым, мусоля скомканный платок. – Что завистники и враги с кормильцем нашим сделали?

Доктор, у которого из-под белой шапочки, плотно натянутой на всю голову почти до самого носа, торчали такие густые брови, что казалось, будто он отрастил над глазами лишнюю пару усов, озабоченно покачал головой:

– Пока трудно сказать что-нибудь определенное, ханым. Будем, как говорится, сканировать.

Это только потом уже, после двадцати семи сканирований и всевозможных тестов, удалось точно установить, что милейший участковый просто... спит. Иначе говоря, впал в совершеннейшую спячку, по-научному – гибернацию, как случается у медведей зимой. Говорите, у людей такого не бывает? Кто спорит, но не станем же мы только из-за этого предполагать, что уважаемый участковый с 12-летним стажем безупречной службы хотя бы на одну четверть был медведем? Глупость, если не сказать больше! Просто устал человек за два месяца бессонницы! Проверяли его по-всякому. Какие только анализы не делали – все одно: здоров всем на зависть. Почки, печень, кишки всякие работают, как часы. Стул прекрасный, врачи не нарадуются. Ест хорошо и даже лучше, чем раньше, тьфу-тьфу, не сглазить, но только во сне. Даешь, скажем, ему ложку супа, он принюхается, губы вытянет, рот широко откроет и так целую тарелку с хлебом и салатом за десять минут уминает. А если что с костями, курица, например, без всяких пальцев прямо во рту так обсосет, обглодает, что любой неспящий позавидует. И чай во сне пьет. И компоты. И лаваш с маслом и деревенским сыром ест. Если с обедом запаздывают, мычать начинает, больные от страха к пожарной лестнице бегут, думают, сирена воеет. Через неделю его из больницы выписали, чего зря держать, еды не напасешься – все же и так в порядке. Кроме того, храпел Гюльхош Мамедович слишком уж сильно. Врачи консилиум собрали, руками развели и вынесли вердикт: «Неизвестный медицинский феномен, в книгах не описанный. Будем надеяться, что когда-нибудь сам проснется». Только бедная Гюльбадам-ханым все плакала. Ест-то он хорошо, слов нет, и даже улыбается во сне – значит, доволен, но как-то это не по-людски, вроде есть в доме кормилец, муж любимый, а вроде и нет его. Да и денег не напасешься, на все эти анализы 736 манатов уже ушло. На работу он не ходит, спящих же туда не пускают. Пока что оформили Гюльхошу Мамедовичу бюллетень по состоянию здоровья, ну, а потом что? Кто знает, как долго он спать будет? И вообще, если он такой уж медицинский феномен, может, ему какая-то особая пенсия полагается? Чтобы врачи могли изучать для будущего. Например, для того, чтобы человека в космос на дальние планеты засылать, это Ляtif подсказал. Обещал все разузнать хорошенько.

Что же касается самого ночного происшествия, тут мнения сильно разошлись. И полиции толком ничего выяснить не удалось. Одни говорили, будто участковый ночью за ворами героически погнался, которые как раз тащили мокрое белье с балконов. Он, мол, бандитов в темноте углядел и вступил с ними в неравную борьбу, и потому вообще герой. Однако, как он в чужой на замок запертый огород попал, оставалось все равно непонятно: ограда высокая, вся вьюном оплетенная, так просто не поднимешься, разве что на лошади перескочишь. А лошадиных следов нигде побли-

зости не видно. И потом, как это воры во всех шести подъездах веревки поборвать успели? До самого 5-го этажа! Что ж это они по стене дома карабкались, от балкона к балкону, за чужими подштанниками? Самой собой, «подштанники» это я так, к слову, говорю. У модной соседки из первого подъезда, например, дорогую кофту унесли: «Я ее в «Заре» покупала! 67 манатов...! – все сокрушалась она. – Чтобы их на части разорвало! И куртку мужа, зеленую, просто проветрить вывесила! Чтобы они на лекарства все деньги потратили!»

Другие соседи в ночное воровство не поверили.

– Это торнадо, – утверждали одни.

– Да какое еще торнадо? – спорил с ними Лятиф. – Мы же не в Оклахоме какой-нибудь живем, прости господи! Это там у них прерии, бизоны и «пояс торнадо», а у нас такого не бывает! Землетрясение – пожалуйста, зона сейсмическая, разговору нет, может даже полгорода под землю провалиться – все будет по-честному! А торнадо в мозгах у вас. И потом, если торнадо, чего это только на одной улице? Где воронка?

– У нас «город ветров», а значит, и торнадо может быть, – горячо возражал ему сосед с 4-го этажа. – Только маленькое, но мощное. Вон Гюльхоша с балкона сдуло, это все из-за живота – парусность высокая. Ты, Лятиф, хоть и легче намного, но из-за того, что худой, – парусности у тебя тоже меньше. Тебя только пополам переломить может. Это, брат, наука! Хорошо еще, не унесло участкового совсем! Куда-нибудь на Пираллахы или в Ашхабад. Был бы международный скандал. И кошки, между прочим, всю ночь орали, а животные такие вещи всегда чувствуют.

Ну, кто в такую глупость, спрашивается, поверит? Была еще другая версия, проще: мол, не торнадо, а просто сильный ветер повалил старое дерево, а оно, падая, ветвями за бельевые веревки зацепилось. Вон, у кого-то на 3-м этаже и стекло оконное треснуло. Правда, не ясно, куда же это упавшее дерево потом делось? Не кошки же его сожрали вместе с бельем. Все-таки не сосиска. Да и следов вроде никаких нет: яма или пенек какой-нибудь... Только несколько обломанных веток на улице. На них, считай, внимания никто не обратил. Один только Лятиф. И не потому, что дипломированный ботаник. Но об этом позже.

А пока факт остается фактом – Искендер снова опоздал в школу.

И, как назло, урок опять был с Фахирой! Был бы кто другой – не так обидно. Пока отец, стоявший со всеми соседями, спохватился, пока прикрикнул на Искендера, пока тот добежал до школы, пол-урока как корова языком слизала.

И вот он в том же самом классе с портретами бородатых поэтов на стене, и, как в прошлый раз, виновато смотрит в пол, пока Фахира с затертыми косметикой остатками прыща сверкает на него своими учительскими глазами:

– ...я тебя предупреждала? Предупреждала или нет? Отвечай...? Я с тобой говорю!

У Фахиры новая прическа. Волосы стали еще светлее и свисают на лицо, видимо, чтоб не так был заметен конфуз на носу.

– Да, – вздохнул он обреченно.

– А раз так – все, милый! Сейчас прямо пойдешь к директору, пусть он решает, что с тобой делать! Такое неуважение больше терпеть невозможно...! Сколько можно надо мной издеваться?

Ясно, что опаздывать нехорошо. Можно сказать, – форменное безобразие. Но насчет «издеваться» – это она загнула. У Искендера и в мыслях такого не было. Фахира Асадуллаевна, громко цокая каблуками, подошла ближе и нависла над ним, отдавая его запахом дорогих духов. Искендер опасно покосился на указку у нее в руке.

– Ты вообще нормальный? Ты понимаешь, что тебе говорят? Или совсем дурачок?

– Понимаю.

– А мне кажется – нет! Не понимаешь! Тебя надо в специальную школу отправить, для придурков!

В классе раздались сдержанные смешки, но, как только она оглянулась, быстро угасли: с того дня, как ее кукольное личико украсил ведьмин наговор, с Фахирой было лучше не шутить.

– Нет, не надо, – тихо сказал Искендер.

– А я думаю, что надо! – рявкнула она. – Ты еще со мной поспорь! Поспорь! Сними шапку, придурок, когда в класс заходишь!

Она сорвала с него голубую бейсболку и чуть не поперхнулась от злости:

– Это что еще такое...? Зачем тебя обрили...? Ой! – тут ее вдруг передернуло.

– У тебя что... вши...? Фу-у-у!

Брезгливо выронив бейсболку на пол, бросилась она к своему столу и, яростно тренькая браслетами на запястьях, стала нервно оттирать ухоженные ногти салфетками из коробки.

– Нет у меня никаких вшей, просто...

– Вон из моего класса... – воскликнула учительница, но на этот раз почему-то совсем неубедительно, вроде даже побледнела под слоем косметики. Чего это она так вшей испугалась? Вещь, наверное, неприятная, ну не так, чтобы прямо уж в обморок падать, бывают вещи и похуже.

– ...парикмахер, Фахира Асадуллаевна, на редкость тупой попался. Вы не беспокойтесь...

– Гадость какая...!

Так начался еще один школьный день. Длинный. Обычный, не считая утреннего эпизода. Поэтому лучше уж перемотать всю эту канитель сразу к тому моменту, когда Искендер несется, сам не зная куда, подгоняемый в спину порывами ледяного ветра. Кончики ушей его и нос покраснелись от холода. Погода, как помним, в тот день была самая отвратительная, как будто обратно зима вернулась. И теперь, как ни натягивай бейсболку, уши мерзнут. А все из-за Абабиля! Раньше ведь с длинными волосами так не щипало. Добежал он до сапожной будки, вечно запертой на всякий замок, и тут его кто-то крепко схватил за руку.

– Чего несешься, как угорелый?..

Мишоппу было не узнать. С ног до головы в обновах! На нем темно-зеленая куртка с десятком карманов на всяких замках и липучках, ковбойские джинсы, на ногах туфли с длиннющим носом. Даже лыжную шапочку как будто постирал. И плевать, что куртка ему великовата размера на два, а то и на три: пальцы из рукавов едва торчат. Или что обшлага джинсов хоть и закатаны до упора, но все равно волочатся по асфальту. Абабиль гладко выбрит и благоухает огурцом на февральском ветру.

– Весь задубел здесь на холоде! Арастуна что-то давно не видно. Я думал, он уже откопался...

Выскакивая со школьного двора, в разных направлениях группами и поодиночке мимо них разбегаются школьники. Некоторые, удивленно оглядываясь, пересмеиваются. Искендер старается встать так, чтобы мишоппу за будкой было меньше заметно, но продрогший Абабиль не стоит на месте, то и дело притоптывает, энергично трет нос и зачем-то по-птичьи машет руками.

– Домой не идешь? – окликнули сзади Искендера. Мишоппа с любопытством высунулся из-за сапожной будки.

– Кто это с тобой?

– Родственник приехал, – коротко ответил Искендер и потянул Абабиля за рукав. – Пойдем отсюда.

– Ничего себе родственники у тебя...!

Увлекая за собой мишоппу, Искендер двинулся к девятиэтажке.

– Да что ты меня дергаешь? Упаду сейчас!

– Пойдем, говорю.

– ...родственник у тебя на мишоппу похож... – крикнули ему вслед. – Настоящий мульттик!

Абабиль рассерженно обернулся, но Искендер опять потянул его за рукав.

– Идем, идем...

Однако мишоппа стоял, как вкопанный. Отмахиваясь от Искендера, он вдруг наморщил нос, словно собирался зарычать, выпучил глаза, весь покраснел, после чего стал оглушительно чихать в сторону будки.

– Вот зря ты меня сейчас остановил! – сказал он, наконец, переведя дух. – Я их все равно запомнил. А завтра после школы убью обоих.

– Так прямо и убьешь? – насмешливо спросил Искендер.

– Плохо ты меня знаешь, – строго ответил мишоппа. – Родственники пусть уже халву готовят. Не веришь, сапожника спроси.

– Так нет там сапожника! Сколько помню, будка все время закрытая стоит.

– А лампочка над дверью по вечерам горит?

– Горит. И что?

– Значит и сапожник скоро появится. Зовут Арастун. Если лампочка горит, значит опять не насовсем умер, откопается и снова будет башмаки чинить. – Три раза поплевав через плечо, Абабиль заложил руки за спину и двинулся по дороге.

– Как это «откопается»? – пошел за ним следом Искендер. – Объясни!

– Хортдан он, чего тебе непонятно? А если ты хортдан, тебе в могиле полежать, как на курорт съездить.

– Издеваешься?

– Делать мне нечего, на таком холоде шутить, – обиженно буркнул мишоппа. – Что тут непонятного? Природный хортдан. Умирает, оживает, умирает, оживает, – характер у него такой. Как надоест башмаки чинить – помирает. Раньше на неделю, на две, ну – месяц максимум, потом женился на одной там, из «хорошей семьи» – не дай бог никому, – иногда на полгода уходит. А я бы на его месте совсем не выкапывался, чем с ней под одной крышей жить. Все ей мало! Дом шикарный, мебель, сама в шубе ходит, денег столько на операции тратит: то нос убавит, то прибавит чего-нибудь... Эх, брат, такая жена – сплошное разорение! Откуда только деньги берутся, не понимаю. На башмаках столько не заработаешь. Но я в их дела не лезу. Хортданы – вообще народ неприятный, сам подумай: что хорошего может быть в мертвецце, даже если он живой? Хотя Арастун парень хороший, с детства его знаю. Сколько раз на его поминках халву ел, уже и счет потерял...

– Подожди, так он зомби, что ли?

– Я тебя умоляю! – скорчил презрительную мину мишоппа. – Откуда тут зомби? Сам подумай! Для зомби климат нужен хороший, а здесь с этим ветром один чахлый хортдан еле кормится.

– А что он ест? На людей нападает? Мозги жрет или кровь сосет?

– Тьфу, скажешь такое, тошнить начинает! Насмотрелся ужасиков? На фигу ему мозги? Делать больше нечего? Ест он котлеты, долму из листьев, что там еще... суп вермишелевый. Гречку любит с говядиной. Раньше «Советский спорт» выписывал. Сейчас в лотерею играет 5/36. Может, там деньги выигрывает...? За «Манчестер Юнайтед» болеет. Обычный, короче. Я же говорю, там жена огонь! Слово ей не скажи, сразу, как газировка, через край переливается. А он наоборот: ни рыба, ни мясо. Хортдан, одним словом. Вся их порода такая. Понимаешь, и на этом свете им толком не живется, и земля их долго не держит, уж не знаю зачем. Прямо выплевывает из себя. Думаю, из-за запаха. Они же вонючие – невозможно! Даже дети их, хотя только наполовину хортданы, в смысле по отцу, а пованивают прямо дохлой

кошкой. Хоть в керосине их отмачивай. Наверное, поэтому жена у него такая нервная. От такой вони кто хочешь нервным станет. Слушай, ужас, как холодно сегодня...! – поежился мишоппа. – Зима, что ли, вернулась?

У серой девятиэтажки с окнами, напоминающими бойницы, ветер сифонил сильнее.

– У меня уши замерзли, – признался Искендер. – До дерева еще далеко?

– Чего?

– Где Карагач, спрашиваю.

– Спрятал. Отсюда далеко будет.

Обогнув высотку, вышли они к автобусной остановке, где, кутаясь в куртки и пальто, стояли несколько человек. Рядом ярко горела витрина недавно открытой ку-табной. От нее тянуло теплым запахом еды.

– Мне сегодня рано домой надо...

Мишоппа развел руки:

– А я тебя, что, держу? Иди, если надо!

– Ты же сам говорил, дело важное. Карагач...

– Т-с-с-с-с! – подозрительно оборачиваясь по сторонам, Абабиль приложил палец к посиневшим от холода губам. – Сколько тебе можно повторять! И на маршрутках уши растут, как помидоры в парниках! Не дай бог, кто услышит! Считай, все пропало тогда. За мной...!

Мелкой рысцой подобрался мишоппа к яркой витрине, прижался сбоку к стеклу лицом и стал мечтательно глядеть на высокую грудастую женщину в белом фартуке, раскатывающую за стойкой тесто для новой порции кутабов.

– Чего там? – шепотом спросил Искендер.

Абабиль оторвал лицо от витрины:

– Смотри, какая красавица! Сама, как пирожное с кремом, и тесто катает, как песню поет! Сдобная! С такой женой, братец, никакой мороз не страшен. Уже неделю на нее люблюсь. Так бы и женился не раздумывая, забрал бы к себе с ее фартуком и скалкой... – плотоядно облизнулся мишоппа, а потом вдруг душераздирающе вздохнул. – Не выйдет! Вся она в дупло не пролезет, даже если маслом ее намазать. Сам видишь, крупная какая. Нет, брат Искендер, счастья на земле! Те, кого в дупло втащить можно, мне не годятся, а кто подходит – представляешь, у нее даже гороскоп подходящий, Дева она, я узнавал, – в дерево мое не помещается. Лучшего всего про это хортданы понимают. Хоть народ и противный, но знающий. Не зря ведь Ара-стун между двумя мирами завис, чуть что, в могилу укладывается. Так и пропадай, бедный Абабиль! Ни тебе жены с правильным гороскопом, ни кутабов с мясом и зеленью. Слушай, раз мы уже здесь, продрогли совсем, давай зайдем, хоть чаю попьем, заодно про дела поговорим, лучше же, чем на улице торчать? Сегодня я приглашаю! Ты кутабы любишь?

– Люблю.

– Ну, вот и здорово! Давай, давай, – засеменил он ко входу, – от холода мозги не в ту сторону работают!

Однако, ухватившись за ручку входной двери, мишоппа вдруг заволновался:

– У тебя сколько с собой денег? Чтоб знать, как заказывать... Не хочу перед красавицей лохом выглядеть. Возьмем по четыре с зеленью и четыре с мясом...

– Ты же сам пригласил? – удивился Искендер. – Нет у меня денег.

– Как, совсем, что ли?

– Совсем.

– Ни маната? – возмутился мишоппа. – Ты, что, из дома пустой вышел? А если ногу сломаешь, если умирающему человеку срочно кутаб понадобится, тогда как? Ложись и помирай? Неужели ничего нет? Да я отдам потом!

– Честно нет. Пустые карманы.

– Связался я с тобой на свою голову! – разочарованно топнул ногой Абабиль и, выпустив дверную ручку, опять прильнул к витрине. – Прямо нет мне счастья, как с тобой познакомился! Ведьма следопытов за мной шлет, кошки по всему микрорайону гоняют, у Мовсюма давление... Смотри, смотри, она начинку уже положила, с горкой, гляди, как края ловко заворачивает, сейчас жарить начнет... Ну, просто поэма, а не женщина! Кому такая достанется, горя знать не будет. Эх, брат, не могу на это без слез смотреть, пошли отсюда, пока организм совсем не испортился...!

Отпрянув от витрины кутабной, мишоппа, насколько позволяли его короткие ноги, решительно зашагал прочь, сердито волоча по асфальту закатанные обшлаги джинсов. Зачем-то направился он обратно к девятиэтажке.

– Куда теперь, Абабиль?

Но мишоппа не ответил. Дойдя до подъезда, рванул на себя железную дверь. Дверь оказалась запертой.

– Ну, что за мерзавцы! Везде замков с домофонами понаставили! – проворчал он злобно. – Попасть никуда невозможно... Хотя через дымоход лезь...

– А здесь есть дымоходы?

– ...да у них и дымоходов-то нет. Боятся за свое барахло... – Сдвинув шапочку на макушку, мишоппа набрал трехзначный номер на домофоне. Из динамиков стали слышны вызывные гудки. Он приблизил лицо к динамику, но ему так и не ответили.

– Пожалуйста! Барахло свое заперли, а сами дома не сидят! Вот, спрашивается, чего им дома не сидится? В такой-то холод! Холодильник полный, доставай и ешь, что хочешь! По телевизору каждый день все пляшут и поют. Им же, как мишоппе, за куском хлеба по всему микрорайону гоняться не надо! Хлеб сам им в рот лезет. Еще и с сыром. До праздника всего три дня осталось...! А у меня дома пусто, как у индоута в голове. Ты ведь знаешь, что скоро Первый Вторник?

Искендер кивнул.

Первый Вторник – Водяной!

Как же тут не знать, когда все улицы, все магазины обклеены рекламными уведомлениями о предпраздничных скидках? Когда по телевизору каждый вечер крутят концерты и старые фильмы, когда соседи, встречаясь, не говорят, как обычно, «здрасьте», а говорят «с наступающим», и Марьям-ханым, кажется, уже и ночами от духовки не отходит, как всегда, внуков ждет, которые к ней на праздники то ли летят, то ли плывут, то ли едут. Весь подъезд ее стряпней благоухает. Печет для внуков, а приносит им. Каждый день на кухне свежая выпечка: в тарелках, вазочках, на подносах, даже в кастрюлях – никогда столько не было. Им и не съесть столько. Да и какой, спрашивается, тут может быть аппетит?

Набрал мишоппа другой номер. На этот раз ответил им женский голос:

– Кто там?

Абабиль откашлялся, сказал басовито:

– Ханым, с наступающим праздником! Извините, что беспокою, я из водяной конторы. Принес счета. Откройте, пожалуйста.

– Опять счета? Только и знают, что счета таскать... – проворчала женщина. – Чтоб вы провалились со своими счетами!

Замок, тем не менее, щелкнул, и мишоппа, воровато оглядываясь, проскользнул в полутемный подъезд. Следом вошел и Искендер. Подъезд как подъезд. Грязно, но не так холодно, как снаружи.

– Абабиль, чего мы сюда пришли? – тихо спросил он. – Ты, что... воровать собрался? Тогда я уйду.

Мишоппа, который, поднявшись на две ступеньки, разглядывал через перила верхний пролет, обернулся к нему:

– Как же тебе не стыдно такое говорить! Я думал, у тебя голова на плечах, а не кастрюля с хинкалом! Чтоб я умер! Никто меня еще так не обижал! – от возмущен-

ния его даже немного перекосило. – Ты хоть думай, что говоришь! Какое воровство в такой холод? Какой дурак в такую погоду воровать выйдет, я тебя спрашиваю? Мы, что, чукчи? Дурак ты, Искендер, хоть имя у тебя и хорошее. У меня, между прочим, уши больше твоего застыли...

Он приподнял шапочку и по очереди продемонстрировал свои большие пунцовые уши.

– А ты говоришь, воровать! С такими ушами под одеяло бы залезть, а не по подъездам рыскать! За километр же видно! Сразу же и попадешься...

– А чего мы тогда тут делаем?

Мишоппа надел шапочку, сел на ступеньку:

– Вот ты странный человек! Сам же сказал – домой надо!

– Ну?

– «Ну...?» – передразнил его Абабиль. – Так нам же поговорить сначала надо!

На улице стоять сил нету...

– Я думал, мы к тебе пойдем.

– Думал он! А я тебя приглашал? У меня, между прочим, после вчерашнего еще не убрано. А к празднику все должно быть чисто, вымыто, выскоблено...Всю ночь от кошек бегал! Бардак в дереве сейчас такой, что плакать хочется. Ты, между прочим, даже не спросил, как это мы от тварей этих убежали. На самой последней скорости! Бедный Карагач до сих пор трещит, остывает. Чуть двигатель не вскипел. Веток потерял столько, – принялся он жалобно канючить. – А все из-за тебя! Про дядю я уже не говорю. Полбанки сухой мяты израсходовал на его клизмы успокоительные! В гости он, видите ли, собрался. У меня, что, караван-сарай? Кто хочет, заходи, бери, что надо? А сам мне кутаба пожалел...

– Ладно, – сказал Искендер примирительно, – не обижайся... Куплю я тебе кутаб. Когда деньги будут. Или лучше пахлаву принесу из дома. Хочешь?

Мишоппа утер слезу и шумно высморкался в свою шапочку.

– Пахлава – это хорошо. Только зачем она мне теперь? С гайморитом? Пожалуйста! Радуйся. Сопли уже совсем зеленые, как свежий портулак... – продемонстрировал он шапочку Искендеру, после чего расстегнул куртку и стал шупать живот. – Ой, заболел я! Слягу совсем... Как сердце бьется! Прямо сейчас из живота выпрыгнет! Если слягу, кто за деревом моим смотреть станет? Пропадет ведь! Кошки растащат, гусеницы подьедят... У тебя дома медвежьего сала нет? Грамм сто хотя бы?

– Откуда?

Мишоппа всхлипнул:

– Конечно, нет! Чего я, идиот, спрашиваю! По нынешним временам, у медведя самого сала не выпросишь, все умные стали...

Искендер опустился рядом на ступеньку ниже, примирительно пихнул мишоппу локтем:

– Если медведя встречу, выпрошу для тебя. Ну, теперь расскажешь, что делать надо?

– Черт с ним, с медведем. Лучше про пахлаву не забудь. Сам сказал. Будет чем бедному мишоппе на праздник закусить.

– Не забуду.

– Ладно, – понизил голос до шепота Абабиль, – дело сложное оказалось. Сложнее, чем я думал. Кебире эта...

Выпучив глаза, он оглянулся по сторонам:

– ...пауков нет?

– Каких пауков?

– Любых! Ты наверх смотри, они по трещинам прячутся...

– Нету никаких пауков.

Обдавая его запахом огурца, Абабиль наклонился к его уху:

– Кебире, гадина, свое дело знает хорошо. Такую заразу навела, что маме твоей, братец, долго не жить. Но ты не бойся, слышишь? Мы с тобой это поправим. Теперь знаем, как. А это уже полдела, как говорится. Карагачу спасибо скажи. Клянись могилой матери, я эту поганую стерву когда-нибудь сам изведу! Сколько лет с ней мучаюсь...

– А ты, что, ее раньше знал? – подозрительно спросил Искендер.

– Потом, потом! – отмахнулся мишоппа. – Сейчас слушай, чего сделать надо. Внимательно! Значит, на самый последний Вторник, то есть – Земляной, через четыре недели, испечем мы с тобой, брат, молочный хлебец. И вот мама твоя на праздник до полудня должна будет его весь съесть. Понял?

Он торжествующе посмотрел на Искендера, но тот, вместо того, чтобы обрадоваться, почему-то нахмурился, потемнел лицом, отвел глаза в сторону: понятное дело, что еще за глупость? Кто этому поверит? Если было бы так все просто...

– Что молчишь? – беспокойно заерзал на холодной ступеньке мишоппа. – Почему не радуешься...? Ты дослушай до конца, потом физиономию корчи! Рта не даешь раскрыть. Тут ведь все дело в том, из чего мы тесто замешивать будем! Соображаешь, семимесячный?

– Чего это я семимесячный? – холодно спросил Искендер, отвернувшись от загадочно улыбающегося мишоппы.

– А то, что терпения у тебя еще меньше, чем денег! И потому тяжело тебе в жизни придется. Чтобы быть богатым и красивым, нужно или то иметь, или другое... Это не паук там случайно...? – спросил он вдруг испуганно, показывая пальцем на бетонное перекрытие.

– Нет никого, – буркнул Искендер. – Старая паутина.

– Все равно на ухо скажу... – Абабиль сполз задницей на ступеньку Искендера. – Первым по рецепту идет молоко, а то, которое нам нужно, только раз в году и можно набрать. На Водяной Вторник. Поэтому другого шанса не будет. Понял? Если облажаемся, считай, – все дело загубим.

– Как это «набрать»? – прошептал в ответ Искендер.

– Завтра все своим ходом узнаешь, – подмигнул ему Абабиль. – Вечером, часам к шести, приходи к Карагачу. Оттуда, значит, и поедем.

– Как я из дома вечером выберусь?

– Ну, это уже твои дела, братец! Крутись, как можешь. Не придешь – не обижусь. Мне никого спасать не надо. Да, чуть не забыл, если придешь – деньги принеси. – Мишоппа задумался на секунду. – Двадцать манатов.

– А как же моя сдача?

– Опять он за свое! Да отдам я тебе твою сдачу, ты лучше про завтра думай... Врать не буду, это только так кажется, что дело простое будет...

В этот момент где-то на верхнем этаже лязгнул дверной засов, открылась дверь, послышались далекие голоса, а еще через мгновение загудело в шахте лифта. Кряхтя, Абабиль поднялся на ноги, отряхнулся, застегнул куртку.

– Короче, давай расходиться! Беги домой. Завтра буду ждать. А не придешь... – почесав лоб, мишоппа вздохнул, – ...так тому и быть. Может, потом еще где встретимся. Город тесный.

– Подожди, подожди, а где дерево... я же не знаю!

– Ну, правильно, на то и спрятано, чтобы не нашли. Сейчас объясню...

И объяснил. На том они и разбежались. Абабиль отправился куда-то по своим мишоппинским делам, а Искендер, как и было сказано, – напрямик домой. И оба, прощаясь у двери подъезда, увы, совершенно не обратили внимания на сутулого носастого гражданина, который только вышел в этот момент из кутабной. На голове у него блином лежала твидовая кепка, тощая шея была обмотана в два раза мохеровым шарфом, а руки он держал в карманах пальто.

Совсем неудивительно, что ни Абабиль, ни Искендер даже не взглянули на него. Мало ли кто закусывает в кутабных? В такую погоду туда ходят и доктора, и их пациенты, и квартирные маклеры, и водители такси, и просто случайные прохожие. Даже домохозяйки, когда им лень лепить кутабы самим. Были бы с собой деньги, среди посетителей мог оказаться и жуликоватый мишоппа из Карагача. Что с того? Ну, а носастых у нас, между прочим, хоть вагонами грузи. Этим не удивишь. Однако было в этом гражданине и кое-что примечательное. Двинувшись вверх по улице «20 Января», зашагал он не как все остальные, пряча лицо от встречного ветра, а наоборот, выставив как можно дальше вперед свой выдающийся длинный нос, на кончике которого на холоде багровел довольно заметный рубец. При этом из этого рубца во все стороны шипами торчали черные волоски. Разумеется, это был Лятиф. Единственный официальный ботаник во всем 4-м микрорайоне.

Волосы у него на носу полезли сразу, как сошел гнойный чирей. Только его, наконец, прорвало, как из незарубцевавшейся раны стали расти волосы. И так густо. Ясное дело, что Лятифу это сразу не понравилось. Кому такое понравится? Вместо усов щетка на носу. Он и раньше-то не отличался особой красотой, а тут прямо хоть из дома не выходи! Пробовал Лятиф их дергать пинцетом, больно до слез, криком кричал, но выхода-то нет. Дергал, дергал, а они на вид тоненькие, хрупкие, но не рвутся ни в какую, будто проволока, только закручиваются в спирали. А это, между прочим, еще хуже! Люди скажут: мало того, что волосы на носу отрастил, так еще и завивает их. Иди потом объясняй каждому встречному. По совету супруги, у которой, кстати, нос был никак не меньше, попробовал Лятиф нос распаривать. Вскипятили кастрюльку воды, заварили в ней всяких лечебных трав: от подорожника до ромашки, дали чуть остыть, а потом он в воду нос свой сунул, и как бы не было горячо, корчился, но терпел. Полчаса терпел. Нос почти вкрутую сварился: распух, покраснел, но волоски отвратные мягче не стали, наоборот – огрубели, в настоящую щетину превратились. Но не это главное. Примерно на второй день после распаривания с утра пораньше стоял несчастный Лятиф в ванной, так и сяк в зеркале под разными углами рассматривал свой многострадальный нос, как вдруг почувствовал резкий запах гвоздики.

«Что это ты вздумала чай с гвоздикой заваривать? – крикнул он злобно своей тощей супруге. – Я такой пить не буду! Я ее терпеть не могу! Ты же знаешь!»

В ответ тишина. Бросился он на кухню, а ее, оказывается, даже дома нет! Выскочила за хлебом к завтраку! И заварной чайник холодный. Откуда же тогда этот мерзкий запах гвоздики? И такой отчетливый? Сел Лятиф на табурет в кухне, принюхался хорошенько: и тут прямо как волной накрыло – запахи отовсюду полезли! Самые разные. Яичница, нарезанные помидоры, духи, мыло, машинное масло – чего только нет! И приятные, и самые отвратительные, какие только бывают, – лезут из всех щелей! По силе все разные, одни прямо в голову шибают, другие как будто далеко, но все равно каждый тянется в его широкие ноздри. Дальше – больше. На следующий день научился Лятиф отличать мятную пасту одной фирмы от другой такой же. Вот до чего дело дошло! Или, скажем, соседка на втором этаже режет морковь для супа, а во втором подъезде на 3-м этаже морковь на терке трут. Казалось бы, те же самые корнеплоды, соответственно, и пахнуть должны одинаково, а Лятиф уже точно знает, одни куплены в лавке Асифа и Васифа, а другие – в «Нептуне» на углу. Нюх сделался, как у собаки охотничьей! Или как у медведя. Он, говорят, на три километра чувствовать может.

Короче говоря, то ли из-за чирья, а скорее всего, думаю я, из-за этих проклятых волосков, научился Лятиф различать запахи, как никто другой. Но радости ему от этого мало. Жизнь его стала теперь почти невыносимой. Кому охота знать, что рядом кто-то тушит бараньи ребрышки с айвой, а у тебя на кухне супруга все никак не разделает курицу для вермишелевого супа? Или что один из котов гадалки только

что бессовестно напрудил на коврик у квартиры участкового? Или что у Газанфара из пивного бара рядом с остановкой ушные пробки, а с ужином он ел маринованный чеснок? Это же мучение одно, если подумать! Ночью спать совершенно невозможно, запахи лезут в нос, мешают отключиться. Что уж говорить про автобусы и маршрутки – из дома, считай, выйти невозможно. И всякое уважение к людям пропадает. А ведь это нехорошо! Особенно, если начальство. Вызывает, скажем, Лятифа начальник – человек пожилой, солидный, усатый, как положено, щеки гладко выбриты, попробуй, поспорь с ним – одними бровями в ужас вгоняет! Дает он поручение, так, мол, и так, а Лятиф слушает только вполуха. Как же слушать, когда знаешь: щеки он мазал кремом «Арко», обрызгался разливным одеколоном – 12 манатов за бутылку, душ принимал последний раз в среду, на завтрак ел яичницу с помидорами с заводским хлебом и брынзой, и при всем уважении – не мешало бы ему уже сменить носки! Неделю носит. И с желудком, кажется, не все в порядке. Мучение, одним словом!

Раньше до чирья мечтал Лятиф только о двух вещах: поскорее выйти в отпуск, чтобы съездить на родину в Сабирабад, отъестся арбузами и денег накопить на второй туалет в квартире, чтобы по утрам в очереди не ждать. А тут какой к чертям Сабирабад с таким носом! Про туалет я уже молчу, и с одним-то в квартире ему не продохнуть, а появится второй – организм не выдержит.

Долго он привыкал, но, в конце концов, человек – не собака, ко всему приспосабливается. Вот и он приспособился. Стал нос ватой затыкать. Из ваты шарик скапает, густо вазелином обмажет и в каждую ноздрю чуть не до самых бровей натолкает. Некрасиво, а что делать? Жить надо, на работу ходить нужно, вот и приходится. Жил бы так он, наверное, и дальше, проклиная свою судьбу, если бы не участковый. Он-то и рассказал Лятифу о поручении гадалки, о том, что нюх у него не просто так прорезался. Лятиф сначала, конечно, не поверил. Участковый – человек уважаемый, слов нет. Почти начальство, но все-таки стыдно кандидату биологических наук в гадалкины заговоры верить. А с другой стороны посмотреть – все как будто сходится. Долго маялся несчастный Лятиф, пока к Кебире сам на поклон не пошел. Да и так, тайком, чтобы соседи не видели. Ну, она ему то же самое, что и Гюльхошу Мамедовичу, сказала, найдешь, мол, Карагач, и все у тебя станет, как раньше. Даже еще лучше. Будешь жить без вони.

«Как же я это дерево найду?» – спросил он уныло.

«Не знаю. Ты же ботаник, вот и ищи! – потом еще так глумливо усмехнулась и добавила: – Нос свой используй, он у тебя вон какой!»

Какая же все-таки мерзкая гадина!

Попробуй найди это проклятое дерево, даже если ты обычную чинару на расстоянии от финиковой пальмы по одному запаху отличить можешь. Чтобы Карагач унюхать, нужно точно знать, как он пахнет! А где Лятиф его видел? Только на фотографии. Вот и ходил он по микрорайону как неприкаянный, тыкался, будто слепой котенок, повсюду. Каких только самых ужасных запахов не натерпелся он за это время, лучше и не вспоминать. А сколько тайн про соседней разноухал? Таких, что и сказать не всегда удобно. От этого Лятиф разуверился в людях еще больше прежнего. Наверное, так бы и ходил он до сих пор, дичал постепенно, если бы не та памятная ночь, когда дерево само к Искендеру под окно прискакало. Утром, когда участкового нашли, ботаник первым обломанные ветки на дороге за приметил. Ветки Карагача. Обнюхал одну из них и сразу все понял. Пахла она по-особому, как никакое другое дерево из ему известных. От запаха этого даже измученной душе Лятифа на минуту легче сделалось. Пахла она, как целый лес сразу, концентрированно, мощно, прохладно, влажно, землей и корнями, какой-то древесной пряностью. Словами, пожалуй, не объяснить. Одно плохо – запах Карагача исчезает быстро. Мимолетный очень. Испаряется быстрее самых тонких духов, забивает его сразу уличный смрад...

...Выбрался он из кутабной, запахнул пальто поплотнее, застегнулся на все пуговицы сверху донизу, сделал несколько шагов по тротуару, прикрывая нос ладонью, чтобы было незаметно, вытянул из ноздрей ватные шарики с вазелином и принюхался к холодному микрорайонскому ветру. Вдруг сегодня повезет, в пятницу, говорят, везет даже самым невезучим.

Так и есть! У Лятифа глаза из головы от радости чуть не повылазили: точно, Карагач! Аромат еще не успел пропасть! Где-то совсем рядом! От волнения руки затряслись. Вот же он, еще висит тоненькой струйкой среди всех остальных запахов: машин, еды, луж, курток, пота, асфальта, подвалов...

Здрав нос кверху, побежал он следом, уже не думая о том, что скажут прохожие, словно кто-то тянул его на невидимой веревке за его длинный нос. Запах то становится ближе, то почти исчезает, главное – не потерять его совсем, не отвлекаться ни на что постороннее. Свернул Лятиф в какую-то подворотню, чуть не упал, споткнувшись на колдобине, пробежал мимо школы, между домами, выскочил опять на улицу, а там магазинчики, кафе, людей полно. Хотя и холодно, но им все нипочем, празднично шатаются себе от одной витрины к другой, примериваются к скидкам. И главное, ходят медленно, не ходят, а прогуливаются. Хотелось Лятифу крикнуть: «Прочь с дороги, не видите – по следу иду!», но кричать, ясное дело, нельзя, можно и по шее получить, еще и за сумасшедшего примут. А запах как будто ближе теперь, отчетливее, только бы не упустить! Пробежал он еще несколько метров, петляя между прохожими, и только тогда сообразил: запах Карагача идет от того махонького человека в лыжной шапочке впереди. Сам он маленький, лилипут, а куртка на нем непомерно большая, темно-зеленая со множеством карманов. Точно такая, какую описывала соседка из 22А, у которой торнадо утащило одежду с веревки.

«Вот ты и попался! Сейчас я его!» – подумал Лятиф и рванул за мишоппой вприпрыжку.

Глава восьмая

Первый Вторник

(Вода)

Вторников на календаре сколько угодно. Не меньше 52 штук, по числу недель в году, а это, согласитесь, немало. Приходят и уходят они своим чередом, меняются с понедельниками и средами без всяких проблем. И часто про них и сказать-то нечего. Ну, вторник и вторник, ничуть не хуже какого-нибудь четверга. «Какой сегодня день недели, – спрашиваете вы, – вторник? А, ну ладно. А я думал, уже пятница!» Переставь дни местами, мало кто заметит разницу.

Так-то оно и так, но не совсем: четыре вторника весной – дни особые. И не замечать их – себе дороже. Пропустишь только один, и не известно, чем все обернется. Хорошо, что эти особые вторники все приходятся на один и тот же месяц. Март, конечно. И тут уж не зевай: на самый Первый, Водяной, дома приберись, не забудь водой на праздничную скатерть побрызгать. На Второй, Огненный, положено огонь разводиться. Хочешь, прыгай через костер, хочешь так, стой в сторонке, – это уже на твое усмотрение. На Третий – обязательно зажги свечи и следи, чтобы не погасли до полуночи, это самый темный вторник – Вторник Ветра. Ну а к Четвертому нужно прорасти на тарелке пшеницу. Вторник Земли. Правила нехитрые, симпатичные, делаете все, как надо, вреда точно не будет. А если что непонятно, обращайтесь за советом к Марьям-ханым напрямую, адрес найдете в ее инстаграме. И на фейсбуке она есть. Первая консультация, кстати, бесплатно.

А пока обратно к Искендеру. О том, как выскользнул он из дома вечером на первый по счету Вторник Воды, когда приличные люди уже потихоньку праздновать начали, во дворах петардами балуются, а кое-где раньше времени костры развели. Наврал он, конечно, чтобы выпустили, а что делать? Еще и стащил обещанной пахлавой для мишоппы, из тех, что Марьям-ханым с избытком их снабжала.

До стройки, где ждал его мишоппа, бежать было прилично. Сколько его шагом, не скажу точно, но, думаю, минут пятнадцать, не меньше. Хорошо еще, что ветер, налетевший с понедельника, побушевал ночью и к празднику улегся. Только кусачий холод от него остался. Зато на темном небе с одного края густо проступили звезды. Белые, крупные, как зубы голливудских актеров. А с другого аккуратно так повис рогатый месяц, совсем молодой еще, на вид не толще волоса. В такое время, скажу вам, лучше всего наблюдать за всем с крыши. Над тобой звезды, внизу во дворе сумасшедший фейерверк, не поймешь, то ли война началась, то ли победный салют - оглохнуть можно. И всех эти хлопнушки раздражают. Домашние собаки воют, кошки, даже черные, по углам прячутся, соседи ворчат: «Чтоб руки отсохли у тех, кто из Китая эту заразу везет». Только, по правде говоря, мне лично нравятся взлетающие в небо петарды. Смотришь с замиранием, как она опасно шипит, рвется ввысь, преодолевая земную тяжесть, и вдруг взрывается над тобой цветными искрами. Будто вспыхивают и гаснут новые звезды. И сразу становится понятно – праздник же! Завтра опять станет буднично и скучно. Будут сигналить машины, гудеть автобусы, топтать под балконами прохожие, ну, а сегодня совсем другое дело. Сегодня можно и потерпеть. Вон, даже Гюльхош Мамедович во сне счастливо улыбается. Значит, доволен. Перенесли его из спальни в гостиную, надели на него новый спортивный костюм, чтобы был в обнове в праздничный вечер, и уложили за накрытый стол. Лежит он себе на диване, под головой три синтепоновые подушки, напротив чинно по росту сидят сыновья, наследники, так сказать, и тоже в новых спортивных костюмах, на груди у участкового широкая салфетка, жует, причмокивает во сне от удовольствия, аж ногой подрыгивает, а Гюльбадам-ханым ко рту ему осторожно следующую ложку плова с пряной бараниной подносит. Ни забот у него, ни хлопот. Вот если бы он еще за крепкий сон зарплату получал...

– Проснулся бы уже...сомнамбула! – цедит сквозь зубы Гюльбадам-ханым. Сомнамбула – слово непривычное, странное, но похоже на медицинское. Это ей Лятиф подсказал. И теперь, если кто спрашивается о здоровье Гюльхоша Мамедовича, она тихо вздыхает, глаза платочком трет и говорит: «Сомнамбула у него образовалась, сглазили моего Гюльхоша», – и все как будто понятно становится. А за окном взрывается очередная петарда – хоть и с набитым ртом, но широко улыбается Гюльхош Мамедович. Даже спящий знает – праздник! А раз праздник – поднесли ему рюмку водки. Врач не запрещает. Он, глаз не открывая, ее залпом опрокинул, соленым огурцом похрустел и, довольный, крякнул по-утиному.

Холодно на крыше, со двора тянет дымком от костров, из квартир – едой, а ты один здесь, все видно, и никто не мешает рассказывать, как Искендер, сломя голову, несется вверх по улице имени писателя Мир Джалала. Пакет с пахлавой спрятал в карман. Уже и ноги болят, и жарко ему, но темпа не сбавляет. Это не в школу опоздать. Тут дело серьезное. Если верить мишоппе, сегодня единственное время в году, упустить нельзя.

Однако, добежав до «Браво», он все-таки остановился на минуту дух перевести. Очень уж запыхался, даже в бок закололо. Отсюда недалеко: сейчас свернуть направо в переулок, пробежать еще только один квартал и дальше, вокруг резервуара, где начинается 9-й микрорайон.

У супермаркета было оживленно. То и дело открывались стеклянные двери, впуская и выпуская покупателей. А там, где, ухватившись за бок, стоял Искендер, – на противоположной стороне улицы, – прохожих совсем не было.

За все это время мимо прошла лишь одна пара под ручку. Но зато какая колоритная! Он такой щуплый, в старомодном коричневом пальто, в круглых очках с толстыми, как стаканы, линзами, и вдобавок в широкополой фетровой шляпе. Такие вроде давно не носят, только в фильмах увидишь. А он в шляпе. Под цвет пальто. А сколько ж ему лет? На вид точно старше отца Искендера. Усики с проседью, лохматые брови толщиной в два пальца. То, что он в шляпе, – только полдела. Нравится человеку так ходить, что с того? А вот обувь на нем....Искендер же стоял полусогнувшись, и натурально сначала увидел башмаки, а уж потом, подняв голову, стал разглядывать его всего. Башмаки были у него, скажем прямо, странные. Сплошь в заплатках. И на носу, и по бокам, и сверху, так что от бесконечных починок сделались совершенно бесформенными. Непонятно даже, что это такое было изначально – костюмные ли туфли, мокасины, ботинки, полусапожки или какие-то невероятные калоши. Честно говоря, их бы выбросить на помойку, а не по улице с красивой дамой под ручку разгуливать. В таких башмаках, пожалуй, даже мишоппа ходить не станет. Побрезгует. Или втюхает их кому-нибудь по случаю, или спрячет в свой бездонный сундук с ворованным бельем. А этот их еще и кремом натер, новыми шнурками зашнуровал, блестят они при свете фонаря так, что каждая заплатка по-разному играет. Дамочка рядом в шикарной шубе, между прочим. Она и ростом повыше, и намного крупнее, и сапоги на ней самые модные. Под мышкой мужчина нес большую коробку конфет. Судя по всему, в гости собрались. Шли они себе не спеша, как по бульвару. Мужчина на Искендера никакого внимания не обратил, а дамочка глянула мельком и отвернулась. И тут кавалер вежливо так у нее спрашивает:

– Дорогая моя, ты не замерзла?

Дамочка жеманно в ответ ему:

– Нет, шуба теплая. Не зря столько денег отвалили. Только нос пощипывает.

Цирк! Так только в старых кино разговаривают. Никогда Искендер не слышал, чтобы отец говорил маме «дорогая». Да и никто, наверное, так не разговаривает. Уж бабушка Секине насколько древняя была со своим чемоданом, и то ни к кому «дорогой» или «дорогая» не обращалась.

– Не проголодалась? – опять он ее спрашивает, и по голосу чувствуется, что волнуется, полез в карман пальто, чуть не уронил коробку с шоколадом, достал что-то завернутое в бумагу. – Хочешь бутерброд с зеленым луком? Как ты любишь?

– Фу! – сказала она и кокетливо поморщилась. – Мы же в гости идем, нехорошо луком пахнуть...

Не успели они еще пройти мимо, мужчина сверток обратно в карман опустил, и вдруг такой вонью от них потянуло, что просто нос затыкай! До того, вроде, не пахло. Или ветерок встречный вонь отгонял, а тут прямо в голову шибануло! Запах отвратительный, пахнет чем-то таким... сразу и не сообразишь. Дохлой кошкой, что ли? Гнилью! Самая ужасная помойка так не пахнет!

– Может, возьмем такси, дорогая? – спрашивает вонючка. – Идти еще долго, ножки твои устанут...

– Арастун, дорогой, ты такой транжира! Не стоит... Погода хорошая, давно с тобой не гуляли.

«Ни фиги себе, – догадался Искендер, – так это же, наверное, хортдан, про которого мишоппа рассказывал! Кто же еще дохлой кошкой пахнуть может!»

Хортдан замедлил шаг, достал из внутреннего кармана пальто часы на цепочке, посмотрел, головой покачал:

– Немцы потому самый развитый народ, что не опаздывают. Давай на такси, милая...

А дамочка ему в ответ уже без всякой жеманности как рявкнет:

– Подождет! Не лопнет! Ростом мне по колено, а воображает из себя...! Пусть вообще спасибо скажет, что согласились!

Хортдан сразу согласно закивал и голову в плечи втянул, будто опасаясь, что она ему залепит оплеуху.

– Тебе-то что! Бессовестный! Полгода под землей прохлаждался, пока я одна детей на себе тянула! Дыши теперь себе свежим воздухом, легкие проветривай...! Мне тут прохода не давали, лезли всякие, думали, вдова...

– Ну, опять ты... в этот раз всего четыре месяца же... Ну, что ты волнуешься, дорогая? – залепетал он заискивающе.

Дамочка в ответ только фыркнула кошкой, вырвала руку, под которую он ее держал, и быстро зацокала каблуками по асфальту прочь. Бедный хортдан бросился ее догонять.

Искендер проводил их любопытным взглядом. Прежде ему и в голову бы не пришло, что живые мертвецы могут вот так запросто по улицам прогуливаться. Интересно, к кому это они в гости собрались, на ночь глядя? Не иначе, как к другим хортданам, кто же еще таких вонючих приглашать станет?..

...Как объяснил мишоппа, Карагач должен был стоять сразу за углом резервуара на пустыре, за которым уже раскопали котлован под новую многоэтажку. Место хоть и стремное, но разобраться нетрудно.

Добежав до начала бетонной ограды, Искендер остановился: дальше асфальт заканчивался и начиналась грунтовая дорога, сплошь разьеженная грузовыми машинами, вся в глубоких рытвинах, в которые натекла грязная вода. Справа сквозь черные силуэты деревьев вдали светились окнами дома и дорога с фонарями. Но толку от этого все равно было мало. Под ногами почти ничего не видно. А что там дальше за углом? Мало ли что. Сквозняки неприятно подвывают, по спине мурашки бегают. Тут хочешь или не хочешь, а вспомнишь гадалку с ее котами. Ну, и хортданов тоже. Но идти все равно надо. Чтобы не запачкать новые кроссовки, пригнулся он немного вниз, как следопыт, нащупал в темноте взглядом ближайшую лужу, набрал в грудь воздуха и через нее махом перепрыгнул. Потом еще через одну, и так дальше, пока, наконец, как и было сказано, за углом водохранилища не открылся перед ним пустырь.

Прямо посередине увешанный гирляндами зеленых огоньков мерцал чудесный Карагач!

Огоньки то наливались густым цветом, от темно-зеленого до салатového, то постепенно тускнели, почти гасли, а потом снова расцветали – ошибиться было невозможно. И только уже добравшись до дерева, Искендер сообразил, что это не гирлянды из мерцающих лампочек, а какие-то светящиеся насекомые густо облепили всю крону Карагача. Здрава голову, Искендер принялся с интересом разглядывать их. На вид напоминали они пузатую саранчу с крошечными усиками, только очень маленькую, едва ли с ноготь величиной, а зеленый свет вспыхивал и гас в их окладистых брюшках.

Он постучал, как условились: светлячки со стрекотанием разом вспорхнули вверх, рассыпались над Карагачем праздничным фейерверком и вдруг все куда-то исчезли. Наверное, просто погасили свои маячки. Стучать нужно было коротко три раза, потом один раз, потом опять три. Итого семь раз. «Семь – правильное число, – объяснил ему тогда мишоппа, – в Большой Медведице семь звезд, можешь посчитать, на семь манатов наешься от пуза, если чихнешь семь раз подряд, не выскочит геморрой. Но если уже выскочил, то лучше все-таки не чихать совсем. А еще семь главных металлов по числу планет: луна – это серебро, Венера, значит, медь, Сатурн – свинец, а дальше не помню. Потом скажу». Объяснение было путаное, чего еще ждать от мишоппы.

В ответ на стук никто не ответил. Только таинственно шелестели листья Карагача, и было слышно, как трещат крыльями вокруг уже не видимые глазу светлячки.

– Абабиль... – тихо позвал Искендер и невольно оглянулся. От звука собственного голоса сделалось ему боязно. Хотел он постучать еще раз, но тут, к счастью, в дупле мелькнул тусклый свет и выглянул мишоппа.

– Хвоста нет? – подозрительно спросил он свистящим шепотом, слепя Искендера светом ручного фонаря.

– Какого хвоста?

– Ну, не собачьего же! Никто, говорю, не шел за тобой?

– Кажется, нет...

– Кажется ему, – проворчал мишоппа. – Когда такая темень, много чего кажется! Сам вижу, что нет.

– А чего тогда спрашиваешь?

– На всякий случай...! Полезай, давай! Время не ждет. Туда-сюда, а то Вторник кончится!

Лететь вниз в этот раз не пришлось. Спустился Искендер вовнутрь по приставной лестнице – по той же самой, по которой в прошлый раз выбирался из Карагача. Конечно, долго, зато надежно. Лестница была алюминиевая, складная и, пока они спускались, ужасно скрежетала, а Абабиль всю дорогу ворчал, что целый день прибирался, что теперь в Карагаче можно хоть свадьбу играть, хоть суп с пола кушать. И потому ничего удивительного, что внизу Искендер первым делом, без напоминания, сразу уселся на стопку старых матрасов и принялся расшнуровывать кроссовки.

– Новые, что ли? – спросил мишоппа.

– Ага...

Абабиль присел на корточки и, словно замороженный, уставился немигающим взглядом на кроссовки. При этом лицо его стало постепенно белеть, начиная с кончика носа, бывшего до этого почти бронзовым, а уши, наоборот, покраснели, будто кто-то долго выкручивал их.

– Где это ты нашел? – спросил он, наконец, с придыханием.

– Папа на праздник купил.

Мишоппа шумно сглотнул слюну.

– Хм! – покачал он головой. – У меня точно такие были. Прямо такие же! И цвет, и фасон... Еще в прошлом году. Они неудобные очень. Понимаешь, шнурков много. Смотри, как ты мучаешься. Поэтому и не ношу. На фиг нужно? Вот...

Показал он на резиновый шлепанец на ноге.

– Вездеход! Совсем другое дело! А в этих – один только день походил и сразу здоровенную мозоль на пятке натер. Сменял на ящик помидоров. И не жалею! Могу и твои обменять.

– Спасибо, обойдусь. Мне они удобные, – решительно отказался Искендер.

– Как хочешь, – скорчил Абабиль презрительную гримасу. – Потом только не жалеи. Пошли давай...

По дереву гулял мягкий, пахучий ветерок. Он волной бежал по траве, которая с прошлого раза как будто стала выше и плотнее, заворачивал в сверкающие воронки сонмы изумрудных светлячков, шелестел по кустам, обдувал закрывшиеся в крупные бутоны цветы. Поскрипывая, качались развешенная по стенам утварь, портрет Хумар Гадымовой, клетки с несушками, белье на веревках, а высоко под куполом вместо солнечной дымки теперь клубился светящийся сиреневый туман, в котором путеводными знаками вспыхивали и гасли зеленые звезды. Раздвигая траву, мишоппа двигался на свет большого электрического фонаря, который стоял на кухонном столе. Вокруг него, отбрасывая крупные тени, порхали мотыльки.

– Видишь, как заросло с прошлого раза! Весна, брат...! Только и успеваю копать... Сейчас загоним Карагач в надежное место и пойдем...

– А я думал...

– Чего ты думал? – обернулся Абабиль. Знакомый индоут, дремавший в большой клетке, подвешенной на торчащую из стены ветку, вытянул голову из-под крыла, глянул мрачно на Искендера и опять головой под крыло залез. – Думал, что мы через весь город Карагач будем гонять? С ума сошел? Это же дерево все-таки, а не такси. Людей полно! Куда с ним...? На метро поедет. А его пока спрятать надо. Я тут договорился...

Добравшись до стола, мишоппа захватил фонарь, откинул край занавески, за которой, как помнил Искендер, находилась газовая плита, и махнул ему рукой, приглашая идти следом.

Ловко, как обезьяна, он первым вскарабкался по лестнице вверх.

– Нам, братец, – сказал он, уже выглядывая со второго этажа, – теперь вместе держаться надо. Дела такие пошли, как говорится, опасные! Я тут в обед две кошки опять видел! Около резервуара крутилась, вынюхивали... Лезь быстрее!

– Эй, Абабиль, кто там еще опять на мою голову? – послышался издали голос Мовсюма.

– Искендер это, дядя! Зашел нас с праздником поздравить... Ты пахлаву обещал, принес?

– В кармане.

– Не потеряй! Дашь ему потом. Только одну. Больше не давай, даже если пропустить будет! Сахар у него семь и пять. Ужас!

– Семь и пять чего?

– Чего? – замолчал на секунду Абабиль. – А кто его знает, чего! Рена-ханым сказала, семь и пять. Она доктор. Много, наверное, раз сказала. Лезь, давай!

Второй этаж Карагача начался с узкого коридорчика. По обеим сторонам – от пола до нависающего потолка, поросшего кудрявым вьюном, – параллельно друг другу тянулись толстые ветви, напоминающие трубы в вентиляционной шахте дома 22А. И, судя по звуку, внутри них с бульканьем бежала какая-то жидкость, которая, к тому же, сочилась из трещин в коре на изгибах, там, где ветви уходили внутрь стены. Некоторые из них были обмотаны изолентой и даже выкрашены в красный цвет. Кроме того, заметил Искендер в нескольких местах водяные счетчики, огнетушитель и два больших ржавых вентиля.

– Ничего там не трогай! – предупредил его мишоппа. – Дерево старое, протекает кругом. Клапана менять надо, прокладки всякие. Вчера, вон, опять давление упало... Завтра буду его фосфатом подкармливать... Да где ты там застрял?

Небольшая комната, в которую попал Искендер из коридорчика, освещала лампочка на стене в железной сетке (значит, все-таки есть в Карагаче электричество!), которая едва горела вполнакала и неровно. От этого по кособоким стенам и низкому потолку, так же, как и в коридорчике, увитом чем-то вьющимся и пыльным, роились грубые тени. В самом центре лежала прямоугольная чугунная решетка, сквозь которую пророс колючий куст, теперь совершенно высохший и перепутанный, будто клубок шерсти, а перед торчащими из пола рычагами разной длины восседал довольный собой мишоппа в старом автомобильном кресле.

– Машинное отделение, брат! Посторонним вход строго запрещен, но друзьям всегда можно. Устраивайся там, – ухмыльнулся мишоппа, кивнув головой на дальний угол, где рядом с низенькой аркой, ведущей, кажется, в соседнюю комнату, стоял кухонный табурет. – И не забудь пристегнуться, тут с этим строго.

Табурет, между прочим, оказался намертво привинченным к полу.

Пока Искендер пытался разобраться с ремнем безопасности, Абабиль сдвинул короткий рычажок, в потолке громко ухнуло, будто лопнул пузырь, и сверху стала плавно опускаться металлическая труба с чем-то вроде бронзового колокола на конце. Когда колокол опустился почти вровень с головой Абабиля, мишоппа отпустил рычажок.

– Знаешь, что это? – спросил он.

Разумеется, Искендер мог лишь догадываться. Колокол небольшой, по-старомодному клепаный, снизу болтались изрядно потертые кожаные ремешки, по бокам и сверху из него торчали какие-то пружины, привинченные дверные ручки, приваренные болты, между которыми краской была намалевана большая буква «А».

– Ну, откуда тебе знать! А это, брат, – перископ, как на подводной лодке. Обзор сто восемьдесят градусов, видимость в хорошую погоду ровно четыреста двадцать семь моих шагов! Сам замерял. Ночью, конечно, похуже...

С помощью все того же рычажка Абабиль опустил перископ еще пониже, после чего, не снимая лыжной шапочки, ловко заправил в него голову.

– Эй, дядя, готовность номер один...! – гаркнул он. Голос его из-под колокола доносился гулко, со звенящим металлическим отливом.

– Не гони, собачий сын! – завопил ему в ответ Мовсюм из соседней комнаты, в которую вела арка, – ...тащишь в дом кого попало, дурак безмозглый...

– Поехали...!

Мишоппа взялся обеими руками за самый длинный рычаг, рукоятка которого была обмотана красной изолентой, и с видимым усилием передвинул его вперед. Из приоткрывшегося в потолке окошка хлынул ядовито-желтый свет. Он был такой насыщенный и резкий, что обжигал глаза. По дереву немедленно пробежала нервная дрожь, пол и стены завибрировали, в глубине Карагача что-то протяжно загудело, пришло в движение, от страха Искендер вжался спиной в стену.

– Работает, как часы... – орал мишоппа сквозь грохот. – С пол-оборота заводится...! Не смотри, что старое, настоящий зверь...! Слышишь меня...?

Искендер закивал, как китайский болванчик, хотя мишоппа в своем перископе видеть этого не мог. Вспыхнула лампочка в железной сетке.

– ...давление... давление проверь... – верещал Мовсюм из своей комнаты.

Между тем высохший куст, в самую середину которого и попадал льющийся с потолка свет, вдруг начал оживать. Безжизненные стебли, наливаясь соком, потянулись вверх. От них стали отпочковываться еще полупрозрачные побеги с цепкими коготками на концах, которые буквально за секунды оформлялись в мощные глянцевые отростки. Куст стремительно разрастался. Добравшись до ног мишоппы, он принялся, хищно потряхивая мясистыми листьями, оплетать их. Абабиль, хихикая под колоколом как от щекотки, рванул на себя рычаг справа: с протяжным скрипом дерево резко накренилось набок. На первом этаже что-то грохнулось, куры заклохотали, как полоумные, и если бы не пристегнутый ремень, Искендер точно бы слетел со своего табурета.

– Опрокинешь, собачий сын...! – орал дядя.

Теперь мишоппа взялся за рычаг слева. Тяжело выдирая корни из земли, Карагач послушно накренился в другую сторону. Куст пытался уцепиться усиками за перископ, но его бешено раскачивало, и коготки соскальзывали с бронзового колокола. Грохот стал еще громче, хаотичнее, шагающее дерево трясло, белым дымом летела древесная пыль, роем метались какие-то обезумевшие насекомые...

– ...давление...не гони... – пищал Мовсюм. – ...не картошку везешь... идиот проклятый...

Но мишоппа, болтаясь вправо и влево в своем перископе, будто тряпичный, не отвечал и только время от времени переставлял свои скрежещущие рычаги.

Искендеру показалось, что идут они уже целый час, не меньше. На самом же деле прошло не больше пяти минут, прежде чем Карагач с протяжным шипением, словно спустили пар из котла, остановился и, продолжая при этом вибрировать сверху до низу, глубоко осел в землю. Троекратно чихнул Мовсюм.

– Все, приехали! – сообщил мишоппа и, захлопнув отверстие в потолке, погасил ядовитый свет. Почти сразу же за этим умолкло урчание внутри Карагача.

Куст, все еще продолжая по инерции раскачиваться из стороны в сторону, прямо на глазах начал обмякать, блекнуть, листья его беспомощно обвисли, стали скукоживаться, словно из них утекла жизнь. Выбравшись из-под колокола, мишоппа отодрал от себя опутавшие его по пояс слабеющие стебли.

...Оглушенный, весь обсыпанный древесной пылью, долго лез Искендер по приставной лестнице наружу. А когда выбрался из теплого дупла на холодный мартовский воздух, сразу с дерева спрыгивать не стал, вместо этого устроился на перекрестье двух веток и стал глядеть по сторонам. Ветерок обдувал его почти лысую голову (спасибо Абабилю надо сказать!), лез за шиворот холодными мурашками. Вдали за деревьями, как и прежде, светились огнями улицы, дома, доносились звуки рвущихся петард. Приятно. Под сенью Карагача чувствуешь себя в безопасности. Не зря он похож на громадный зонтик. Листочки шелестят, будто шепчут, под ними зеленым мерцает в траве пузатая саранча. Только огромный котлован в нескольких метрах выглядит пугающим: темная дыра в земле, из которой еще что-то торчит – арматура? Рядом застыл силуэтом за широкой полоской света на земле неподвижный экскаватор. Получается, сообразил Искендер, проехали они на Карагаче с пустыря у резервуара за ограду новой стройки. Расстояние-то небольшое, но пошвыряло его здорово.

– Абабиль! Эй, Абабиль...! – забасил кто-то вдруг из темноты. – Где ты там?

Искендер сжался в комок, испуганно замер.

– Живой...?

Искендер наклонился, заглянул осторожно между ветками: у приоткрытой двери сторожки, над которой, как внимательный глаз, светился прожектор, стоял невысокий человек в оранжевом рабочем комбинезоне с дымящейся кружкой в руке.

– Иду, иду...! – отозвался из дупла мишоппа и вскоре высунул наружу голову в лыжной шапочке. – Здесь я!

– Кто это? – шепотом спросил Искендер.

– Напугал, проклятый! – шикнул на него мишоппа. – Чего ты здесь сидишь, спускайся!

– Тебя ждал...

– Внизу жди, нечего тут по Карагачу моему шастать. Ты же не кошка... – проворчал он, вытягивая за собой из дупла внушительного размера походный рюкзак. – Вахаб это, сын моей тети. Не бойся...

– Тоже мишоппа?

Сбросив рюкзак на землю, Абабиль скорчил презрительную мину:

– Я тебя умоляю, какой из него мишоппа...! Смех один... только по матери мишоппой считается, да и то в городе родился, потому делать ничего толком не умеет. А все равно, какой-никакой – свой. Так что запомни, если срочно чего надо – иди сразу к нему, он знает, где меня найти.

Ухнув, Абабиль сиганул с ветки вниз.

– Чего ждешь, давай...!

Искендер примерился и, чтобы не попасть на торчащие из земли корни, прыгнул с запасом подальше. Высота хоть и небольшая, на ногах не устоял, повалился набок. А все из-за новых кроссовок, может, и прав мишоппа, старые были удобнее. Пришлось отряхиваться.

– Эй, Абабиль, кто это там с тобой? – спросил с половины пути от сторожки Вахаб.

– Свои, Вахаб, свои! Не беспокойся... – обернувшись к Искендеру, Абабиль затараторил быстрым шепотом. – Ты, главное, молчи, не светись... Его за пословицы жена из дома выгнала, не выдержала. Сейчас здесь сторожем пристроился. А раньше был моряком. Из Баку в Красноводск ходил, пока паром не сгорел... Надень рюкзак, твоя очередь тащить!

– Родня, что ли? Я его знаю?

– Тетю мою Моминат помнишь? Так это внук ее...

Честно говоря, на моряка Вахаб не слишком походил. Впрочем, Искендер раньше и не встречал моряков. Больше всего на свете Вахаб был похож на мелкого льва, обряженного шутики ради в комбинезон с логотипом строительной компании, вышитым на кармане. Голова у него была огромная, лобастая и почти той же ширины, что и плечи, а мощные седые пряди тщательно зачесаны за уши, но топорщились сзади на манер львиной гривы.

– Моминат? Эта которая на ковре летала?

– Да нет! – всплеснул руками Абабиль. – Та тетка Эджеб, а Моминат водку гнала из хурмы и под водой умела дышать!

Наклонив голову, Вахаб внимательно оглядел Искендера, старавшегося, как было сказано, держаться в тени позади Абабиля.

– Давно ты в городе...? Лицо у тебя знакомое, как будто, – отпил он из дымящейся кружки.

– Послушай, братец, кошки не появлялись? Вчера парочка здесь крутилась, – быстро перевел разговор мишоппа. – Мерзкие такие, ты уж приглядывай без меня... Не дай ведь бог!

Вахаб кивнул, отчего львиная грива по бокам его огромной головы плавно заковылялась. Прочистив горло, произнес он глубокомысленно и с расстановкой:

– Из-за одной блохи одеяло не жгут!

– Чего? – переспросил Абабиль, но отставной моряк не ответил, а вдруг расхохотался так заливисто и громко, что с ветвей Карагача со стрекотом в темное небо взвилась светящаяся саранча. Хохотал он до слез, покраснев лицом, расплескивая чай из кружки, вытаращив глаза, и все никак не мог успокоиться. Не дожидаясь, когда у Вахаба пройдет этот приступ смеха, мишоппа без всяких церемоний хлопнул его по плечу, сказал скороговоркой:

– Ладно, мы пойдем, время поджидает, сам знаешь. А ты уж сам тут разбирайся...

Утирая рукавом слезы, Вахаб махнул рукой:

– Да идите, идите... Не беспокойся!

– За деревом приглядывай! – опять предупредил мишоппа. Увлекая за собой Искендера, он быстрым шагом направился к воротам стройки.

– Слышь, брат, – окликнул их неуемный Вахаб, – вспомнил еще одну, тебе понравится: «Сколько осла ни седлай, все равно мулом не станет!» Не прими на свой счет... ой, не могу! ...это я про гостей твоих вонючих...их хоть в одеколоне купай... Сейчас сдохну...!

Выскочили они из ворот и рванули, но не мимо резервуара, а сразу напрямик через занесенный всяким мусором овраг, лужи и кочки, к полоске деревьев, за которыми шумела и светилась улица. И опять Искендер удивился тому, как резво передвигается мишоппа на своих коротких ногах, так что в темноте он едва попевал за ним. Тут уж старайся или нет, а не запачкать новые кроссовки не получится. Особенно, когда бежать приходится с громоздким рюкзаком на плечах, из которого, кстати говоря, отчетливо разило какой-то дрянью. Только когда перебежали они дорогу, опасно выскочив на перекрестке прямо перед сигналящими машинами, на одном дыхании обогнули зеленую, как новогодняя елка, бензоколонку «Азпетрола», и на другой стороне улицы нырнули в темный двор между высотками, мишоппа немного сбавил темп.

– Ты ничего себе такого не думай! – бросил он на ходу Искендеру. Чего именно такого мог думать себе Искендер, было непонятно, но уточнять не стал, потому что все еще пытался отдышаться. Обтерев взмокшее от пота лицо шапочкой, мишоппа, как обычно, щедро предложил ее Искендеру, и тот, как обычно, отказался.

– Зря! Будешь ходить с потным лицом – зубы застудишь, – сказал Абабиль назидательно, а потом вдруг завелся с неожиданной злостью. – Я ж говорил, Вахаб только по матери мишоппа. Совсем левый, короче. Пословицы из книжки зубрит и думает, дебил, что самый умный. Лепит их где попало, и все мимо! Еще рассказывает, будто в Красноводске на пароме самого Туркменбаши катал, и тот, якобы, даже ему руку пожал. Из-за этого правую руку семь лет не мыл, представляешь...? Врет, собачий сын, как дышит! Прямо так ему Туркменбаши взял и показался, он же весь из чистого золота! Ты знал...? От носков и до прически... Его день и ночь охраняют, чтобы народ на куски не растащил!

Воровато оглянувшись по сторонам, мишоппа смачно плюнул на лобовое стекло припаркованного «мерседеса».

– Вот с такими дураками дело иметь приходится!

Они свернули за угол и снова оказались на улице Мир Джалала.

– А с другой стороны, – сказал Абабиль уже поспокойнее, – нам, брат, теперь любая помощь впрок. Даже от дебила Вахаба. Эх, кто бы у него эту книжку дурацкую отобрал...! Сил нет эти пословицы слушать...

Пройдя несколько шагов, мишоппа неожиданно остановился под уличным фонарем:

– Не хотел тебя сразу расстраивать – плохо дело, брат. Понимаешь, выходит, что унюхали нас. Засекли, то есть.

– Гадалка? – с тревожным придыханием спросил Искендер.

– Да в том-то и дело, что нет...!

Рассказ Мишоппы (№3)

Если дать мишоппе все время говорить, в книге никаких страниц не хватит! Такая уж у него порода. И потому, чтобы и другим место осталось, пропускаю все ненужное и сразу перехожу к тому моменту накануне, когда ботаник Лятиф почти догнал Абабиля.

...Я ведь ее издали заметил: валяется себе прямо на тротуаре за автобусной остановкой. И хоть кто бы обратил внимание! Полно людей вокруг, но ни один под ноги не смотрит, все гордые, как индюки в ноябре, носами в небо тычут, друг другу форс показывают или еще лучше – в телефонах на голых певич плятятся. А нам так, брат, нельзя! Нам никто кроссовки модные просто так не дарит. Думаешь, мишоппе неохота на теток поглазеть? Охота! Но от них пользы никакой, одна изжога. А народ и до этого рассеянный был, но теперь с этими интернетами совсем без ума сделался. Наглядятся всякого, размечтаются об импортной жизни и давай ронять все подряд. А бывает еще хуже: кто о столб шарахнется, кто под машину попадет, хорошо, трамваев больше нет. Осенью зубы вставные нашел. Сто процентов, у кого-то на теток слюни потекли, челюсть отвисла, зубы и слетели. Хотя, может, просто зевнул неудачно. Ну, а мне-то что? Пусть теперь без зубов форсит. А я их обтер, в салфетку завернул, спрятал. Пригодятся когда-нибудь. Ты тоже имей в виду, если кому надо – у меня есть. Недорого отдам. Подскочил я к бумажке, шлепанцем на край придавил, чтобы не улетела, нагнулся, как будто мне шнурок завязать надо – главное, никому даже в голову не придет, что на шлепанцах шнурков-то нет! Все своим заняты. Поднял бумажку, глаз-алмаз: пять манатов! С краю только к грязи присохла. Потому ее ветер и не уносит. Пять, конечно, хуже, чем десять, но лучше, чем один. И вообще, найденным манатам на цифры не смотрят. Что подобрал, то твое. Обрадовался я, деньги сразу спрятал и тут чувствую, взгляд на мне чей-то. Прямо щупает меня с ног

до головы, во все глаза вылупился! Люди мимо идут, кто обходит его, кто локтем толкает. А ему без разницы, застыл! Глаза как блюдца, а между ними носище грамм на четыреста. Серьезный носище. Удивительно, как только его ветром не разворачивает. Не нос, а прямо клюв. Еще и с каким-то наростом, типа лишая, из которого во все стороны щетина лезет! Такой лишай только хлором выжигать, больше ничего не возьмет. Даже куриный помет. На шее у него шарф, и вот он шею эту свою тощую из шарфа в мою сторону тянет что есть сил, как будто клюнуть собирается. Это я только потом сообразил, что глаза у него такие большие из-за очков. Стекла толстые. Ближнерукий, значит. А в тот момент, честно скажу, растерялся. Думаю, маньяк какой-то. Может, он на маленьких людей охотится и из них чучела делает? Фильм такой был. Может, куртка у него похожая пропала недавно. Мало ли? Может, это даже его собственная куртка, ну, не из-за пятерки же этой несчастной он на меня так вылупился? Продолжаю сидеть себе на корточках, а сам соображаю, что делать дальше. В один момент хотел даже деньги обратно бросить, пусть подавится своими пятью манатами. Но удержался. С какой стати буду я деньгами разбрасываться? Короче, уставился я на него, как он на меня: с маньяками только так и надо. Они чужого взгляда боятся. И точно, сработало! Типчик этот как понял, что я его заметил, сразу растерялся, бросился к магазину, лицом к витрине прилип, будто всю жизнь собирался покупать свадебные платья с бисером. Но встал как-то странно. Нос по-собачьи кверху задрал, на платья не смотрит, воздух нюхает, так что ноздри у него, как у лошади, раздуваются. Тут я и сообразил – не маньяк это, нет, просто нюхач!

...Э-э-э, брат! Нюхачи – это целая история. Гадость ужасная! Сейчас объясню. Ну, во-первых, они не из наших. Представь себе, живет обычный человек, никого не трогает. Какой-нибудь неприметный. Не сказать, чтобы очень умный, но и не дурак. Ест котлеты с макаронами, куриную лапшу, баллы накапливает в супермаркете, никому, вроде, не мешает. Ну, может, нос у него чуть больше обычного. А у кого он, спрашивается, в наших местах маленький? Климат, понимаешь, здесь такой, что носы у всех, как баклажаны на грядке, растут. Даже поливать не надо. Это там, где холодно, они от мороза в голову прячутся. И не известно, что еще хуже. Он же, когда внутри, полголовы занимает, чувствам простора не дает. А наши совсем наоборот! Свирепость вся сразу на лице написана. Так вот, сидит себе носатый человек, макароны на вилку накручивает, в кетчуп макает и не знает еще, что на него уже самую ужасную порчу навели! Жует и удивляется, что запахи отовсюду чувствует. И чем больше принюхивается, тем больше запахов. Откуда же ему, несчастному, взять в толк, что он в нюхача превращается! Пройдет еще день, два, четыре, и он, тьфу, как псина, будет по следу рыскать: на побегушках у того, кто на него порчу навел. Скажем, потерял ты правый носок. Дашь такому нюхачу левый, и он тебе потерянный в Африке отыщет. Ну, носок, это я так, к слову сказал. Само собой, носок и без нюхача найти можно, особенно если надетый уже. А если что важное – другое дело. Тут они незаменимы, лучше любого сыщика, землю рыть будут, главное, объясни, чего надо. Мучаются они, конечно, безмерно. Человек – все-таки не собака, какая ему радость через нос свой на мир смотреть? Это такое, брат, мучение, что не дай бог! Потяни ухо...! Ни спать, ни есть толком невозможно, весь мир воняет и пахнет по-разному. Под одеяло ночью как в индийские джунгли залезаешь. Только глаза сомкнешь, а сосед где-нибудь из холодильника колбасу достанет, отрежет кусок, а ты уже точно знаешь, сколько лет было той лошади, из которой колбасу эту сочинили. И сколько порошкового чеснока бухнули, чтобы обыкновенную крашеную сою под мясо высшего сорта замаскировать! Нос затыкай, не затыкай – попытка все равно! Ведь они, бедняги, со временем и видеть почти перестают. Не слепнут, но что-то такое в мозгу у них переключается, и вместо того, чтобы глазами вокруг смотреть, носом видеть начинают. Знал я одного, он себе ноздри бетоном залил. И что ты думаешь? Куда бы ни шел, ноги сами собой к той стройке приводили, где он бетон взял!

...Короче говоря, понял я, что за мной нюхач увязался. Но только не я ему нужен...! Сам подумай, если бы его на меня натравили, так он ждаться не стал бы, еще в подворотне бы накинулся, не хуже маньяка. Нюхач если по следу идет, его уже ничто не остановит. В мозгах, как говорится, красная лампочка мигает. А то, что он у витрины завис, притворяться начал, – значит, я ему ни к чему, просто запах на мне, сволочь, учуял! А какой такой особый запах на мне есть? Не носков же! Тут и думать не надо, Карагач он учуял! И точно, в какой-то момент шарфик он так свой незаметно приподнял, а я гляжу, из-за пазухи веточка древесная торчит...

Думаю, что делать? Понятное дело, к Карагачу с нюхачом не сунешься. Ладно, попробую убежать. Пошел я медленно, руки в карманы сунул, как будто не догадываюсь, чего он все ноздри свои раздувает. Прошел немного по улице, он за мной пристроился. Шагов десять от меня позади. Я к магазину, и он туда же, дорогу перейду – он за мной, скорость прибавлю, и он вскачь пускается. И что ни делаю, висит на хвосте и все, как приклеенный. Я его и вниз, и вверх гонял, и мимо школы твоей водил, и к метро, не отстает, проклятый. Я уже сам выдохаться начал, сколько же можно по этим дурацким микрорайонам носиться! Пятки до волдырей стер, замерз, живот бурчит, кушать просит, а ничего поделывать не могу. Подумал: чего я в самом деле разбежался, если он на запах идет? Куда хочешь беги, все равно найдет. Тут по уму действовать надо, хитростью взять. Уже и темнеть начало, в окнах огни загораются, вернулся я кругами к девятиэтажке, где мы с тобой разговаривали, зашел в кутабную. И все не спеша, с расстановкой, раз уж такое дело. Сел у окна, заказал себе кутабов на пять манатов: с мясом и зеленью, сок. Еще и сдача осталась. Поел. Солонку в карман незаметно опорожнил, а что? Соли никогда много не бывает. Нюхач сзади в углу пристроился, затылок мне глазами проезжает, нос в шарф закутал. Видно, что неприятно ему в кутабной сидеть, запахов в маленьком помещении много: народ входит и выходит, и каждый со своей вонью, кутабы жарятся, тут же тесто раскатывают, на кухне лук в мясо машинкой давят, женщина красивая у печи потеет, из туалета тянет – мне-то плевать, а ему все носом слышно. И тут уж меня на сытый живот осенило! Ага, думаю, сейчас я тебе, брат-нюхач, устройю веселую жизнь! Быстро у меня отучишься за Карагачем моим бегать! Прямо на душе посветлело! И куда, думаешь, пошел я? Никогда не догадаешься! Хоть сто лет думай, потому что ты не мишоппа, думать по-нашему не привык!

...Короче, сидел еще, погрелся, носки под столом скинул, чтобы вони побольше было. Ну а как совсем стемнело, вышел. Нюхач, конечно, за мной, на холодный ветер, нос свой красный от запахов остудить. И пошли мы как поводырь с ослom, только вместо веревки – запах Карагача. Оба устали, само собой. Еще и моросить начало. Но охота есть охота.

Знаешь частные дома через дорогу от парка...? Когда идешь вниз к ресторану? Вот туда я и направился. Спроси, почему? А потому, что там живет Афлатун со своей мадамой! Тот самый... Дом у него роскошный, в полтора этажа! Окнами прямо на машинный мост выходит. Откуда только деньги берутся, не пойму! Чем эти хортданы под землей занимаются, не просто же червей кормят? Может, они клады ищут. Или коронки золотые у покойников выковыривают. Поди знай...Это у американского зомби, кроме гнилого ливера, ничего нет, а у нашего хортдана и подвал утепленный, и мебель турецкая, и телевизор на полстены, и жена вся в мехах не хуже любой депутатши. Дело, в общем, темное. То, что на дом и на шубы он не башмаками насобирал, точно! А мне что...? Он хоть и вонючка, каких свет не видывал, но я его уважаю. Потому что пока болван Вахаб в телефоне тик-токи смотрит, Афлатун деньги зарабатывает. У него и телефона-то нет, и тетки чужие ему не нужны, своя имеется не хуже. Ее и обхаживает. Кстати, еще Сталина очень уважает. Потому что Сталин гулябаны был. А они с хортданами хотя и дальние, но родственники. Такая же пацость. Афлатун и мадаму свою из Гори привез, где Сталин родился...

Значит, иду я к его дому не спеша, можно сказать, – вразвалочку, и чем ближе подхожу, тем сильнее нюхач у меня за спиную корчиться начинает. Я-то запах хортдана еще не чувствую, у меня же нюх стандартный, да еще на таком холоде из носа льет, как из крана, а нюхача уже, видать, пронимает вовсю. Но держится, не отстаёт, из последних сил ногами шаркает проклятый.

...Дошел я до ворот – коричневых, красивых, как свадебное платье с рюшами. Номер не скажу, ни к чему тебе знать – они хоть и живые мертвяки, но мертвяки же все-таки. Нюхач сзади замер, метрах в пяти стоит, носверху держит, а лицо уже красное, слезы из-под очков на шарф капают, прямо плачет. Пронимает его вонища. До позвоночника. До костного мозга. Думаю, подожди, хоть бы Афлатун дома оказался! Сейчас ты у меня нюхнешь, имя свое забудешь! Жду, трясусь от холода. Долго ждал. Наконец, слышу голос Афлатуна: «Кто там?», обрадовался я, на месте подпрыгнул, шлепанец чуть с ноги не слетел. «Свои, – говорю, – открывай, брат-хортдан, быстрее, пока я сам тут не умер». Ну, а как дверь открыли, вонь даже меня проняла: Афлатун из натопленного дома вышел, а дома у них что зимой, что летом, хоть без штанов ходи, духота такая. Сам понимаешь, после холодной могилы хортдану согреться требуется, а то толком не оживет, вялый будет. И вот, как дверь открылась и Афлатун ко мне вышел собственной персоной, нюхач как заорал диким голосом и сразу в обморок грохнулся. Видать, обожгло беднягу капитально. Да что его, насколько я терпеливый, и то кутабы наружу попросились. Вначале мясные, а следом с зеленью! Афлатун еще свежий был, недавно как с того света вернулся, а в первые дни они самые вонючие бывают, зловонность двойного калибра, прямо с ног сшибает. Потом, через недельку, вонь немного уменьшается, легче становится терпеть...

Удачно я зашел!

Ну, чего дальше? Рассказал я Афлатуну, что да как, объяснил без лишних подробностей. Зачем ему подробности? Я в его дела не лезу, и ему о моих знать не обязательно. Перетащили мы нюхача подальше к помойке, уложили за баками, присыпали немного мусором, чтобы незаметно было. Хорошо, темно там у них, и фонарей нет, частный же сектор. Пока тащили, нюхач все корчился, хотя и без сознания, подвывал даже, дрыгался как на сковороде, из носа гадость какая-то лезла, на фиолетовый творог похожая. А я все приговаривал: «Так-то тебе, не будешь, поганец, за мной больше бегать...».

В тот день хорошо все закончилось. Но если нюхача на Карагач напустили, значит соседка твоя взялась за нас по-серьезному. Мы ведь и знать не знаем, сколько таких нюхачей сейчас по микрорайону шастает. Неумная тварь! Неизвестно, что она еще придумает. Еще и амбалов напустить может, тоже гадость ужасная. Про них потом расскажу. Кебире – тетка изобретательная. Хотя, конечно, людям гадить – много ума не надо. Болезнь напустить всякий может, а вылечить – много труда нужно.

Я вот Карагач на стройке оставил – сердце не на месте. Вдруг найдут, унюхают, углядят... Ну, сегодня-то ладно, принял я кое-какие меры. Упросил Вахаба Афлатуна в гости позвать. Они через племянника двоюродного брата Вахаба первой жены родственниками получают. Сейчас, поди, уже чай попивают. Главное, чтобы подольше посидели, от запаха Афлатуна даже кошки разбегаются!

...Заговорил ты меня! Пришли уже! Слушай, а ты деньги не забыл? Без денег ничего не выйдет...

(Окончание следует)